Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

132
Al'manakh istoricheskiĭ
1648
300

АЛЬМАНАХЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ,

или

КРАСОТЫ РОССІЙСКОЙ ИСТ

изданный

Кнцгм.

МОСКВА.

Въ Типографіи Лазаревыхъ
Института Восточныхъ языковъ.

1832.

ПК39
.А6

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Декабря 31 дня, 1831 года.

Цензоръ С. Аксаковъ.

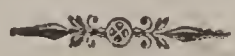
КРАТКОЕ ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Книжка сія есть не болѣе, какъ выписка изъ самыхъ занимательныхъ мѣстъ Исторіи Карамзина, расположенная по порядку времени. Цѣль ея состоитъ въ томъ, что бы тѣмъ, кои не имѣютъ случая или возможности прочитать подлинныхъ бытописаній Отечества, доставить чтеніе необходимое; занять свободное время юношества такимъ разнообразіемъ историческихъ повѣствованій, которое бы, напоминая выученное, завлекало любопытство къ изученію дальнѣйшаго; указать

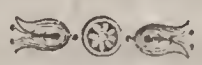
или припомнить отечественнымъ художникамъ тѣ предметы, кои, съ честью для нихъ и пользою для Россіи, могутъ занять ихъ искусство.

Важныя событія, которыя въ Исторіи разбросаны, по времени ихъ постепеннаго явленія, какъ на примѣръ: обращеніе Россіи къ Христіанству; вторженіе въ нее и изгнаніе Моголовъ; исторія Новагорода, представлены въ необходимой, для ихъ обозрѣнія, совокупности.

Книжка сія оканчивается кончиною Іоанна Грознаго. Произшествія послѣдующія составятъ Альманахъ будущаго года, ежели настоящій заслужитъ одобреніе читателей.



КРАСОТЫ
Россійской Исторіи или избранныя мѣста и черты изъ событій Отечества.



I. О СЛАВЯНАХЪ ВООБЩЕ.

Происхожденіе народовъ закрыто непроницаемою завѣсою отъ разума, который тщетно ищетъ, независимо отъ священнѣйшаго, самаго древняго и единаго положительнаго преданія книгъ Библейскихъ, разгадать его. Тщетно неутомимая разыскательность связываетъ догадки съ догадками,

трудится надъ изученіемъ древнѣйшихъ языковъ, вопрошаетъ полуистлѣвшія хартіи и развалившіеся камни, которые, по выраженію Платона, *отвѣчать не умѣютъ*. Тщетно перевозятъ изъ развалинъ Египта огромные памятники и читаютъ гіероглифы, ихъ покрывающіе. Вездѣ мракъ и недоумѣніе; и дѣйствительно: что съ нашимъ просвѣщеніемъ открыли мы, до нынѣ, о происхожденіи народовъ и ихъ языковъ?—Ничего, ибо знаемъ положительно только, что Исторія тогда-то *застала* такой или другой народъ, на такомъ-то мѣстѣ; но что изъ этого? Откуда онъ взялся? гдѣ заимствовалъ языкъ, ѳеогонію, обычаи свои? Не знаемъ, и одними догадками принуждены наполнять тѣ страницы, которыя служатъ введеніемъ къ Исторіи народовъ.

Общее заключеніе сіе прилагается въ осо-

бенности и къ каждому изъ новѣйшихъ народовъ, а потому и намъ не извѣстно происхожденіе нашихъ предковъ Славянъ; мы не можемъ даже утвердить и того, *Славянами* или *Словенами* они назывались, ибо не знаемъ отъ *Славы* или отъ *слова* наименованіе ихъ происходитъ? Первое происхожденіе само по себѣ ясно, а второе весьма принуждено: ибо его выводятъ изъ того, что якобы *Словене*, называя всѣхъ не говорящихъ ихъ языкомъ—*Нѣмцами*, прозвали себя, какъ одинакое слово или языкъ имѣющихъ — *Словенами*. Изъ сихъ двухъ, равно невѣрныхъ гаданій, мы въ правѣ, кажется, выбрать то, которое вѣроподобнѣе, и вмѣстѣ великому народу болѣе прилично. Воинственный духъ и славныя дѣянія *Славянъ* безъ всякаго сомнѣнія познакомили ихъ со славою прежде, нежели съ нѣкоторымъ

литературнымъ уже понятіемъ *о словѣ.* Хвастливость полудикихъ героевъ могла весьма естественно присвоить имъ имя *славныхъ*, тѣмъ болѣе, что оно по всей справедливости отличной ихъ храбости и побѣдамъ принадлежало. И такъ мы можемъ основательно думать, что имя предковъ нашихъ дѣйствительно происходитъ отъ *славы* и утѣшаться тою мыслію, что хотя нынѣ сами его и не носимъ, но покрывъ новою славою 13-ти столѣтій, пріобрѣли право усвоить ему сіе производство.

Положительно знаемъ только то, что съ VI вѣка занимаютъ *Славяне* большую часть Европы, отъ Балтійскаго моря до Эльбы, отъ Тисы до Чернаго моря, ибо тогда только начинаютъ Историки Византійскіе описывать свойства ихъ, образъ

ихъ жизни и войны, обычаи и нравы, отличные отъ племенъ ихъ Сарматскихъ и Нѣмецкихъ. Со временъ Іустиніановыхъ, то есть, съ 527 года, начинаютъ они, утвердясь въ Дакіи, дѣйствовать противъ Имперіи Греческой. Никоторые изъ дикарей, на нее нападавшихъ, не были ужаснѣе *Славянъ*. Иллирія, Ѳракія, Греція, Херсонесъ, всѣ области отъ залива Іоническаго до Константинополя, были ихъ жертвою. Они раззорили въ Далмаціи славный городъ Эпидавръ, истребивъ почти всѣхъ его жителей, изъ которыхъ только немногіе, укрывшись отъ нихъ на крутой и неприступной горѣ, были принуждены въ послѣдствіи ее обработывать и мало по малу основали Рагузу. Прокопій утверждаетъ, что Славяне въ набѣгахъ своихъ убивали и уводили въ плѣнъ до 200 тысячь человѣкъ.

Сіе дастъ понятіе о силѣ, храбрости ихъ, и о томъ ужасѣ, который они наводили. Южные берега Дуная, обагренные кровію ихъ жителей, и покрытые развалинами и пепломъ городовъ и селеній, долго оставались плачевнымъ памятникомъ ихъ дикой славы. Легіоны Римскіе отъ нихъ бѣжали, и знамя Константиново было въ рукахъ ихъ. Имперія Греческая, приведенная въ трепетъ отчаянною храбростію сего народа, принуждена была откупаться отъ его нападеній. Она нанимала его служить въ ея войскахъ, и страшный врагъ сей часто способствовалъ ея побѣдамъ и безопасности.

Наконецъ, народы Славянскіе разселились отъ моря Балтійскаго до Адріатическаго, отъ Эльбы до Мореи и Азіи; но вездѣ потеряли свою самостоятельность,

и одни Славяне Россійскіе сохранили независимость, вѣру, языкъ и славу предковъ своихъ ненарушимо.

Доселѣ изъ судебъ Промысла Божія о племенахъ народа Славянскаго видимъ мы ясно два великія событія: обращеніе его въ Вѣру Христову и основаніе огромнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи Россійской. Любопытно и назидательно видѣть, какимъ образомъ сей Промыслъ, за многія столѣтія впередъ, уготовляетъ судьбы народовъ и царствъ. Дикари неизвѣстнаго происхожденія бродятъ, нѣсколько можетъ быть вѣковъ, въ необозримыхъ пустыняхъ, размножаются, междоусобіями и нуждами вытѣсняются изъ страны въ страну, встрѣчаютъ другія племена, обиды и опасности отъ нихъ, вооружаются, побѣждаютъ, грабятъ, богатѣютъ, выучиваются прихотямъ, кото-

рыя скоро дѣлаются потребностями и нуждами, пускаются въ обмѣны, узнаютъ чрезъ торговлю о богатой и роскошной Имперіи, идутъ, вѣроятно сперва посмотрѣть на нее, и вдругъ являются на ея предѣлахъ тучею страшныхъ завоевателей, гонятъ Легіоны Римскіе и приводятъ въ трепетъ новый Римъ. Гдѣ же цѣль сего вожденія? Цѣль великая и божественная! Съ одной стороны, Славяне, какъ грозный бичь Божій, подъятый надъ самою столицею міра Христіанскаго, въ развратѣ тогда уже растлѣвшею и ересями обуреваемою, какъ бы предваряли ее за нѣсколько вѣковъ, о той страшной казни, которая въ то время уже ей приготовлялась, по предвѣденію ея нераскаянности; съ другой, тамъ должны были предки наши получить первое понятіе о томъ счастливомъ едино-

властіи, коему въ послѣдствіи, столь безпримѣрно, принесли они въ жертву буйную свободу свою, о томъ единовластіи, которому обязаны мы существованіемъ и всею славою великаго нашего Отечества. — Тамъ должны они были заимствовать тѣ первыя святыя сѣмена истинной Вѣры, которыя, съ девятаго столѣтія будучи троекратно (въ 865, 955 и 988 годахъ) брошены оттуда на благословенную ниву Россіи, только при Равноапостольномъ ея Просвѣтителѣ возрасли въ то сенолиственное древо благочестія, которое, простирая нынѣ вѣтьви свои отъ востока до запада солнца, осѣняетъ пятьдесять народовъ.

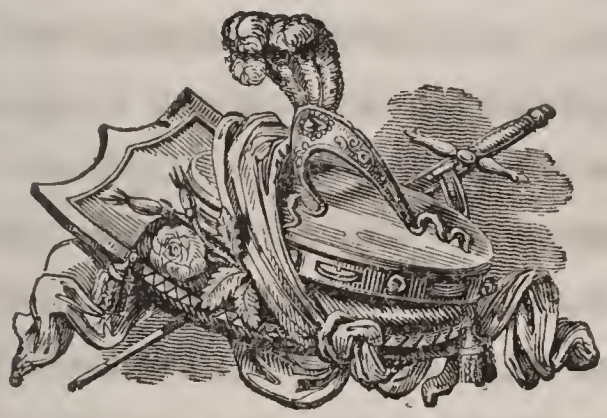
Такова премудрая политика Верховнаго Міродержца. Торжество наше надъ нечестивыми полчищами, наводнившими Россію въ 19-мъ столѣтіи, завернуто уже было,

за 10-ть вѣковъ прежде, въ набѣгѣ Кіевскихъ Славянъ на Константинополь, гдѣ сискали они драгоцѣнностей гиблющихъ; но пораженные чудомъ гнѣва Божія, надъ ними совершившагося, нашли и сохранили для насъ нигиблющее сокровище Православія, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ сокровища гражданскаго благоустройства, величія и славы. Такъ огромный кедръ со всѣми корнями и вѣтьвями его завернутъ въ сѣмяни, ногою путника равнодушно попираемомъ.

Исторія царствъ безъ сего внимательнаго наблюденія за ходомъ Промысла Божія въ ихъ судьбахъ, есть ни что иное, какъ всегда и вездѣ единообразная хартія варварства, грабежей, роскоши, пороковъ, злодѣйствъ, мятежей, браней и смѣны народовъ однихъ другими.

Въ первомъ вѣкѣ Христіанства, по ска-

занію Нестора, Святый Первозванный Апостолъ Андрей, проповѣдуя Евангеліе въ Скиѳіи, благословилъ отечество Славянъ Россійскихъ, на пустынныхъ еще тогда горахъ Кіева, водрузивъ на нихъ крестъ и предсказавъ святыню и славу сей древней столицы нашего отечества.



II. О НРАВАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ СЛАВЯНЪ.

Греки описываютъ Славянъ народомъ неутомимымъ, переносящимъ холодъ, непогоды, голодъ и всякія нужды, и питающимся самою грубою и сырою пищею. Они удивляются быстротѣ, легкости и отважности, съ которою взлезаютъ Славяне на крутизны, спускаются въ пропасти, бросаются въ болота и глубокія рѣки. Но примѣчаютъ также, что они мало пеклись о своей наружности, и являлись въ собранія въ пыли и грязи. Въ Раичевой Исторіи Славянскихъ народовъ написано, что они омывались только три раза во всю жизнь: въ день рожденія, женидьбы и смерти.

Здѣсь примѣтить надобно, что Рускій народъ, сохранивъ доселѣ всѣ, описанныя выше, добрыя свойства своихъ предковъ, не подражаетъ имъ въ дикой ихъ неопрятности, — и изъ всѣхъ народовъ Европейскихъ есть самый чистоплотный; ибо въ то время, какъ у другихъ нѣтъ даже и народныхъ баней, у насъ не только онѣ вездѣ есть, вездѣ еженедѣльно наполнены, но и въ самыхъ бѣдныхъ селеніяхъ, почти у каждаго крестьянина есть собственная своя; а который имѣть ее не въ состояніи, тотъ простую печь свою употребляетъ вмѣсто бани.

Греки описываютъ высокій ростъ, стройность и мужественную красоту Славянъ.

Такъ изображаютъ ихъ писатели VI-го вѣка. Особенно же примѣчательно то,

что единогласно признавая удивительную ихъ неустрашимость, въ описаніи Тактики ихъ за 12-ть столѣтій до насъ, изображаютъ почти ту самую, которою доселѣ храбрые Донцы наши удивляютъ Европу. Тогдашніе Славяне сражались толпами разсѣянными, засѣдали въ ущеліяхъ, скрывались въ травѣ и изумляли непріятеля внезапнымъ нападеніемъ и плѣномъ. Они умѣли даже таиться долгое время въ рѣкахъ, гдѣ свободно дышали, сквозь тростникъ, на поверхность воды выставленный. Они употребляли стрѣлы, ядомъ отравленныя.

Въ доказательство того, что храбрость Славянъ была не одна запальчивость, дикимъ ордамъ свойственная, но чувство, на чести народной основанное, служитъ ихъ отвѣтъ послу Баяна, Хана Аварскаго, ко-

торый требовалъ отъ нихъ подданства: »Кто можетъ лишить насъ вольности? »Мы привыкли сами отнимать у другихъ, »а не уступать свои земли.—Такъ буд »всегда, доколѣ есть на свѣтѣ »мечи!«

Жестокость Славянъ на войнѣ извиняется чувствомъ мести ихъ за ту, съ которою непріятели поступали съ ихъ плѣнными, подвергая ихъ разнымъ истязаніямъ для распроса о числѣ и замыслахъ ихъ войскъ. Славяне выдерживали сіи мучительства, не говоря ни слова и, безъ вопля и даже стона, посреди ихъ умирали.

Мысль о томъ, что жестокость ихъ на войнѣ была только несчастная взаимность, подтверждается и тѣмъ, что по словамъ Прокопія, они не знали ни лукавства, ни злости, хранили свою древ-

нюю простоту нравовъ, обходились съ плѣнными добродушно, и всегда назначали срокъ ихъ порабощенію, послѣ котораго могли они, внеся выкупъ, возвратиться въ свое отечество, или остаться съ своимъ владѣльцемъ и жить съ нимъ въ свободѣ и братствѣ.

Всѣ бытописатели хвалятъ единогласно гостепріимство Славянъ, коего слѣды и доселѣ видимъ мы въ тѣхъ мѣстахъ благословеннаго отечества нашего, куда не достигла еще такъ называемая Европейская образованность.

Цѣломудріе отличало не только женъ, но и мужей Славянскихъ. Прелюбодѣяніе наказывалось у нихъ смертью, но вѣрность мужей дорого стоила женамъ ихъ; ибо онѣ были совершенными рабами и даже принуждены сожигаться на кострѣ съ тѣ-

умершаго мужа, по той увѣренности, что и послѣ смерти жена должна служить ему на томъ свѣтѣ. Но рабство женъ происходило отъ обычая покупать ихъ; ибо *вѣно* значило плату за невѣсту отцу ея. Хотя Славянки не вмѣшивались въ дѣла общественныя, но иногда ходили на войну съ отцами и супругами. При осадѣ Константинополя, въ VII-мъ столѣтіи, между трупами Славянъ найдено много женскихъ. Чрезъ двѣнадцать столѣтій, въ войну отечественную, жены поселянъ нашихъ показали, что въ сердцахъ ихъ течетъ кровь древнихъ Славянокъ!—

Предки наши жили въ простыхъ и убогихъ хижинахъ, занимались скотоводствомъ и хлѣбопашествомъ, и въ VI-мъ уже вѣкѣ питались просомъ, гречихою и молокомъ. Одежда едва закрывала наготу ихъ; они

сражались безъ кафтановъ, иные даже безъ рубахъ, въ однихъ портикахъ, и донынѣ народомъ нашимъ употребляемыхъ. Кожи звѣрей лѣсныхъ и домашнихъ защищали ихъ отъ холода. Женщины носили длинное платье и украшались уже бисеромъ и металлами, добытыми мужьями ихъ на войнѣ, или вымѣненными у купцевъ иностранныхъ.

Правленіе у нихъ было Патріархальное: отецъ господствовалъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою, старцы надъ селеніемъ. Они избирали Вождей на время войны. Отличнѣйшіе изъ нихъ на полѣ брани сдѣлались первыми властителями Славянскаго народа; дѣти наслѣдовали уваженіе, отцами заслуженное, и такимъ образомъ произошло Дворянство, которое означалось у нихъ именами: Боярина, Воеводы, Князя, Пана, Жупана и Краля.

Покланяясь идоламъ, были они преданы всѣмъ неистовствамъ волхвованія и гаданій, подобно прочимъ язычникамъ, и даже открыто покланялись демону подъ именемъ *Чернобога.* Они обагряли требища своихъ кумировъ кровью христіанъ, избираемыхъ по жребію изъ плѣнныхъ, или купленныхъ у морскихъ разбойниковъ. Сіе горестное обвиненіе дикихъ предковъ нашихъ, можемъ мы облегчить, вспомнивъ Колизей древняго Рима, оглашаемый крикомъ просвѣщеннѣйшей столицы міра: *ко львамъ христіанъ, ко львамъ!*

ВѢКЪ ДЕВЯТЫЙ.

III. ОСНОВАНІЕ МОНАРХІИ.

Происхожденіе Монархическаго Правленія въ Россіи есть непосредственное дѣло Божіе; ибо не представляетъ никакой естественной, человѣческой причины. Славяне, привыкшіе къ шумному народоправленію, по предложенію Гостомысла, зовутъ царствовать надъ собою Князей изъ народа имъ враждебнаго, и, добровольно, отъ безначалія переходятъ къ Самодержавію. »Земля наша велика и обильна, а «порядка въ ней нѣтъ; идите княжить и

»владѣть нами,« говорятъ они тѣмъ самымъ Варягамъ, противъ коихъ независимость свою всегда со славою защищали. Исторія не развязываетъ сей загадки; а между тѣмъ, обстоятельство сіе есть въ ней самое важное; ибо Россія, слабая и раздѣленная доколѣ на малыя области, обязана всемъ величіемъ и силою своею одной Монархической власти. *Мною Царіе царствуютъ*, сказалъ Тотъ, Кто одинъ зиждетъ и сокрушаетъ царства земныя, и Чья всесильная рука, покрывая часто непроницаемымъ для пытливости нашей облакомъ, причины важнѣйшихъ въ мірѣ происшествій и, особливо происхожденіе Царственныхъ родовъ, какъ бы подтверждаетъ тѣмъ, что Имъ *Одинъ* Царіе царствуютъ.

Такимъ образомъ, вопреки всѣхъ буйственныхъ заключеній философовъ о проис-

хожденіи Царской власти отъ положительнаго или подразумѣваемаго договора съ народомъ, огромнѣйшее нынѣ, но всегда сильное Государство стоитъ предъ глазами ихъ девять вѣковъ, не на договорѣ, но на словѣ: *идите владѣть нами!* на опытѣ безпорядковъ и несчастій народнаго правленія; на природномъ, для народа еще не развращеннаго, чувствѣ необходимости Единовластія и безусловной покорности лицу Державному.

IV. О ПЕРВОМЪ ЛУЧѢ ХРИСТІАНСТВА, НА РОССІЮ НИЗПОСЛАННОМЪ.

По единогласному свидѣтельству Константина Багрянороднаго, Зонара, Византійскихъ лѣтописателей и Нестора, Христіанское просвѣщеніе отечества нашего началось съ Кіева. Около 876 года, Оскольдъ, Князь Кіевскій, заключивъ союзъ съ Василіемъ Македонянинномъ, принялъ въ Константинополѣ святое крещеніе. За недостаткомъ подробностей сего важнѣйшаго для насъ событія, мы можемъ только утверждаться въ точной его достовѣрности тѣмъ, что писатели и мѣстное преданіе донынѣ указываютъ на *Угорское* мѣсто, въ Кіевѣ, гдѣ погребенъ *Оскольдъ*, какъ на

могилу Христіанина, и тѣмъ, что нѣкоторые Россіяне, при *Олегѣ* и *Игорѣ*, утверждали уже договоры свои съ Греками *клятвою предъ крестомъ*.

Замѣтимъ, что въ томъ же вѣкѣ, и, можетъ быть, въ то самое время, какъ первый лучь Вѣры Христовой блеснулъ въ первопрестольной столицѣ Россіи, Святыя Меѳодій и Кириллъ проповѣдывали Евангеліе въ Моравіи, Кроаціи и Далмаціи, и прелагали на *Иллирійскій*, или *Славянскій* языкъ *Новый завѣтъ*, *Псалмы* и другія книги, для богослуженія нужныя.

Чудная совокупность средствъ къ обращенію Россіи!

Западною Иллиріею назывались нынѣшняя Моравія, Кроація, и проч., посему справедливо заключаетъ Русскій лѣтописецъ, что и Апостолъ Павелъ проповѣды-

валъ Славянамъ, когда проходилъ Иллирію (Рим: XV. 19.), и Титъ, когда шелъ чрезъ Далмацію.

Видъ могилы Олега подъ г. Стерлитамакомъ
Вышина 11 Арш. Сѣвойа 76 Арш.

ВѢКЪ ДЕСЯТЫЙ.

V. КРЕЩЕНІЕ ОЛЬГИ.

Мудрая Ольга могла быть убѣждена въ истинахъ Вѣры тѣми Христіанами, кои отъ временъ Оскольда, сохраняли и исповѣдывали ее въ Россіи.

Убѣдясь въ святости оной, пожелала она принять крещеніе въ самой столицѣ міра христіанскаго, куда и отправилась, и гдѣ, послѣ нужныхъ наставленій отъ Патріарха Поліеэвкта, приняла святое крещеніе, имѣя воспріемникомъ Императора Константина Порфиророднаго. Патріархъ,

совершивъ крещеніе, послѣ надлежащаго ей поученія предсказалъ, что Россійское потомство будетъ благословлять ее. Лѣтописецъ изображаетъ силу Вѣры сей святой жены тою радостію, которая объяла тѣло и душу ея по совершеніи таинства, и ревностію, съ которою старалась она обратить къ ней сына своего Святослава.

Не извѣстно, по предубѣжденію, или по причинамъ политическимъ, Святославъ, не принимая крещенія, служилъ однакоже слѣпымъ орудіемъ къ приготовленію для него Россіи; ибо не возбранялъ его своимъ подданнымъ.

VI. КРЕЩЕНІЕ РОССІИ.

Обращеніе Владиміра къ христіанству и просвѣщеніе чрезъ него Россіи, есть чудо столь явное, что нѣтъ никакой надобности искать къ тому причинъ политическихъ въ томъ, что Магометане, Римскіе Католики, Евреи и Греки на перерывъ посылали къ нему своихъ проповѣдниковъ. Политическія явленія суть только средства, чрезъ кои, въ сихъ случаяхъ, воля Божія приводится въ дѣйство. Но дабы усмотрѣть яснѣе чудесность Промысла, въ обращеніи Владиміра, взглянемъ на него во мракѣ язычества. Онъ былъ мужественъ, женолюбивъ и горячо преданъ идолопоклонству; воздвигалъ кумиры въ Кіевѣ

и Новѣгородѣ, украшалъ ихъ драгоцѣнными металлами, чтилъ великолѣпными празднествами и богатыми жертвами. Ненависть свою къ Христіанству показалъ онъ согласіемъ на принесеніе въ жертву Варяга-христіанина. Дѣйствіе благодати на сердце его очевидно уже въ самомъ допускѣ къ нему проповѣдниковъ разныхъ Вѣръ, и желаніе выбрать изъ нихъ истинную, доказываетъ, что вѣра его въ идоловъ уже колебалась; ибо иначе, какъ могъ бы тотъ самый Владиміръ, который обрекъ имъ на жертву христіанина, слушать проповѣдниковъ христіанскихъ, осмѣлившихся учить его? Греческій монахъ, пришедшій послѣ всѣхъ прочихъ, краткимъ изложеніемъ историческихъ событій привелъ его къ Евангелію, изъяснилъ ходъ истинной Вѣры отъ начала міра и заключилъ свою проповѣдь,

развернувъ предъ нимъ картину Страшнаго суда. Владиміра поразило состояніе осужденныхъ. Но часъ обращенія его тогда еще не приспѣлъ. Избраніе Вѣры предоставлено времени и изслѣдованію. Здѣсь видна уже рѣшимость оставить язычество.

Все слышанное отъ приходившихъ къ нему проповѣдниковъ, не полагаясь на собственный судъ, отдалъ Владиміръ Градскимъ Боярамъ и Старѣйшинамъ на разсмотрѣніе, и они дали ему совѣтъ послать довѣренныхъ людей испытать каждую Вѣру на мѣстѣ ея исповѣданія. Благоразумный совѣтъ сей принятъ и исполненъ; посланники Владиміровы, по совершеніи порученнаго имъ дѣла, дали обстоятельный отчетъ во всемъ ими видѣнномъ у Магометанъ и Римскихъ Католиковъ; но не находили словъ къ изъясненію того, чѣмъ поражены были въ цер-

квѣ Греческой. »Греки ввели насъ« говорили они, (по сказанію Нестора) »туда, гдѣ »служатъ Богу своему; и мы не знаемъ, »*на землѣ или на небѣ мы были;* ибо на »землѣ нѣтъ такой красоты и благочестія, »и не можемъ всего объяснить, только »*знаемъ, что Богъ съ ними тамъ пребываетъ.*«

Истина сего событія утверждается древнею Греческою рукописью, въ Парижской библіотекѣ хранимою; тамъ между прочимъ сказано, что Послы Владиміровы, слушая послѣ вечерни и утрени Святую Литургію, распрашивали о значеніи всѣхъ священнодѣйствій, ея составляющихъ, и прибавлено: язычники смотрѣли на сіи обряды *равнодушно, хотя и со вниманіемъ.*

Далѣе въ рукописи сей сказано: »но милосердый Богъ отверзъ имъ очи, да созер-

цають чудо великое, и да познають ис-
»тину. . .« Видѣвъ сіе удивительное явле-
ніе, они взяли за руки своихъ вожатыхъ и
сказали имъ: »Все было здѣсь ужасно и
»величественно, но что мы теперь видѣли,
»превосходитъ естество человѣческое: намъ
»явились юноши крылатые, въ свѣтлой, не-
»обыкновенной одеждѣ, которые, не касаясь
»земли, пѣли на воздухѣ: »святъ, святъ,
»святъ,« что насъ болѣе всего привело въ изу-
»мленіе.« Вожатые отвѣтствовали: »Не вѣдая
»всѣхъ таинствъ христіанства, вы не знае-
»те, что сами Ангелы низходятъ съ неба
»и вмѣстѣ съ нашими священниками со-
»шаютъ божественную службу.« Россіане
говорили: »Ваши слова истинны! дру-
»доказательствъ не надобно, ибо мы все
»видѣли собственными глазами. Отпустите
»насъ въ отечество, да повѣдаемъ о томъ
»Князю нашему. . .«

(Карамзинъ, часть I. примѣч. 444, стр. 171).

Замѣтимъ, что важный актъ сей находится *до нынѣ* въ рукахъ церкви Западной.

Вельможи, восхищенные симъ повѣствованіемъ превосходства Греческаго исповѣданія, подтвердили оное тѣмъ, что *и премудрая Ольга приняла его.* Владиміръ, убѣдясь такимъ образомъ въ истинѣ Греческой Вѣры, предложилъ собранію; а собраніе предоставило его волѣ избрать мѣсто для крещенія, но естественное дикому герою мужество вдохнуло, а мудрость языческая одобрила мысль *завоевать* у Грековъ Вѣру, которою самъ онъ и весь народъ его вскорѣ плѣниться былъ долженъ; ту Вѣру, предъ смиренными хоругвями коей вскорѣ преклониться должны были побѣдоносныя его знамена и пасть во прахъ среброглавые кумиры, съ холмовъ ихъ, оба-

гренныхъ святою кровію Россійскихъ первомучениковъ.

Владиміръ потребовалъ себѣ въ супружество отъ Императоровъ Греческихъ, Василія и Константина, сестру ихъ Анну, а для лучшаго успѣха въ своемъ требованіи, взялъ вооруженною рукою Корсунь (Херсонъ) и угрожалъ, въ случаѣ отказа, поступить такъ же и съ столицею Имперіи. Но здѣсь рука Божія, дабы ускорить обращеніе Владиміра и народа его, смирила гордость язычника. Вскорѣ по взятіи Корсуня, до прибытія еще Анны, Владиміръ пораженъ слѣпотою. — Анна совѣтовала ему исцѣлиться крещеніемъ. Онъ исполнилъ совѣтъ ея, и, получивъ духовное и тѣлесное прозрѣніе, въ одно время, воскликнулъ въ радости отъ сего разительнаго чуда: *Теперь позналъ я Бога истин-*

наго! Вельможи его, очевидные свидѣтели онаго, въ слѣдъ за Государемъ своимъ, въ Корсунѣ же, приняли крещеніе. Время сего важнѣйшаго, въ отечественной Исторіи нашей событія, полагаютъ 988 годъ, въ который совершенъ и бракъ Владиміра съ Царевною Анною; почему и Корсунь возвращенъ Греціи, изъ коей присланъ Митрополитъ Михаилъ, съ шестью Епископами и Клиромъ. Мощи святыхъ Климента и Ѳива, кои взялъ Владиміръ изъ Корсуня, были трофеемъ, котораго не искалъ онъ, приступая къ сему городу; а военноплѣнные Іереи, воины Христовы, долженствовавшіе покорить сему Царю царствующихъ въ Государствѣ Владиміровомъ обширнѣйшую въ мірѣ Имперію Владиміръ соорудилъ въ Херсонѣ церковь и спѣшилъ озарить народъ свой свѣтомъ Евангель-

скимъ, обильно его осіявшимъ. По возвращеніи его въ Кіевъ, сѣкирами и огнемъ сокрушены идолы; *Перунъ*, главнѣйшій изъ нихъ, свергнутый, ударяемый тростями и привязанный къ хвосту коня, брошенъ въ Днѣпръ, коего берега покрыты были тысячами народа стекшагося, по гласу Равноапостольнаго, принять святое крещеніе въ водахъ сего новаго Іордана. Является Владиміръ въ сопровожденіи цѣлаго собора Греческихъ священниковъ, по гласу коихъ все безчисленное множество, вельможи и рабы, бѣдные и богатые, мужи и жены бросаются въ рѣку. — Большіе стали по грудь и шею, а отцы и матери съ дѣтьми и младенцами на рукахъ. Совершилося таинственное священнодѣйствіе и по слову Святителя: *Крещаются во имя Отца и Сына и Святаго Духа*, пріяли баню паки

бытія, всѣ жители столицы Владиміровой.

Святый Апостолъ Россіи, восторженный духомъ Божіимъ, устремивъ взоры на небо, произнесъ сію молитву: »Творецъ »земли и неба! благослови сихъ новыхъ »чадъ твоихъ; дай имъ познать тебя, Бога »истиннаго; утверди въ нихъ Вѣру правую. »Будь мнѣ помощію во искушеніяхъ зла, »да восхвалю достойно святое имя Твое...« *Въ сей великій день*, говоритъ лѣтописецъ, *земля и небо ликовали.*

Возвратясь изъ Херсона, Владиміръ отпустилъ всѣхъ женъ своихъ и любезнѣйшую изъ нихъ Рогнѣду; она крестилась, постриглась и наречена Анастасіею.

Въ лѣтописцѣ нашемъ сказано: *Володимеръ просвѣщенъ, и сынове его, и земля его!*

Пали кумиры, и крестъ Христовъ возсіялъ на храмахъ, занявшихъ мѣсто ихъ

требищь. Тамъ, гдѣ стоялъ въ Кіевѣ идолъ Перуна, построена церковь святаго Василія; гдѣ пять лѣтъ назадъ, пролита святая кровь Варяжскаго мученика, храмъ Божіей Матери, *Десятинная церковь*, недавно частію отрытая.

Вмѣстѣ съ Православіемъ пришли къ намъ отъ Грековъ искусства и науки: зодчество, живопись, музыка, училища.

Когда совершено въ Кіевѣ строеніе храма, посвященнаго Божіей Матери, со всѣми внутренними украшеніями Греческаго художества, Владиміръ имѣлъ счастіе, съ приличнымъ велелѣпіемъ и при многолюднѣйшемъ стеченіи народа, освятить его, положивъ въ немъ нетлѣнныя мощи святыя Ольги, въ то же время открытыя. »*Господи!*« воскликнулъ Апостолъ Россійскій, подобно Соломону, по освященіи сей

Соборной церкви, *»въ семъ храмѣ, мною »сооруженномъ, да внимаетъ всегда молит»вамъ добрыхъ Россіянъ!«*

Владиміръ отдалъ въ сію церковь иконы, кресты и утварь, взятые въ Херсонѣ, опредѣлилъ привезенныхъ оттуда Іереевъ, пожертвовалъ въ нее изъ собственныхъ доходовъ десятую часть, и положилъ въ храмѣ грамоту, которою заклиналъ своихъ преемниковъ всегда исполнять сей обѣтъ его. — Потомъ праздновалъ онъ радостный день сей всенароднымъ угощеніемъ во дворцѣ княжескомъ: Духовенства, Бояръ, Градскихъ Старцевъ и нищихъ, и раздаяніемъ милостыни.

VII. ЮНЫЙ ИЗЯСЛАВЪ СПАСАЕТЪ ЖИЗНЬ МАТЕРИ.

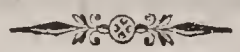
Извѣстно, что Владиміръ, будучи еще язычникомъ, убивъ отца и братій Рогнѣды, взялъ ее въ жены; но въ то время, какъ сія славная несчастливица, по горестямъ ея, *Гориславою* названная, забывала убійцу родныхъ въ любви мужа, онъ измѣнилъ ей и, предпочитая другихъ, выслалъ ее изъ дворца своего. Близь Кіева, на берегу Лыбеди, въ печальномъ уединеніи жила изгнанница, когда Владиміръ вздумалъ посѣтить ее. Онъ заснулъ у ней крѣпкимъ сномъ; оскорбленная любовь и ревность Рогнѣды, вооружили руку ея ножемъ; она подошла къ спящему, занесла ударъ; но Ангелъ, хранив-

шій сего будущаго Апостола Россіи, махнулъ крыломъ; онъ проснулся и отвелъ ударъ. Слезы Рогнѣды, напоминаніе убіеннаго отца и братій, упреки отчаянной любви, воспоминаніе бѣднаго младенца, который изгнанъ и забытъ вмѣстѣ съ матерью; ничто не могло обезоружить раздраженнаго Владиміра, который рѣшился казнить преступницу *собственною рукою!* Онъ повелѣлъ ей украситься брачною одеждою и, сидя въ свѣтлой храминѣ, на богато убранномъ ложѣ, ожидать смерти! Все готово. Владиміръ идетъ, но его встрѣчаетъ юный Изяславъ, и, подавая обнаженный мечь, говоритъ: »*Ты думалъ быть »здѣсь одинъ; нѣтъ, пронзи меня прежде, »чтобъ я не видалъ смерти матери.*« »*Кто »зналъ, что ты тутъ!*« отвѣчалъ Владиміръ, бросилъ мечь и вышелъ.

Онъ собралъ Бояръ и отдалъ имъ на судъ преступленіе Рогнѣды.« Прости виновную, Государь, для младенца и дай имъ въ удѣлъ бывшую область отца ея.»

Владиміръ согласился; построилъ новый городъ въ нынѣшней Витебской Губерніи и, назвавъ его Изяславлемъ, отправилъ туда мать и сына.

Что заслуживаетъ болѣе удивленія: чувствительность ли Владиміра, вырвавшая мечь изъ руки его, великодушное ли согласіе наказать убійцу свою благотвореніемъ, или поступокъ Бояръ, осмѣлившихся совѣтовать Князю раздраженному, вмѣсто праведной казни, прощеніе и благодѣяніе. Естьлибъ мы не знали, что происшествіе сіе случилось до принятія христіанской Вѣры Владиміромъ, кто бы угадалъ, что и Князь и совѣтъ его были язычники?



VIII. ВЛАДИМІРЪ.

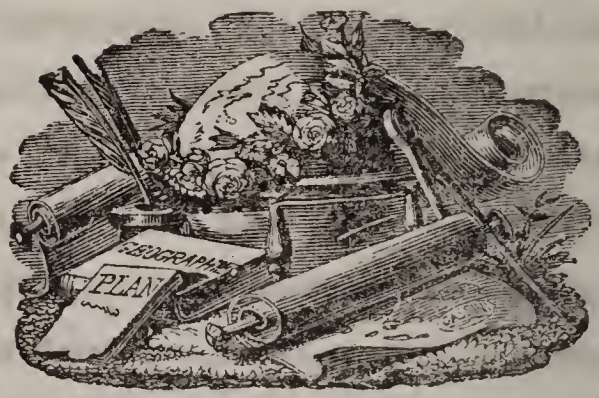
Въ жизни Апостола Россіи есть много сходства со святымъ Апостоломъ Павломъ. Оба жаркіе ревнители, одинъ Іудейства, другой идолопоклонства; оба поражены слѣпотою, и оба по обращеніи чудесно исцѣлены.

Въ жизни святаго Владиміра разительна особенно на рѣзкая черта, которою раздѣляются въ немъ два человѣка, одинъ другому совершенно противуположные. Владиміръ-язычникъ, братоубійца, похититель престола, воздвигаетъ драгоцѣнные истуканы въ Кіевѣ и Новѣгородѣ и проливаетъ у подножія ихъ кровь христіанскую. Онъ

погрязаетъ въ сластолюбіи, имѣя 800 наложницъ и похищая женъ и дочерей у своихъ подданныхъ. Онъ свирѣпъ и въ войнахъ кровожаденъ. — Владиміръ-христіанинъ, отпускаетъ всѣхъ наложницъ своихъ, истребляетъ идоловъ, воздвигаетъ на мѣстѣ ихъ храмы Богу истинному, озаряетъ все Государство свое свѣтомъ Евангельскаго ученія; заселяетъ пустыни, строитъ города, призываетъ изъ Греціи священниковъ, учителей и искусства, заводитъ училища, совѣтуется съ мудрыми Боярами о полезныхъ земскихъ Уставахъ, и страшится проливать кровь и самыхъ злодѣевъ. Онъ сталъ отцемъ бѣдныхъ, которые могли всегда приходить на дворъ княжескій и получать милостыню изъ казны его. *Больные*, говорилъ Владиміръ, *не въ силахъ доходить до палатъ моихъ*, и разсылалъ имъ пищу.

Люди княжескіе, развозя ее по улицамъ, спрашивали: *гдѣ нищіе недужные?*

Такъ изъ каменныхъ сердецъ язычниковъ творитъ Богъ чадъ Аврааму.



ВѢКЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

IX. НЕСТОРЪ.

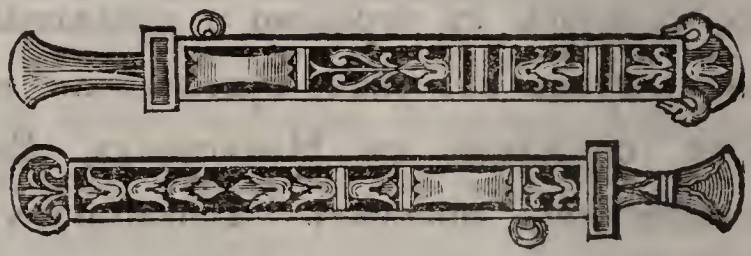
Несторъ родился въ Кіевѣ и былъ Монахомъ Печерскаго монастыря, въ который вступилъ 17-ти лѣтъ, при строителяхъ онаго Антоніѣ и Ѳеодосіѣ. Онъ написалъ извѣстную лѣтопись подъ именемъ: *Повѣсть временныхъ лѣтъ*, въ коей излагаетъ происхожденіе Россійскаго народа, правленіе, просвѣщеніе Православною Вѣрою, внутреннее и внѣшнее состояніе церкви, съ основательностію мужа разсудительнаго, просвѣщеннаго и безпристрастнаго. Бытописатели иноземные и тѣ изъ отече-

ственныхъ, кои смотрятъ на произшествія міра земнымъ окомъ, не изъявляютъ къ нему того почтенія и довѣренности, кои, не взирая на то, совершенно принадлежатъ ему, по той единственно причинѣ, что онъ во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, справедливо видитъ руководство или попущеніе Промысла Божія. Съ простотою полнаго довѣрія описываетъ чудеса, коихъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, или о которыхъ неложное свидѣтельство достигло его уединенія. Иностранцы: Гербиній и Бергій знали Нестора. Славный Лейбницъ, прочитавъ нѣкоторые отрывки изъ его сочиненій, желалъ имѣть списокъ его лѣтописи. Онъ заслуживаетъ отличное почтеніе соотечественниковъ какъ первый писатель нашъ и *отецъ нашей Исторіи*.

X. ПРИСУТСТВІЕ ДУХА КНЯЗЯ ГЛѢБА.

Въ одиннадцатомъ вѣкѣ, проявилось въ Россіи множество обаятелей и волхвовъ, которые прельщали и возмущали народъ. Фины и Чудь славились волшебствомъ, и Новгородцы ходили въ Эстонію загадывать о будущемъ у волхвовъ, кои, по ихъ сказанію, водились съ черными и крылатыми духами. Одинъ изъ сихъ кудесниковъ всенародно осуждалъ въ Новѣгородѣ Вѣру Христіанскую, поносилъ Епископовъ и обѣщалъ перейти пѣшкомъ Волховъ; народъ слушалъ его съ почтеніемъ. Епископъ, предвидя опасность отъ успѣха сего обаянія, облачился, вышелъ на площадь, и, держа крестъ, звалъ къ себѣ православныхъ;

но они толпились около чародѣя. Одинъ Князь Глѣбъ и дружина его подошли ко кресту и приложились. Послѣ чего Глѣбъ пошелъ къ волхву и спросилъ: предвидитъ ли онъ, что съ нимъ въ тотъ день случится?—Онъ отвѣтствовалъ: я сдѣлаю великія чудеса. *Нѣтъ*, сказалъ отважный Князь, и разрубилъ ему голову топоромъ, который скрывалъ для того *подъ своею одеждою.*



XI. РЫЦАРСКАЯ ЛЮБОВЬ НОРВЕЖСКАГО ПРИНЦА ГАРАЛЬДА КЪ ДОЧЕРИ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА.

Норвежскій Принцъ Гаральдъ, выѣхавъ въ юности изъ отечества, служилъ Великому Князю Ярославу, влюбился въ прекрасную дочь его Елисавету и отправился искать славы, чтобы сдѣлаться достойнымъ руки ея. Поѣхалъ въ Константинополь, вступилъ въ Греческую службу, побѣждалъ невѣрныхъ въ Африкѣ и Сициліи, ѣздилъ въ Іерусалимъ для поклоненія Святымъ мѣстамъ и, возвратясь чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Россію съ богатствомъ и славою, женился на Елисаветѣ, которая постоянно занимала его сердце, и коей по-

свящалъ онъ всѣ блистательные подвиги своего рыцарства. Греческая Императрица, воспламенясь къ нему преступной страстью, не хотѣла отпустить его, но онъ съ помощію Варяжской своей дружины ушелъ тайно въ Россію.

Гаральдъ былъ не только Герой, но и Стихотворецъ; онъ сочинилъ въ походахъ своихъ 16-ть пѣсень, изъ коихъ въ каждой было воспоминаніе о прекрасной дочери Ярославовой, напримѣръ: »Мы видѣли бе»рега Сициліи, и, плавая на быстрыхъ ко»рабляхъ, искали славы для того, что смѣ»лые подвиги воинскіе лучше бездѣйствія, »и, чтобы заслужить любовь Русской кра»савицы.«

Малетъ перевелъ на Французскій языкъ слѣдующую Гаральдову пѣсню:

»Легкія суда наши окружили Сицилію, о

»время славы блестящей! темный корабль »мой, людьми обремененный, быстро раз»сѣкалъ волны. Думая только о войнѣ и »битвахъ, я не искалъ инаго счастія; но »Русская красавица меня презираетъ.«—

»Въ юности моей я сражался съ народа»ми Дронтгеймскими. Число непріятелей »было велико, кровь лилась рѣкою. Младый »Царь ихъ палъ отъ руки моей; но Рус»ская красавица меня презираетъ.«

»Однажды было насъ шестьнадцать това»рищей въ кораблѣ: зашумѣла буря, взвол»новалось море и грузный корабль напол»нился водою. Мы ее вычерпали и спаслися. »Я надѣялся быть счастливымъ; но Русская »красавица меня презираетъ.«

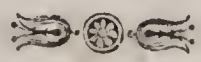
»Въ чемъ я искусенъ? Сражаюсь храбро, »сижу на конѣ твердо, плаваю легко, ка»таюсь по льду, метко бросаю копье, у-

»мѣю владѣть весломъ; но Русская краса-
»вица меня презираетъ.«

»Развѣ не слыхала она, какую храбрость
»оказалъ я въ землѣ Южной, въ какой же-
»стокой битвѣ одержалъ побѣду, и какіе
»памятники славы моей тамъ остались? но
»Русская красавица меня презираетъ.«

»Рожденный въ Верхней Норвегіи, гдѣ
»жители такъ искусно стрѣляютъ изъ лу-
»ка, я захотѣлъ лучше плавать на кораб-
»ляхъ, страшныхъ для поселянъ, между ска-
»лами морскими, и былъ въ неизмѣримости
»Океана, за предѣлами земель обитаемыхъ.
»Но Русская красавица меня презираетъ.«

ВѢКЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.



XII. ВЛАДИМІРЪ МОНОМАХЪ.

Владиміръ Мономахъ или Единоборецъ, получилъ сіе прозваніе отъ родителей своихъ потому, что былъ, по матери, внукъ Греческаго Царя Константина Мономаха. Онъ былъ мужъ истинно великій. Лѣтописцы говорятъ, что имя его гремѣло въ мірѣ и страны сосѣдственныя трепетали отъ него.

Онъ ужасалъ Имперію Греческую. Алексій Комнинъ прислалъ ему въ даръ золотой крестъ съ частію животворящаго древа,

сердаликовую чашу Августа Кесаря, вѣнецъ, златую цѣпь и бармы Константина Мономаха, дѣда его. Неофитъ, Митрополитъ Ефесскій, вручилъ дары сіи Великому Князю въ Кіевѣ, вѣнчалъ его въ Соборномъ Храмѣ *вѣнцемъ Императорскимъ* и провозгласилъ Царемъ, то есть, Кесаремъ Россійскимъ. Императоры наши, при вѣнчаніи на царство, украшаются донынѣ сею славною утварью, наслѣдованною отъ Самодержцевъ Греческихъ.

Древніе Лѣтописцы именуютъ Мономаха *славнымъ побѣдами за Русскую землю и благими нравами.* Владиміръ былъ отмѣнно набоженъ. Сердечное умиленіе его въ храмахъ Божіихъ не могло быть скрываемо; ибо, по словамъ Лѣтописца, слезы лились изъ глазъ его при каждомъ священнослуженіи. Онъ никогда и ни въ чемъ не

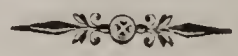
ослушался отца. Былъ щедръ, милосердъ, незлобивъ, дѣлалъ добро врагамъ и любилъ отпускать ихъ съ дарами.

Духовная его даетъ истинное понятіе о семъ великомъ мужѣ и открываетъ, что красота внѣшнихъ дѣяній его имѣла источникомъ совершенства внутреннія.

XIII. МЯТЕЖНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ НОВГОРОДСКОЙ.

Въ то самое время, какъ Республика Новгородская гордилась своею свободою, высокій мостъ рѣки Волхова служилъ ей *Тарпейскою* скалою, съ которой, по воплямъ шумнаго Вѣча, свергались заслуга и добродѣтель.

Въ Лѣтописцѣ упомянуты, вѣроятно изъ многихъ, два подобныя происшествія: въ 1136-мъ году нѣкто Георгій Жирославичь, а въ 1141-мъ Якунъ, сброшены съ сего моста въ Волховъ. Таковы были вездѣ и всегда Правленія народныя!



XIV. МУЖЕСТВО АНДРЕЯ, СЫНА ГЕОРГІЯ ВЛАДИМИРОВИЧА, КНЯЗЯ СУЗДАЛЬСКАГО.

Въ войну междоусобную, при осадѣ Луцка, молодой Князь Андрей, сынъ Георгія Суздальскаго, оказалъ мужество, достойное Исторіи и памятника отечественныхъ художниковъ.

Между тѣмъ, какъ союзные съ нимъ Половцы, испуганные ложною тревогою, бѣжали, и собственная его дружина поколебалась, онъ увидѣлъ въ одно время и знамена отца своего, пришедшаго съ другой стороны къ осажденному городу и сильную вылазку осажденныхъ. Пылкій Андрей бросился въ битву, гналъ непріятелей и въ запальчивости юнаго героя, на мосту окру-

жень ими. Братья его остались далеко и спокойно назади; ибо Андрей забылъ распустить хоругвь свою, что значило по тогдашнему обряду воинскому, чтобы дружины *изготовились къ сраженію*. Два только воина послѣдовали за Княземъ; одинъ изъ нихъ убитъ. Камни сыплются градомъ со стѣнъ города, конь Андреевъ раненъ, острая рогатина проколола луку сѣдельную и вонзилась въ тѣло его; онъ исходилъ кровью. Копье героя изломалось въ дребезги; онъ бросилъ его остатокъ, выхватилъ мечь, призвалъ имя святаго Ѳеодора, древняго поборника его предковъ, сразилъ Нѣмца, готоваго пронзить грудь его, и благополучно возвратился къ отцу. Георгій, дядя Вячеславъ, Бояре и Витязи со слезами радости встрѣтили храбраго юношу; но добрый конь его, вѣрный товарищъ Ан-

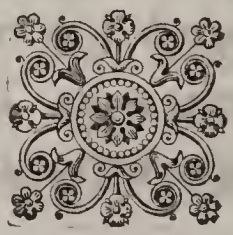
дреевъ, вынесшій его изъ опасности, палъ мертвый. Чувствительный герой поставилъ ему памятникъ надъ рѣкою Стыремъ.

XV. СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ КЛЯТВОПРЕСТУПНИКОМЪ.

Во время несчастныхъ междоусобій, раздиравшихъ Россію, Великій Князь Кіевскій, Изъяславъ, отправилъ Боярина своего, Петра Бориславича, съ крестными грамотами къ Владиміру Галицкому.» Ты нарушилъ клятву,« говорилъ ему Посолъ, »данную »тобою Государю нашему и Королю Вен»герскому, союзнику Изъяслава, въ моемъ »присутствіи. Еще можешь исправить сіе »преступленіе: возврати города Изъяславовы »и будь ему другомъ.« Владимірко отвѣчалъ: »братъ мой Изъяславъ нечаянно подвелъ на »меня Венгровъ; никогда сего не забуду: »умру или отомщу.« Посолъ напомнилъ

цѣлованіе креста. »Онъ былъ невеликъ,« отвѣчалъ Князь въ насмѣшку. »*Но сила его* »*велика*,« возразилъ Посолъ; »тебѣ объя- »вляли, что ежели поцѣлуешь сей Чудо- »творный крестъ и преступишь клятву, »то живъ не будешь.« Владимірко велѣлъ Послу удалиться. Бояринъ положилъ, въ знакъ разрыва, клятвенныя грамоты на столъ и вышелъ. Ему не дали даже и подводъ: онъ отправился на собственныхъ лошадяхъ; а Владимірко, пошедши въ церковь къ вечернѣ и съ переходовъ увидя его, ѣдущаго изъ города, смѣялся надъ нимъ съ своими Боярами. Въ ту же ночь, отрокъ Княжескій, догнавъ Посла, велѣлъ ему остановиться. Петръ ожидалъ новыхъ непріятностей; на другой день пришло ему повелѣніе возвратиться въ Галичь. Передъ дворцемъ Владимірка слуги княжескіе встрѣ-

тили его въ черныхъ одеждахъ. Онъ вошелъ въ сѣни; тамъ юный Князь Ярославъ сидѣлъ на мѣстѣ отца въ черной мантіи и клобукѣ, среди Вельможъ и Бояръ, также въ печальныя епанчи одѣтыхъ. Послу дали стулъ. Ярославъ залился слезами. Глубокое царствовало молчаніе. Изумленный симъ зрѣлищемъ, Бояринъ Изъяславовъ спросилъ о причинѣ сей общей горести, и узналъ, что Владимірко, совершенно здоровый наканунѣ, въ тотъ самый день, какъ, нарушивъ присягу, его выслалъ, возвращаясь отъ вечерни, на томъ самомъ мѣстѣ переходовъ, гдѣ надъ выѣзжающимъ изъ города Посломъ смѣялся, почувствовалъ ударъ, и вскорѣ умеръ.



XVI. РУССКОЙ ВОЕВОДА XII ВѢКА.

Въ одинъ изъ набѣговъ Половецкихъ, въ сраженіи, гдѣ войско непріятеля было такъ превосходно, что, по словамъ Лѣтописца, на каждое копье Русское было десять вражескихъ, знаменоносецъ Князя Михаила упалъ мертвый, и Половцы сорвали съ древка хоругвь Княжескую. Воевода Русскій, котораго имя по несчастію не извѣстно, накинулъ шлемъ свой на древко хоругви, бросился впередъ и сразилъ знаменоносца непріятельскаго. Побѣда одержана, освобождены Русскіе невольники, и Князь возвратился въ Кіевъ съ большимъ числомъ плѣнныхъ и трофеями.

XVII. ЯРОСЛАВЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ, КНЯЗЬ ГАЛИЦКІЙ.

Ярославъ Владиміровичъ славился знаніемъ языковъ и наукъ; но преимущественно отличается въ Исторіи трудами его въ пользу церкви, искорененіемъ зловѣрія, исправленіемъ нравовъ, устройствомъ благочинія и употребленіемъ Духовенства къ обученію дѣтей. Памятниками просвѣщенія сего вѣка остались намъ: жизнеописанія святыхъ подвижниковъ и продолжатели Несторовой лѣтописи: Игуменъ Сильвестръ и два безымянныхъ. Всѣ сіи три послѣдніе писателя сходны между собою порядкомъ Хронологическаго бытописанія, простотою и искренностію разсказа; особенно же столь

рѣдкимъ нынѣ благоговеніемъ предъ Царемъ Царей и Владыкою царствъ земныхъ, ибо не приписывая бѣдствій и успѣховъ слѣпому случаю, именуютъ, какъ то и дѣйствительно есть, первыя наказаніемъ за грѣхи, а послѣдніе благодѣяніями Промысла. Отъ сего вѣка дошли до насъ только два духовныя сочиненія: *Посланія Митрополита Никифора объ отступленіи Западной церкви отъ Правовѣрія* и о *Постѣ*.

XVIII. ПРОСВѢЩЕНІЕ ЗНАТНЫХЪ РОССІЙСКИХЪ ОСОБЪ ОТЪ XI до XIII СТОЛѢТІЯ.

Ярославъ 1-й и Константинъ извѣстны какъ любители *книжнаго чтенія.* Мономахъ былъ весьма просвѣщенный и краснорѣчивый писатель. Святая Евфросинія, дочь Князя Полоцкаго, день и ночь трудилась въ списываніи книгъ Священныхъ. Верхуслава, невѣстка Рюрикова, покровительствовала мужей ученыхъ: Симона и Поликарпа. *Слово о полку Игоревомъ* сочинено, безъ сомнѣнія, человѣкомъ свѣтскимъ въ XII столѣтіи; но по всѣмъ вѣроятіямъ оно есть подражаніе древнѣйшимъ сказаніямъ о дѣлахъ Князей и богатырей Россійскихъ; ибо сочинитель его хвалитъ *Соловья стараго вре-*

мени, Бояна, котораго *вѣщіе персты по живымъ струнамъ рокотали славу Витязей.*

Содержаніе и примѣчательнѣйшія мѣста Слова о полку Игоревѣ.

Игорь, Князь Сѣверскій, убѣждая дружину итти на Половцевъ, говоритъ: »Хочу пре»ломить копье мое на ихъ дальнѣйшихъ »степяхъ; положить тамъ свою голову, »или *шлемомъ испить Донъ!*«

»Многочисленное войско собирается: кони »ржутъ за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, »трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, знамена »развѣваются въ Путивлѣ: Игорь ждетъ »милаго брата, Всеволода.«

Всеволодъ изображаетъ своихъ Витязей: »Они подъ звукомъ трубъ повиты, концемъ »копья вскормлены; пути имъ свѣдомы, о »враги знаемы; луки у нихъ натянуты,

»колчаны отворены, сабли наточены; но»сятся въ полѣ, какъ волки сѣрые, ищутъ »чести самимъ себѣ, а Князю славы.«

»Игорь, *вступивъ въ златое стремя*, ви»дитъ глубокую тьму передъ собой; небо »ужасаетъ его грозою, звѣри ревутъ въ »пустыняхъ, хищныя птицы летаютъ »станицами надъ воинствомъ, орлы *клек»томъ* своимъ предвѣщаютъ ему гибель, и »лисицы лаютъ на багряные щиты Рос»сіянъ. Битва начинается, полки варваровъ »сломлены, взяты въ плѣнъ ихъ дѣвицы »красныя, злато и ткани въ добычу; одеж»ды и наряды Половецкіе лежатъ на боло»тахъ, вмѣсто мостовъ для Россіянъ. Князь »Игорь беретъ себѣ одно багряное знамя »непріятельское, на древкѣ серебряномъ.« Но идутъ съ Юга черныя тучи (или новые полки варваровъ): »Вѣтры, Стрибоговы

»внуки вѣютъ отъ моря стрѣлами на во»иновъ Игоревыхъ.«

Всеволодъ впереди съ своею дружиною: »сыплетъ на враговъ стрѣлы, гремитъ о »шлемы ихъ мечами булатными. Гдѣ свер»кнетъ златый шишакъ его, тамъ лежатъ »головы Половецкія.«

Игорь спѣшитъ на помощь къ брату. Уже два дни пылаетъ битва, неслыханная, страшная: »Земля облита кровью, усѣяна »костями. Въ третій день пали наши зна»мена, кроваваго вина не достало; кончили »пиръ свой храбрые Россіяне, напоили го»стей и легли за отечество.«

»Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ; Половцы, »торжествуя, ведутъ въ плѣнъ Игоря, и »дѣвицы ихъ поютъ веселыя пѣсни на бе»регу Синяго моря, звѣня Русскимъ зало»томъ.

Сочинитель умоляетъ всѣхъ Князей соединиться для наказанія Половцевъ, и говоритъ Всеволоду III-му: »Ты можешь Волгу »раскропить веслами, а Донъ вычерпать »шлемами.« Рюрику и Давиду: »Ваши шле»мы позлащенные издавна обагряются кро»вію; ваши мужественные Витязи ярятся »какъ дикіе волы, уязвленные саблями ка»леными.« Роману и Мстиславу Волынскимъ: »Литва, Ятвяги и Половцы, бросая на землю »свои копья, склоняютъ головы подъ ваши ме»чи булатные.« Сыновьямъ Ярослава Луцкаго: »О вы славнаго гнѣва *шесто-крыльцы!* загра»дите поле врагу стрѣлами острыми.« Онъ называетъ Ярослава Галицкаго *осмомысломъ*, прибавляя: »Сидя высоко на престолѣ »златокованномъ, ты *подпираешь* горы Кар»патскія *желѣзными* своими полками, за»творяешь врата Дуная, отверзаешь путь

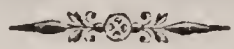
»къ Кіеву, пускаешь стрѣлы въ земли от»даленныя.« Въ тожъ время сочинитель оплакиваетъ гибель одного Кривскаго Князя, убитаго Литовцами: »Дружину твою, »Князь, птицы хищныя пріодѣли крыльями, »а звѣри кровь ея полизали. Ты самъ *въ»ронилъ желѣзную душу свою* изъ мощнаго »тѣла, чрезъ златое ожерелье.«

Въ описаніи несчастнаго междоусобія Владѣтелей Россійскихъ и битвы Изяслава I-го съ Княземъ Полоцкимъ, сказано: »На »берегахъ Нѣмена стелютъ они снопы го»ловами, молотятъ цѣпями булатными, »вѣютъ душу отъ тѣла. . . . О времена »бѣдственныя! для чего не льзя было при»гвоздить стараго Владиміра къ горамъ »Кіевскимъ. . . .« Между тѣмъ супруга плѣннаго Игоря льетъ слезы въ Путивлѣ, съ

городской стѣны смотря на чистое поле. »Для чего, ты, вѣтеръ сильный, легкими »крылами своими навѣялъ стрѣлы Хан»скія на воиновъ моего друга? Развѣ мало »тебѣ волновать Синее море и *лелѣять* »корабли на зыбяхъ его? . . . О Днѣпръ »славный! ты пробилъ горы каменныя, »стремяся въ землю Половецкую; ты несъ »на себя ладіи Святославовы до стана Ко»бянова; принеси же и ко мнѣ друга милаго, »да не шлю къ нему утреннихъ слезъ мо»ихъ въ Синее море! . . . О солнце свѣтлое! »Ты для всѣхъ тепло и красно; по что же »знойными лучами своими изнурило ты во»иновъ моего друга въ пустынѣ безводной? . . « Но Игорь уже свободенъ; обманувъ стражу, онъ летитъ на борзомъ конѣ къ предѣламъ отечества, стрѣляя дикихъ гусей и лебедей для своей пищи. Утомивъ коня,

садится на ладію и плыветъ Донцемъ въ Россію. Сочинитель олицетворяя сію рѣку, заставляетъ ее привѣтствовать Князя: »Не мало тебѣ, Игорь, величія, Хану Кон»чаку досады, а Русской землѣ веселія.» Князь отвѣтствуетъ: »Не мало тебѣ, »Донецъ, величія, когда ты лелѣешь Игоря »на волнахъ своихъ, стелешь мнѣ траву мяг»кую на берегахъ сребряныхъ, одѣваешь меня »теплыми мглами, подъ сѣнію древа зеленаго, »охраняешь гоголями на водѣ, чайками на стру»яхъ, чернетьми (родъ утки) на вѣтрахъ.«

Игорь, прибывъ въ Кіевъ, ѣдетъ благодарить Всевышняго въ храмъ Богоматери, и Сочинитель, повторивъ слова Бояновы: »Худо головѣ безъ плечь, худо плечамъ безъ »головы,« восклицаетъ: »Счастлива земля и »веселъ народъ, торжествуя спасеніе Игоре»во.» Слава Князьямъ и дружинѣ!



ВѢКЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

XIX. РОССІЙСКОЕ ДУХОВЕНСТВО ВВОДИТЪ У НАСЪ ИСКУССТВА И НАУКИ.

Отъ Ярослава Великаго до Андрея Боголюбскаго, были въ Россіи Архитекторы, Живописцы и Лѣкаря выписные. Знаменитѣйшія церкви наши строены и росписаны до сего времени иностранцами; но въ 1194 году Владимірскій Епископъ Іоаннъ нашелъ для обновленія древняго храма, Божіей матери, въ Суздалѣ, въ числѣ собственныхъ церковниковъ искусныхъ мастеровъ и литейщиковъ, которые отдѣлали сію церковь

весьма красиво и покрыли оловомъ, не взявъ въ помощь *ни одного Нѣмца*. Тогда же славился въ Кіевѣ Архитекторъ Милонѣгъ, Петръ, строитель каменной стѣны подъ монастыремъ Выдубецкимъ, такъ удивительной для современниковъ, что они говорили объ ней, какъ о чудѣ. Думаютъ, что онъ же построилъ въ 1185-мъ году Новгородскую церковь Вознесенія Господня. Греческіе живописцы, расписывавшіе Кіевскую Лавру, выучили своему художеству Печерскаго Монаха, святаго Алимпія, который, не требуя никакой платы, писалъ иконы для всѣхъ церквей, и, занимая деньги на покупку красокъ, выплачивалъ свой долгъ работою. Святый Алимпій есть первый изъ извѣстныхъ намъ Русскихъ живописцевъ. О живописи сего времени замѣтить должно, что безъ особеннаго искус-

ства въ рисункѣ, краски такъ живы и хорошо составлены, что свѣжесть ихъ и блескъ позолоты, въ теченіи шести и семи вѣковъ, сохранились безъ поврежденія.

Древній обычай Бояръ Княжескихъ *носить шитыя золотомъ оплечья* доказываетъ, что искусство золотошвѣевъ, перенятое вѣроятно также отъ Грековъ, было извѣстно въ Россіи прежде, нежели во многихъ Государствахъ Европы. (Во Франціи не было оно введено до XV столѣтія.)

Во времена Мономаховы славились у насъ врачи Армянскіе. Врачь Николы Святоши былъ Сиріянинъ. Многія лѣкарства составлялись въ Россіи; а лучшія и драгоцѣннѣйшія привозились чрезъ Константинополь изъ Александріи. Многіе изъ нашихъ Иноковъ упражнялись въ сей наукѣ. Печерскій Монахъ Агапитъ исцѣлилъ Владиміра II-го, осужден-

наго на смерть Врачемъ Армянскимъ.

Начало Астрономіи положено также у насъ въ монастыряхъ точнымъ наблюденіемъ явленія кометъ, солнечныхъ и лунныхъ затмѣній.

Первыми путешествіями и свѣденіями Географическими обязаны мы равнымъ образомъ нашему Духовенству, которое, путешествуя въ мѣстахъ отдаленныхъ и славныхъ, сообщало первыя Географическія свѣденія своимъ единоземцамъ.

Основныя свѣденія о происхожденіи Исторіи, о правленіи, о нравахъ, торговлѣ, церквѣ Россійской, равно какъ славу добродѣтелей нашихъ предковъ и геройства ихъ спасли отъ совершеннаго забвенія однѣ лѣтописи нашихъ Духовныхъ, безъ коихъ мы бы не имѣли и Исторіи; ибо въ то время, какъ въ тишинѣ своихъ уединенныхъ

келій трудились Лѣтописцы, никто объ ней и не думалъ.

Епископы и Монахи (между прочими Суздальскій Епископъ Симонъ и Кіевской Лавры Монахъ Поликарпъ) оставили по себѣ памятники Краснорѣчія.

XX. ДРЕВНЕЕ ЦАРЕГРАДСКОЕ ПРЕДАНІЕ О ВЗЯТІИ СЕГО ГОРОДА РУССКИМИ.

На Таврской площади, въ Константинополѣ, стояла мѣдная статуя Іисуса Навина, на которой кто-то написалъ, что *Россіяне должны овладѣть Столицею Восточной*. Въ началѣ XIII-го вѣка, Французы, овладѣвъ Константинополемъ, сплавили сей примѣчательный памятникъ.

XXI. ПЕРВОЕ ОСТРИЖЕНІЕ ДѢТЕЙ МУЖЕСКАГО ПОЛА.

Въ древнемъ обычаѣ Русскомъ, обрядъ перваго остриженія волосъ дѣтямъ мужескаго пола, назывался *постригою*.

Крестный отецъ приводилъ духовнаго сына въ церковь, гдѣ священникъ читалъ надъ нимъ особенную молитву, въ Требникѣ и нынѣ находящуюся. Дѣтей же Княжескихъ, при многочисленномъ собраніи Князей родственныхъ и союзныхъ, Бояръ и людей почетныхъ, благословлялъ Епископъ. Послѣ сего обряда сажали младенца (4-хъ или 5-ти лѣтъ) на коня, и онъ переходилъ изъ рукъ женскихъ въ мужескія. Роскошный пиръ слѣдовалъ за обрядомъ, и всѣ

присутствовавшіе при ономъ получали дрогоцѣнные подарки: золото, серебро, одежды, коней.

Историкъ нашъ Татищевъ пишетъ, что и въ его время еще сохранялся обычай сей въ нѣкоторыхъ знатныхъ домахъ.

Онъ означалъ переходъ изъ дѣтства въ бытіе гражданское, принятіемъ въ число *благородныхъ Всадниковъ*.

XXII. ПРОЗВАНІЕ АЛЕКСАНДРА, НЕВСКИМЪ.

Зять Короля Шведскаго, Биргеръ, приплывъ въ Неву, къ устью Ижоры, съ великимъ числомъ Шведовъ, Норвежцевъ и Финновъ, велѣлъ сказать Александру:» Ра»тоборствуй со мною, если смѣешь; я стою »уже въ землѣ твоей.« Александръ не изъявилъ предъ Послами ни страха, ни боязни; но поспѣшилъ собрать войско, помолился въ Софійской церкви, принялъ благословеніе Архіепископа, отеръ слезы умиленія, и вышедъ къ малочисленной дружинѣ своей съ лицемъ веселымъ, сказалъ:» *Насъ немного, а врагъ силенъ; но Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ Княземъ!*» Вы-

ступили въ поле; Князь и дружина оказали рѣдкое мужество, непріятель разбитъ; но златоверхій шатеръ Биргера стоитъ еще среди лагеря. Отрокъ Александровъ, Савва, подрубилъ его; онъ палъ, возглашена побѣда, и Александръ прошенованъ *Невскимъ*.

XXIII. ЕВАНГЕЛІЕ ВЪ СТОЛИЦѢ ОРДЫНЦЕВЪ.

Между тѣмъ, какъ Татары порабощали Россію и надѣялись ввести въ нее Магометанство, церковь Россійская водружала крестъ въ самой столицѣ Орды ихъ. Митрополитъ Кириллъ въ 1262-мъ году поставилъ Епископомъ въ *Великіе Сараи* Митрофана, который съ немалымъ числомъ Пресвитеровъ и Клира, имѣлъ тамъ постоянное пребываніе. По освобожденіи Россіи отъ Татаръ, въ Сараевѣ и по берегамъ Дона были Россійскія церкви, почему и послѣ осталось наименованіе Епископа Сарскаго и Подонскаго.

XXIV. КРЫМЪ.

Близь Кафы находился знаменитый Могольскій городъ Крымъ, (коего именемъ назвали и всю Тавриду) столь великій и пространный, что всадникъ, на хорошемъ конѣ, едва могъ объѣхать его въ половину дня. Главная тамошняя мечеть, украшенная мраморомъ и порфиромъ, разныя народныя зданія и училища заслуживали удивленіе путешественниковъ. Купцы ѣздили изъ Хивы въ Крымъ, и зная, что имъ должно быть въ дорогѣ около трехъ мѣсяцевъ, не брали съ собою съѣстныхъ припасовъ, *ибо вездѣ находили гостинницы.* Въ большой мечети была надпись: »Бибарсъ, »Государь Египта, съ дозволенія Хана Коп-

»чатскаго, построилъ въ Крымѣ сію велико-»лѣпную мечеть, желая прославить тѣмъ »свою отчизну, ибо онъ былъ родомъ изъ »Тавриды.«

Нынѣшнее мѣстечко, Старый Крымъ (на рѣкѣ Чуруксѣ близь Кафы) есть бѣдный остатокъ сего славнаго города.

XXV. ПРОИСХОЖДЕНІЕ ТАТАРЪ, ПОРАБОТИВШИХЪ РОССІЮ; УЖАСЪ ИХЪ ВТОРЖЕНІЯ; ПРИЧИНА УСПѢХА ОНЫХЪ, И ЧУДНОЕ ДѢЙСТВІЕ ПРОМЫСЛА БОЖІЯ, СОХРАНИВШЕЕ РОССІЮ ОТЪ СОВЕРШЕННАГО ИСТРЕБЛЕНІЯ.

Вторженіе Татаръ въ Россію есть одно изъ важнѣйшихъ происшествій въ судьбахъ ея; ибо съ одной стороны оно отодвинуло образованность и просвѣщеніе ея на нѣсколько столѣтій, но въ тоже время съ другой, утвердивъ въ ней Единовластіе, положило основаніе силѣ и величію ея.

На границахъ Китая скитались Орды Моголовъ, жившихъ звѣриною ловлею, скотовод-

ствомъ и разбоемъ. Около половины XII столѣтія, народъ сей усилился и сдѣлался извѣстнымъ своими побѣдами. Ханъ его, *Езукай Багадеръ*, завоевалъ нѣкоторыя сосѣдственныя области и умеръ, оставивъ тринадцатилѣтнему сыну своему, *Темучину*, сорокъ тысячь подвластныхъ семействъ или данниковъ.

Сей отрокъ, воспитанный матерью въ простотѣ кочевой жизни, есть тотъ бичь Божій, который вскорѣ опустошитъ мечемъ и пламенемъ обширныя страны; покоритъ милліоны разныхъ народовъ и истребитъ слѣды древняго просвѣщенія и славы. Онъ *Чингисханъ!*

По смерти Багадера, многіе изъ данниковъ отложились отъ его сына. Темучинъ собралъ тридцать тысячь войска, разбилъ мятежниковъ и въ семидесяти кот-

лахъ, наполненныхъ водою, сварилъ начальниковъ бунта. Но дотолѣ повиновался онъ самъ Хану Татаръ Ніучей, господствовавшему въ сѣверной части Китая, котораго власть надъ собою признавалъ и отецъ его. Вскорѣ однако же, возгордясь успѣхами своего оружія, захотѣлъ онъ независимости и преобладанія. Ужасая враговъ мщеніемъ, и, привязывая друзей щедростью, хотѣлъ онъ казаться народу человѣкомъ сверхъ-естественнымъ. Всѣ начальники отдѣльныхъ Могольскихъ Ордъ ему покорились. Онъ собралъ ихъ на берегу одной быстрой рѣки, съ торжественными обрядами, пилъ ея воду и клялся дѣлить съ ними *горькое и сладкое* въ жизни. Въ то время, какъ многочисленное войско его, расположенное въ девяти богатыхъ станахъ, ожидало подъ шатрами велѣній

побѣдоноснаго вождя своего, явился какой-то пустынникъ и возвѣстилъ собранію, что Богъ предаетъ Темучину всю землю, и что сей владѣтель міра долженъ впредь именоваться Чингисханомъ (Великимъ Ханомъ). Воины и вожди ихъ изъявили готовность быть орудіями воли небесной; народы слѣдовали ихъ примѣру. Киргизы Южной Сибири и Уйгуры, жившіе на границахъ Малой Бухаріи, отдались въ подданство *Чингисхана*. Царь Тибета призналъ его своимъ повелителемъ.

Достигнувъ сей степени величія, гордый Ханъ отрекся платить дань Монарху Ніучей и сѣверныхъ областей Китая, взялъ у него девяносто городовъ, разбилъ многочисленное войско, умертвилъ множество плѣнныхъ старцевъ, *какъ людей безполезныхъ*, и не прежде обезоружился, какъ по-

лучивъ отъ непріятеля богатую дань. Но потомъ вторично вступилъ въ Китай, овладѣлъ Пекиномъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія жителей, и зажегъ тамошній дворецъ, который горѣлъ около мѣсяца. Въ два или три года покорилъ онъ Великую Бухарію, взялъ Бохару и обратилъ ее въ пепелъ. Самаркандъ, сильно укрѣпленный и защищаемый многочисленнымъ войскомъ, Хиву, Терметъ, Балхъ, въ которомъ находилось тысяча двѣсти мечетей и двѣсти бань, и подвергнулъ ихъ равной участи. И въ два, или три года, опустошилъ все пространство отъ моря Аральскаго до Инда.

Такъ собиралась та страшная гроза, которая должна была разразиться надъ Россіею!

Около 1223-го года послалъ *Чингисханъ* двухъ знаменитыхъ своихъ Военачальниковъ

взять Шамаху и Дербентъ. Моголы, обманутые путеводителями, окружены Аланами, Ясами и Половцами. Послѣ взаимныхъ коварствъ и обмановъ, Моголы напали на Половцевъ; побили ихъ и гнались за бѣглецами до *вала Половецкаго*, то есть, до границъ нашихъ.

Многіе Половцы, съ семействами и имуществомъ, ушли въ Кіевскую область. Въ числѣ сихъ бѣглецовъ былъ знаменитый Котянъ, тесть Мстислава Галицкаго, и онъ первый взволновалъ Россію вѣстью о нашествіи Моголовъ; дарилъ Князей и говорилъ: »нынѣ взяли нашу землю, завтра »возьмутъ вашу.« Россія ужаснулась. Откуда и кто сіи страшные пришельцы, дотолѣ неслыханные?

Такъ уготовляются и приводятся въ дѣйство Провидѣніемъ величайшія въ мірѣ

происшествія. Въ степяхъ, на границѣ Китайской, слабый отрокъ получаетъ въ наслѣдіе малочисленную орду кочующихъ варваровъ, къ которой пристаютъ нѣсколько другихъ дикарей; является пустынникъ, подосланный, вѣроятно, самимъ Ханомъ, предрекаетъ ему господство надъ всѣмъ міромъ. Умы воиновъ его воспаляются. Сильные народы добровольно принимаютъ его подданство; Цари ихъ дѣлаются его данниками. Онъ завоевываетъ обширныя царства, обращаетъ города съ древнѣйшими произведеніями наукъ и искусствъ въ пепелъ, льетъ кровь сопротивляющихся воиновъ и безоружныхъ плѣнниковъ, и, какъ бы случайно находитъ ту Россію, надъ коею долженъ совершить судъ Божій, и которая вызоветъ его на брань, какъ бы сама поспѣшая приблизить собственную свою гибель.

Какое чудесное сцѣпленіе обстоятельствъ, отъ самаго, по видимому ничтожнаго, до величайшихъ; какое уготовленіе случаевъ, побужденій, страстей къ одной цѣли устремленныхъ! Какое множество лицъ, со всѣхъ сторонъ явившихся для исполненія приговора Небеснаго! Какъ, по видимому, все произведено средствами слабыми, и какъ непреодолимы ихъ послѣдствія!

Храбрый Князь Галицкій, увлеченный желаніемъ испытать счастія съ новымъ и славнымъ уже врагомъ, собравъ Князей на совѣтъ въ Кіевѣ, убѣдительно представилъ имъ, что общая безопасность обязываетъ ихъ вооружиться; что Половцы, будучи оставлены безъ помощи, непремѣнно соединятся съ Татарами и наведутъ ихъ на Россію, и что гораздо выгоднѣе сразиться съ опаснымъ непріятелемъ внѣ

отечества, чѣмъ впустивъ его къ себѣ. Совѣтъ долго разсуждалъ, и наконецъ единодушно положено искать непріятеля. Половцы радовались сему рѣшенію, и Ханъ ихъ, Бастый, принялъ Вѣру христіанскую.

Войско Русское стояло на Днѣпрѣ у Заруба и Варяжскаго острова. Являются десять Пословъ Татарскихъ. »Мы слышимъ,« говорили они Князьямъ нашимъ,— »что вы, »обольщенные Половцами, идете противъ »насъ; но мы ни чѣмъ не оскорбили васъ; »не входили въ вашу землю; не брали ни »городовъ, ни селъ вашихъ, а хотимъ только наказать Половцевъ, своихъ рабовъ и »*конюховъ*. Знаемъ, что они издревле враги ваши: будьте же намъ друзьями; пользуясь случаемъ, отмстите Половцамъ, истребите злодѣевъ и возьмите ихъ богатство.«

Сіи слова показались Князьямъ нашимъ или робостію или коварствомъ. Забывъ и Вѣру и честь, они велѣли умертвить Пословъ Татарскихъ; но Татары еще прислали новыхъ, которые, встрѣтивъ Русское войско, въ семнадцатый уже день его похода, на берегахъ Днѣпра, близъ Олешья, сказали Князьямъ: »И такъ вы, слушаясь »Половцевъ, убили Пословъ нашихъ и хо»тите войны? Да будетъ! Мы вамъ не сдѣ»лали никакого зла. Богъ одинъ для всѣхъ »народовъ: *Онъ разсудитъ насъ!*« Князья, какъ бы пораженные истиною сихъ словъ, и обличаемые, можетъ быть, совѣстью, отпустили Пословъ и ожидали остальныхъ войскъ. Пришли Половцы, и войска собрались. Они расположились на правомъ берегу Днѣпра. Молодые Князья нетерпѣливо хотѣли испытать счастія противъ новаго

для нихъ врага, о которомъ приходили разныя вѣсти: одни утверждали, что онъ кажется опытнымъ и хорошо стрѣляетъ. Мстиславъ Галицкій съ тысячью воиновъ ударилъ на передовой отрядъ Татаръ и разбилъ его совершенно.

Все войско Русское перешло Днѣпръ и шло за непріятелемъ девять дней до рѣки Калки (въ Екатеринославской Губерніи близъ Маріуполя), гдѣ Татары дали первое сраженіе. Битва открылась самымъ блистательнымъ образомъ для Князей Россійскихъ, кои, отличаясь одинъ предъ другимъ чудесами отчаянной храбрости, били непріятеля и повсюду тѣснили его толпы; но малодушные Половцы, впереди поставленные, не выдержали натиска, смѣшались, побѣжали и смяли не только ряды, но и дальный станъ Россіянъ, который не у-

спѣлъ приготовиться къ битвѣ. Непріятель преслѣдовалъ и убивалъ бѣгущихъ. Шесть Князей, *славный витязь* и семдесять *богатырей* пали въ семъ преслѣдованіи. Войско почти истреблено; Половцы, виновники сего бѣдствія, тоже убивали и грабили Россіянъ.

Полководцы Чингисхановы преслѣдовали побѣжденныхъ до самаго Днѣпра, убивая беззащитныхъ гражданъ и земледѣльцевъ, и вдругъ, не встрѣтивъ ни малѣйшаго сопротивленія, обратились къ востоку, для соединенія съ Чингисханомъ, въ Великой Бухаріи.

Новгородскій Лѣтописецъ говоритъ:» »Богъ одинъ знаетъ, кто они такіе и »откуда вышли; премудріе люди, въ книгахъ свѣдущіе, должны вѣдать; мы же не »знаемъ кто они, а написали о нихъ толь-

»ко для памяти Русскихъ Князей и причи-»ненныхъ имъ отъ нихъ бѣдъ.«

Такъ пронеслась мимо Россіи первая гроза нашествія Татаръ; лѣтъ шесть ничего не было слышно о нихъ. Ужасъ, ими наведенный, такъ изгладился, что уже начали думать, что грозный врагъ сей исчезъ навѣки; но въ то самое время собиралась буря, гораздо ужаснѣйшая первой. Чингисханъ, покоривъ совершенно Тангутъ, возвратился въ отечество свое и, къ счастію человѣчества, окончилъ ненавистную жизнь свою въ 1227-мъ году, объявивъ наслѣдникомъ старшаго сына своего *Октая* или *Угадая*, и завѣщавъ ему страшное правило Римлянъ: *Давать миръ однимъ побѣжденнымъ.* Завѣщаніе, достойное кровавой жизни сего бича человѣчества!

Довершивъ покореніе сѣверныхъ областей

Китая, и разрушивъ Имперію Ніучей, Угадай жилъ въ глубинѣ Татаріи, въ великолѣпномъ дворцѣ, украшенномъ Китайскими художниками, близь котораго прекрасный ключь билъ изъ челюстей серебряннаго тигра. Знатнѣйшіе чиновники его жили въ особенныхъ домахъ, и сіе мѣстечко, *Каракарумъ* называемое, было окружено большимъ звѣринцемъ. Стоявшая близь сего мѣста, подъ высочайшимъ деревомъ гробница Чингисханова, напоминала сыну его и завѣщаніе, и славу отца. Онъ воспылалъ желаніемъ исполнить его волю и подражать ему. Триста тысячь воиновъ, порученные предводительству *Батыя*, племянника Ханова, получили повелѣніе покорить сѣверныя берега Каспійскаго моря *съ дальнѣйшими странами*. Такъ вынутъ тотъ страшный роковой жребій, который по-

крылъ злополучное отечество наше пепломъ и кровью!

Въ 1229 году явился Батый на берегахъ Яика, и чрезъ три года пришелъ зимовать въ окрестностяхъ Волги, близь Великаго Города, Столицы Болгарской; въ 1237 году, осенью, обратилъ ее въ пепелъ и умертвилъ ея жителей. Между тѣмъ, какъ Россіяне едва еще о томъ узнали, Моголы, пройдя густые лѣса, вступили уже въ область Рязанскую, и послали къ нашимъ Князьямъ какую-то жену чародѣйку и двухъ чиновниковъ. Князья Рязанскіе выѣхали къ нимъ на встрѣчу, на берегъ Воронежа, и спрашивали ихъ о намѣреніи Батыя. Но Татары не друзей уже искали въ Россіи, какъ прежде, а рабовъ и данниковъ. »Ежели хотите мира,« говорили Послы, »то отдай»те десятую часть всего вашего имѣнія.«

Князья дали отвѣтъ, достойный Русскихъ: »*Когда насъ ни кого въ живыхъ не останется, тогда все возьмите!*« и велѣли Посламъ удалиться.

Ужасная рать Батыева двинулась къ Рязани. На пути раззорили Татары до основанія Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, убивая жителей безъ пощады. Осадили Рязань; пять дней сряду лилась кровь на стѣнахъ ея. Воины Батыевы перемѣнялись, а малочисленные защитники города едва могли стоять отъ усталости. Въ шестый день, множество одолѣло храбрость. Крѣпость зазжена, и жестокій непріятель, сквозь дымъ и пламя, вломился въ городъ, предавая все огню и мечу. Князь и его семейство, бояре и народъ пали жертвою его свирѣпости. Варвары веселились страданіемъ плѣнныхъ, распинали и стрѣляли

въ нихъ для забавы, оскверняли храмы поруганіемъ Монахинь, женъ и дѣвицъ, въ присутствіи умирающихъ супруговъ и матерей; сожигали священниковъ или обагряли олтари ихъ кровью. Весь городъ и окружные монастыри обращены въ пепелъ. Нѣсколько дней продолжались убійства. *Не было*, говоритъ лѣтопись, *ни стона, ни плача; ибо всѣ лежали мертвые.*

Область Рязанская, вмѣсто цвѣтущихъ городовъ и селеній, представляла обширное кладбище, или пустыню, кучи пепла и груды труповъ, хищными звѣрями и птицами терзаемыхъ. Князья, Воеводы, тысяча Витязей славныхъ лежали рядами на мерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ, доколѣ присутствіе Татаръ не позволяло предать землѣ, съ подобающимъ обрядомъ, тѣла убіенныхъ.

Малочисленное войско Князя Всеволода отважно напало близь Коломны на Татаръ; но погибло въ бою неравномъ. Батый взялъ Москву, обратилъ ее въ пепелъ, а жителей истребилъ. Полчища его обложили Владиміръ. Привезены орудія стѣнобитныя, поставлены лѣстницы, обнесенъ городъ тиномъ; а осажденные и не думаютъ просить мира: они знаютъ, что онъ принадлежитъ однимъ рабамъ Моголовъ, и *предпочли смерть славную*. Какое зрѣлище противоположное представляетъ внутренность города! Князь, супруга его, Вельможи и многіе чиновники, собранные во храмѣ Богоматери, облекаются въ схиму Епископомъ Митрофаномъ. Въ священной тишинѣ совершается обрядъ торжественный; и сіи знаменитые Россіяне, отрѣшенные уже отъ міра и жизни, и только нѣсколь-

кими часами отъ вѣрной, мучительной смерти отдѣляемые, еще молятся за Россію!

Какъ скоро отошла заутреня на Воскресенье, 7-го Февраля, начался приступъ. Татары вломились въ городъ. Княгиня со всемъ Княжескимъ семействомъ, со множествомъ Бояръ и народа, заперлась въ Соборной церкви. Непріятель зажегъ ее. Епископъ воскликнулъ:» *Господи, простри »невидимую руку свою и пріими въ миръ »души рабовъ Твоихъ!*» и благословилъ всѣхъ съ нимъ бывшихъ на смерть неизбѣжную, которая и послѣдовала вскорѣ отъ дыма, пламени и мечей Татаръ, кои, выломавъ двери и плавая въ крови, вошли въ церковь.

Завоевавъ Владиміръ, Татары взяли четырнадцать городовъ и опустошили ихъ, плѣняя и убивая жителей; и потомъ устре-

мились къ Новугороду, гдѣ древняя торговля обѣщала имъ богатую добычу. Они взяли Волокъ-Ламскій, Тверь и Торжекъ, и вдругъ во ста верстахъ отъ Новагорода обратились назадъ въ Калужскую Губернію къ Казельску.

Древній Сочинитель Скиѳской Исторіи говоритъ: Восхотѣ (Батый) итти къ Новугороду, *но возбраненъ* глаголютъ, *отъ пути того грознымъ Воеводою Архистратигомъ Небесныхъ силъ Михаиломъ* (Карам. 3. том. пр. 367.)

Козельскъ, неважный и небольшой, укрѣпленный городъ, принадлежалъ особенному Князю изъ рода Князей Черниговскихъ, который былъ тогда еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Дружина его и народъ, увидя приближеніе Батыя, совѣтовались, что дѣлать?» Нашъ Князь младенецъ,« говорили

»они, »но мы, какъ вѣрные Россіяне, должны »умереть за него, чтобы на землѣ оста»вить добрую славу, а на небѣ получить »вѣнецъ безсмертія.» И точно такъ сдѣлали. Въ теченіи семинедѣльнаго приступа никакія угрозы Татаръ не могли устрашить ихъ; варвары разбили стѣны, взошли на валъ; но жители рѣзались съ ними ножами и въ единодушномъ порывѣ геройства, бросились на рать Батыеву, изрубили многія стѣнобитныя орудія, и, положивъ около города четыре тысячи Татаръ, пали на ихъ трупахъ. Батый велѣлъ умертвить всѣхъ гражданъ беззащитныхъ, женъ и младенцевъ, и назвалъ Козельскъ *Злымъ городомъ*. Прозваніе сіе, отъ Батыя полученное, есть славнѣйшій памятникъ!

Батый отошелъ къ Дону и еще разъ бу-

ря, надъ Россіею свирѣпствовавшая, затихла; но не надолго! Покоривъ Половцевъ въ окрестностяхъ Дона, Волги, войска его опять явились на границахъ Россіи; завоевали Мордовскую землю, Муромъ и Гороховецъ, взяли и опустошили Переяславль. Другое войско Батыево осадило Черниговъ и, послѣ отчаяннаго сопротивленія жителей, одержавъ надъ ними побѣду, долго сомнительную, сожгло его; но, какъ бы утомленное убійствомъ, отступило къ Дону.

Давно была извѣстна слава и красота Кіева и Восточнымъ народамъ; ибо многіе Арабскіе Писатели говорятъ о нихъ. Сокровища торговли и церквей сей древнѣйшей столицы нашей, служили, безъ сомнѣнія, сильною приманкою для Татаръ. Внукъ Чингисхана, Мангу, посланъ осмотрѣть Кіевъ. Увидѣвъ его, по словамъ Лѣтописцевъ,

съ лѣваго берега Днѣпра, онъ не могъ надивиться красотѣ его. Возвышаясь на крутомъ берегу величественной рѣки, увѣнчанъ златоглавыми храмами, сквозь зелень садовъ блистающими, и огражденный высокою, бѣлою стѣною съ гордыми ея вратами, башнями, украшенными всею роскошью Византійскаго зодчества, городъ сей поразилъ варваровъ удивленіемъ. Мангу не осмѣлился итти за Днѣпръ. Онъ хотѣлъ дѣйствовать лестью и отправилъ Пословъ; но Кіевляне запечатлѣли непримиримость свою, съ врагами отечества, ихъ кровью. Началась осада; всѣ силы Батыева нападали. Рушилась ограда. Татары овладѣли стѣною; Россіяне отступили къ церкви Десятинной, сдѣлали изъ нея крѣпость и тамъ опять приступа ожидали. Не оставалось уже спасенія; а о мирѣ или пощадѣ

не было и слова. Утомленные Моголы отдыхали на развалинахъ стѣнъ; утромъ возобновили нападеніе. Варвары, не иначе какъ устлавъ путь ко храму трупами своихъ единоземцевъ, дорвались до него и предались всѣмъ ужасамъ обыкновенныхъ своихъ неистовствъ и разрушенія; и древняя столица Россіи, не переживъ славы своихъ защитниковъ, пережила знаменитость красоты и великолѣпія своего. Ея не стало! Мы видимъ одну тѣнь ея величія.

Такъ стенали Лѣтописцы наши надъ развалинами несчастнаго нашего отечества: »Батый, какъ лютый звѣрь, пожиралъ цѣ»лыя области, терзая когтями ихъ остат»ки. Храбрѣйшіе Князья Русскіе пали въ »битвахъ; другіе скитались въ земляхъ чу»ждыхъ; искали и не находили заступни»ковъ иновѣрныхъ; славившіеся прежде бо-

»гатствомъ, скитались въ нищетѣ. Матери »оплакивали дѣтей, предъ глазами ихъ ко»нями Татарскими растоптанныхъ, а дѣвы »невинность свою: многія изъ нихъ спасли ее, »бросясь на острый ножъ или въ рѣки. Жены »Боярскія, не знавшія трудовъ, златыми мо»нистами и шелковыми одеждами украшен»ныя, всегда окруженныя множествомъ »слугъ, сдѣлавшись рабами варваровъ, нос»ли воду для ихъ женъ, мололи жерновами »и опаляли бѣлыя руки свои надъ очагомъ. »*Живые завидовали мертвымъ!*«

Въ Княженіе Святаго Александра Невскаго Батый умеръ, и въ Волжской или Капчатской Ордѣ начались несогласія, предшествовавшія ея паденію.

Татары приняли Магометанскую Вѣру.

Россія, хотя и порабощенная ими, но, въ теченіи почти тридцати лѣтъ, отдох-

нула отъ ужаса ихъ опустошеній.

Въ концѣ сего вѣка, Князья Россійскіе, по взаимной другъ къ другу ненависти, призывали Татаръ и указывали имъ путь въ сердце отечества. Ногай, подъ предлогомъ посредства между Князьями, въ 1293 году, опустошилъ Россію, взялъ десять городовъ, и въ томъ числѣ Москву, плѣнилъ жителей, поругалъ женъ и дѣвицъ, ограбилъ церкви и Духовенство, дотолѣ отъ всякой дани свободное, и распространилъ всеобщій ужасъ. Тверь спаслась мужественною готовностію къ смѣлой защитѣ, а Новгородъ окупомъ. Татары вышли изъ Россіи.

Здѣсь примѣчательно, что славный Ногай посылалъ въ Константинополь Посломъ къ Императору Михаилу, тестю своему, *Россійскаго Епископа Ѳеогноста.* Въ тотъ

самый годъ Ногай побѣжденъ Ханомъ Тохтою и найденъ между убитыми.

Съ возшествіемъ на престолъ Московскій Великаго Княза Іоанна Даниловича Калиты (1328), воцарилась въ Россіи тишина, то есть, Ханы Ордынскіе не посылали уже Воеводъ своихъ грабить Великое Княжество; внутреннія безпокойства Орды были тому причиною. Униженіе Россіи продолжалось еще; по мановенію Хановъ казнили Князей нашихъ предъ ихъ шатрами; но земледѣльцы могли уже спокойно обработывать земли отцевъ ихъ, купцы ѣздить на торгъ, а Бояре покойно наслаждаться своими доходами; и то, что кони Татарскіе не топтали младенцевъ, то, что дѣвы оставались непоруганными, а старцы живыми, *и то уже почиталось счастіемъ!* Таковы были сіи времена скорби и униженія.

Во время царствованія Хана Узбека, характеръ Моголовъ перемѣнился. Роскошь ослабила его. На берегахъ Чернаго моря, Дона и Волги, узнали они пріятности торговли и жизни безпечной. Дикіе сыны снѣжныхъ степей Татаріи, вкусили нѣгу климатовъ благорастворенныхъ. Предки ихъ искали завоеваній; но имъ противна уже стала опасность битвъ и нужно было золото, какъ главное средство къ наслажденію. Князья Московскіе, пользуясь симъ усыпленіемъ Ордынцевъ, распространяли свою торговлю, добывали золото и, помощію его, неся еще постыдное имя *слугъ Ханскихъ*, сдѣлались Государями сильными. Великій Князь Симеонъ Іоанновичь, при вступленіи на Московскій престолъ, осмѣлился уже укрѣпить союзъ Князей Россійскихъ *присягою*. Такъ нечувствительно

стекаются всѣ обстоятельства, когда угодно Провидѣнію уготовить какую-либо перемѣну въ судьбѣ царствъ земныхъ. Въ то самое время два Царевича Могольскіе, сыновья Кульпа, Іоаннъ и Михаилъ, исповѣдывали христіанскую Вѣру. Неизвѣстно положительно, кѣмъ обращены они въ оную: Папскими Миссіонерами или нашимъ Епископомъ Сарайскимъ. Отецъ ихъ и они убиты вскорѣ однимъ изъ потомковъ Чингисхана.

Вторая половина сего вѣка представляетъ въ Ордѣ явленіе весьма примѣчательное. Юный Димитрій Іоанновичъ Московскій (*будущій Донской*) выѣхалъ изъ Орды предъ самымъ мятежемъ, который долженъ былъ возникнуть отъ Ханскаго Темника, того самаго Мамая, съ которымъ увидимъ мы его на Куликовомъ полѣ.

Царство Капчатское послѣ ужаснѣйшихъ кровопролитій раздѣлилось. Ханъ Морутъ, тѣснимый свирѣпымъ и сильнымъ Мамаемъ, сидѣлъ еще на тронѣ, однимъ призракомъ власти верховной. Онъ еще призналъ Димитрія Іоанновича Главою Князей Россійскихъ, для того вѣроятно, что, соединивъ области Великокняжескія, надѣялся удобнѣе воспользоваться ихъ силами.

Такимъ образомъ спасительное дѣло нашего Единодержавія, начатое Іоанномъ Калитою и Симеономъ Гордымъ, утверждено слабою рукою двѣнадцатилѣтняго Димитрія.

При разныхъ набѣгахъ Татаръ, какъ то: Мурзы Ордынскаго Тагая на Рязань и Булатъ-Темира въ Нижегородскую Губернію, побиты они на голову въ частныхъ сшибкахъ съ мѣстными Князьями.

Въ концѣ 14-го столѣтія Моголы опу-

стошили области Рязанскую и Нижегородскую, послѣ разбитія войскъ Россійскихъ, на рѣкѣ Пьянѣ, гдѣ стояли они спокойно, не ожидая нападенія; но когда на слѣдующую зиму Россіяне, отмщая сей набѣгъ, раззорили землю Мордовскую, Хану Могольскому подвластную, то Нижній-Новгородъ снова взятъ Татарами, весь уѣздъ его сожженъ и покрытъ кровью и развалинами. Непріятель, выходя изъ Россіи, соединился съ войскомъ сильнѣйшимъ, которое прислалъ Мамай для нападенія на самаго Великаго Князя Московскаго.

Димитрій, собравъ полки, встрѣтилъ Татаръ въ области Рязанской, на берегахъ Вожи, подъ предводительствомъ Мурзы Бегича, 11-го Августа 1378. Татары ударили было на Россіянъ стремительно; но, увидя ихъ твердость, оробѣли, и отъ перваго ихъ

нападенія *обратили тылъ.* Россіяне кололи, рубили и топили бѣгущихъ. Оружіе, шатры, юрты и все имущество непріятеля досталось побѣдителю. Такъ одержана надъ Татарами *первая побѣда*, *послѣ* 154 *лѣтъ порабощенія! Потомки Чингисхановы* бѣжали, оставляя побѣдителю одинъ трудъ истреблять ихъ!

Чрезъ два года собрался Мамай отмстить безчестіе силъ Могольскихъ. Въ союзѣ съ Литвою, отъ которой обѣщано ему вспоможеніе и съ предателемъ отечества, Олегомъ Рязанскимъ, явился онъ, съ силою несмѣтною, на берегахъ Дона. Россіяне, предводительствуемые Димитріемъ, перешли рѣку. Димитрій подъ Великокняжескимъ чернымъ знаменемъ, на которомъ сіялъ златый образъ Спасителя, читалъ вслухъ Псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила,*

ударилъ первый на врага, и на пространствѣ десяти верстъ полилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Цѣлый день продолжалась битва жестокая. Засада Россіянъ рѣшила побѣду. Моголы смяты и обратили тылъ. Мамай, видя бѣгство своихъ полчищъ и возопивъ: »*Великъ Богъ Христіанскій!*« побѣжалъ вмѣстѣ съ побѣжденными. Россіяне гнали непріятеля, убивали, топили, овладѣли всѣмъ его станомъ и сокровищами.

Въ то время, какъ разбитый Мамай возвратился въ Орду, славный Тамерланъ владычествовалъ надъ обѣими Бухаріями. Съ помощію его, Тохтамышъ, одинъ изъ потомковъ Чингисхановыхъ, объявляя себя наслѣдникомъ Батыева престола, шелъ къ морю Азовскому. Мамай встрѣтилъ его близъ Маріуполя, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1224 году *истребили въ первый разъ*

Могольъ войско всѣхъ соединенныхъ Князей нашихъ; но, оставленный невѣрными Мурзами, бѣжалъ въ Кафу и тамъ умерщвленъ Генуезцами.

Въ 1382 году Тохтамышь, послѣ безполезнаго приступа къ Москвѣ, взялъ ее вѣроломствомъ, ограбилъ, разрушилъ и истребилъ жителей. Владиміръ, Звенигородъ, Юрьевъ, Можайскъ, Дмитровъ имѣли ту же участь. Снова началось порабощеніе Россіи; пріѣзжали Ордынскіе разбойники, подъ именемъ Пословъ, грабить ее и обременять тягостными поданями.

Димитрій принужденъ былъ ѣздить въ Орду, но хорошо тамъ принятъ; ибо началась уже война между Тамерланомъ и Тохтамышемъ.

Тамерланъ завоевалъ Азію, отъ моря Аральскаго до Персидскаго залива, отъ Тиф-

лиса до Ефрата и Пустынной Аравіи; перешелъ Индъ, достигъ береговъ Гангеса, взялъ Алепъ, Дамаскъ; разбилъ и плѣнилъ Баязета и, обложивъ данью Султана Мамелюковъ, Османовъ и Императора Греческаго, властвуя отъ моря Каспійскаго и Средиземнаго до Нила и Гангеса, онъ жилъ въ Самаркандѣ. Воюя съ Тохтамышемъ, и преслѣдуя его во вторичномъ разбитіи, Тамерланъ набѣжалъ на предѣлы Россіи, пройдя степи Саратовскія, и взялъ Елецъ. Страшная вѣсть нашествія сего новаго Батыя распространила ужасъ въ Россіи; но сынъ Донскаго, Великій Князь Московскій, бодрствовалъ, ободрилъ, соединилъ Россіянъ, выступилъ съ войскомъ на берега Оки и писалъ Митрополиту, чтобы послалъ во Владиміръ за чудотворною иконою Божіей Матери, съ которою Андрей Бого-

любскій побѣдилъ Болгаровъ. Жители Московскіе приняли святыню сію съ благоговѣніемъ и предчувствіемъ радости. Тамерланъ, покрывая между тѣмъ путь свой развалинами, пепломъ и трупами жителей беззащитныхъ, шелъ къ Москвѣ; но вдругъ остановясь, оставался двѣ недѣли неподвижнымъ, вышелъ изъ Россіи и бѣжалъ въ смятеніи къ Азову.

Между тѣмъ Моголы истребляли другъ друга. Ханъ Тимуръ-Катлукъ разбилъ Тохтамыша, взялъ Сарай и заставилъ его бѣжать въ Кіевъ.

Великій Князь Московскій напалъ на Казанскую Болгарію, взялъ Жукотинъ, Казань, Кременчугъ, и войско его, раззоривъ страну сію, возвратилось съ богатою добычею.

Въ 1408 году, Эдигей, военачальникъ Булатъ-Хана, подъ предлогомъ нападенія на

Литву, пришелъ внезапно къ Москвѣ и обложилъ ее; но, отозванный возмущеніемъ въ Ордѣ, пошелъ отъ стѣнъ ея обратно, оставя кровавый слѣдъ и пепелища на пути своемъ.

Возмущенія Орды, убійство Хановъ и частый ея переходъ изъ одного владѣнія въ другое, ослабили ее до того, что съ сихъ поръ вторженія Татаръ въ Россію должны почитаться не военными дѣйствіями, но набѣгами частыхъ разбойниковъ, для грабежа.

Въ 1451-мъ году усилившіеся Татары подошли къ Москвѣ, выжгли ея посады, но внезапно отступили.

Около 1462-го основалась Орда Крымская, опасное гнѣздо хищниковъ, столь долго безпокоившее Россію.

Въ 1465-мъ году Орда Крымская спасла

Россію отъ вторженія Царя Ахмата, повелителя Волжскихъ Улусовъ, нападеніемъ на него у береговъ Дона.

Іоаннъ III-й царствовалъ въ Россіи. Хотя онъ и не сложилъ еще имени данника Ордынскаго, но не требовалъ уже *Милостивыхъ Ярлыковъ* отъ Хана, и, возбужденный Царевичемъ Касимомъ, жившимъ въ Россіи, и котораго Казанскіе Татары звали свергнуть ихъ царя Ибрагима, выступилъ съ войскомъ подкрѣпить его; но предпріятіе его на сей разъ не имѣло успѣха. Русскіе отступили. Чрезъ три мѣсяца, въ самую ужасную зиму, выслано новое Московское воинство, котораго часть дошла до Казани, опустошивъ все на пути своемъ, и возвратилась съ богатою добычею.

Казанцы между тѣмъ завладѣли Вяткою.

Въ 1469-мъ году, Іоаннъ, приступивъ къ Казани, побѣдилъ Татаръ, освободилъ всѣхъ нашихъ плѣнниковъ, взятыхъ въ теченіи 40 лѣтъ, и получилъ предложеніе Царя Казанскаго заключить миръ *на всей волѣ Государя Московскаго.*

Въ 1472-мъ Ахматъ, Царь Золотой Орды, подстрекаемый Польшею, вступилъ въ предѣлы Россіи; но бѣжалъ отъ многочисленнаго войска Великокняжескаго, которое, въ числѣ 180-ти тысячь, стало между имъ и Москвою и удивило Татаръ какъ многочисленностію, такъ и порядкомъ своимъ.

Іоаннъ заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ, Ханомъ Крымскимъ, употреблялъ его для погубленія Большой и Золотой Орды, и для обузданія Польши.

Между 1478 и 1480 годами свергнуто рѣшительно Іоанномъ III-мъ властитель-

ство Золотой Орды надъ Россіею слѣдующимъ образомъ: Ханъ Ахматъ отправилъ въ Москву Пословъ требовать дани. Ихъ представили Іоанну; онъ взялъ *Басму* (или изваяніе Царя), изломалъ ее, бросилъ на землю, растоптавъ, велѣлъ умертвить Пословъ, кромѣ одного, и сказалъ ему: *Спѣши объявить Царю своему видѣнное тобою; что сдѣлалъ я съ Басмою и Послами, то будетъ и съ нимъ, ежели не оставитъ онъ меня въ покоѣ.*

Такъ расторгнута сильною рукой Іоанна Великаго позорная цѣпь Могольскаго рабства, слишкомъ 250 лѣтъ отягощавшая Россію

Причины успѣховъ Татаръ въ Россіи: 1-е, чрезвычайное ихъ многолюдство и 2-е, раздѣленіе Князей и городовъ, не хотѣвшихъ никогда соединиться, между тѣмъ,

какъ Татары приходили въ числѣ полумилліона, и новыми завоеваніями силы свои непрестанно умножали; а многочисленность воиновъ при невѣденіи огнестрѣльнаго искусства, необходимо должна была рѣшить судьбу сраженій въ ихъ пользу. Батый велъ цѣлый вооруженный народъ, а наши земледѣльцы истреблялись непріятелемъ безоружные; между тѣмъ, какъ малочисленныя, раздѣленныя дружины могли искать въ битвахъ одной славной смерти, но не побѣды.

Съ половины XIII-го вѣка утвердилось властительство Татаръ надъ несчастнымъ нашимъ отечествомъ. Ярославъ *билъ челомъ* Батыю, въ станѣ его, на берегахъ Волги, принужденъ былъ отправиться къ Великому Хану въ Китайскую Татарію и, возвращаясь съ береговъ Амура, кончилъ жизнь.

Въ 1257-мъ году присланы въ области Суздальскую, Рязанскую и Муромскую Татарскіе чиновники. Они сочли народъ и поставили надъ нимъ своихъ Десятниковъ, Сотниковъ и Темниковъ, для собиранія налоговъ, уволняя отъ общей подати одно Духовенство.

Удивительно, что въ сіе время нѣкоторыя жены Могольскихъ Хановъ были уже христіанками и открыто Вѣру свою въ Ордѣ исповѣдывали.

Въ послѣдствіи Татары отдавали налоги Россіи на откупъ купцамъ *Бесермен-скимъ*, *Хоразскимъ или Хивинскимъ*, которые брали чрезвычайные росты съ бѣдныхъ; а въ случаѣ неплатежа объявляли должниковъ своими рабами и отводили ихъ въ вѣчную неволю.

Порабощеніе Россіи приготовлялось раз-

дѣленіемъ ея на удѣлы, которое произвело тѣ междоусобныя войны, кои, съ половины XI-го вѣка до нашествія Батыя, непрестанно ее раздирали. Онъ уже нашелъ ее покрытою кровью Русскихъ, *отъ руки Русскихъ пролитою.*

Естьли бы Моголы, вмѣсто истребленія и плѣна жителей, переселились изъ кочевьевъ своихъ въ Россію; то не только политическое бытіе, но и имя ея, подобно Имперіи Греческой, могло бы исчезнуть. И такъ въ войнѣ съ Батыемъ дѣло шло даже о бытіи Россіи!

Татары застали Россію уже далеко отставшею отъ образованности Европы. Счастливое ея время, въ царствованіе Ярослава Великаго, когда, посреди мятежей *помѣстной системы*, порабощенія и невѣжества Европы, она имѣла цвѣтущія учи-

лица, добрые законы, богатую торговлю, многочисленное войско и флотъ, и, находясь подъ вліяніемъ Греціи, единственной Державы, не порабощенной варварами, пользовалась въ новой политической системѣ справедливою знаменитостью; счастливое время сіе заступили всѣ ужасы междоусобій. Мечь и пламень собственныхъ Князей ея истребили слѣды ея образованности. Татары нашли ее и въ невѣжествѣ, и въ разслабленіи. Между тѣмъ какъ Европа, съ половины XI уже вѣка, начала въ гражданскомъ образованіи своемъ усовершаться; и въ XIII, когда Россія, терзаемая Моголами, всѣ оставшіяся ея силы напрягала для *сохраненія только бытія* своего, прочіе государства приходили въ цвѣтущее уже состояніе.

Иго Татарскаго порабощенія отдѣлило

ее совершенно отъ Европы и повергло во мракъ того постыднаго бытія, котораго цѣль есть одно существованіе, одна забота избѣжать отъ бѣдъ и страданій физическихъ, какимъ бы средствомъ то ни было! По счастію суровый климатъ Россіи удалилъ, вѣроятно, отъ Татаръ мысль въ ней поселиться. Ханы ихъ, желая господствовать надъ нею *издали* только для серебра, требовали одного повиновенія Князей. Послы Ордынскіе и Баскаки, представляя въ Россіи лице Хана, дѣлали, что хотѣли. Купцы и бродяги Могольскіе обходились съ Русскими, какъ съ своими рабами. Съ чувствомъ бытія народнаго исчезло и чувство чести. Коварство рабское замѣнило права и силу. Необходимость откупаться отъ тиранства невѣрныхъ, родила нечувствительность къ стыду и корысто-

любіе, съ которымъ явилось хищничество и воровство: кто могъ, грабилъ и чужихъ, и своихъ. Не было безопасности ни въ пути, ни дома. Собственностію почиталась добыча силы. Лучшимъ доказательствомъ, до какой степени несчастное время сіе испортило народную нравственность нашу, служитъ сравненіе публичныхъ наказаній. Добрый Мономахъ говорилъ дѣтямъ своимъ: »*Не убивайте виновнаго; жизнь христіанина* »*священна.*« Равно добросердечный побѣдитель Мамая установилъ торговую казнь, не находя другаго способа устрашить преступленія. Предки наши легкими денежными пенями наказывали воровство; а въ XIV-мъ столѣтіи уже вѣшали татей. Иго Татарское ввело тѣлесныя наказанія. За первую кражу клеймили; и человѣкъ съ клеймомъ оставался въ обществѣ! — За пре-

ступленія Государственныя сѣкли кнутомъ. Уныніе, страхъ, ненависть произвели мрачную суровость въ народномъ правѣ, отъ которой произошло изступленіе свирѣпства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ злоба народная, или личная, могла дѣйствовать свободно. Одна Вѣра спасла сердца Россіянъ отъ совершеннаго окамененія, пробуждая совѣсть ихъ страхомъ и надеждою будущаго, и замѣняя погасшее чувство любви къ отечеству несуществующему, любовью къ странѣ Православія. Она одна еще соединяла сердца при общемъ расторженіи всѣхъ союзовъ гражданскихъ и семейственныхъ.

Но въ сіи самыя скорбныя лѣта казней Божіихъ, надъ отечествомъ нашимъ совершаемыхъ, когда междоусобія, мятежи, моры, голодъ и владычество Моголовъ угрожали ему уничтоженіемъ имени его,—пола-

галось твердое основаніе силѣ его, богатству и славѣ. Такъ чудесно дѣйствуетъ Промыслъ Божій въ судьбахъ царствъ земныхъ! Такъ исполнители воли Царя царствующихъ суть только орудія, кои, думая дѣйствовать по своимъ видамъ и, привязывая дѣла свои къ нѣкоторымъ временнымъ ближайшимъ выгодамъ, никогда не видятъ ихъ отдаленныхъ послѣдствій, цѣль Божію составляющихъ, и потому часто невольно дѣйствуютъ совершенно противно своимъ намѣреніямъ.

Необходимость унизительныхъ искательствъ въ шатрахъ Орды, усилила Князей Россійскихъ въ двухъ отношеніяхъ: въ отношеніи къ *Самодержавію*, которое, неутвержденное дотолѣ, колебалось и звукомъ Вѣчевыхъ колоколовъ и *смутами Боярскими;* и въ разсужденіи *Единодержавія*,

уничтоженнаго, дотолѣ, раздробленіемъ Государства. Такимъ образомъ то, чего не могли сдѣлать самые предпріимчивые Князья наши: уничтоженія буйнаго народоправленія и волнуемой страстями Аристократіи, *совершалось въ шатрѣ Хановъ Могольскихъ.* Собственная выгода, не весьма прозорливая, заставила ихъ для удобности сбора податей и спокойствія управленія, *соединить власть въ одни руки.* Но сіе самое спасло Россію. Въ бѣднѣйшемъ удѣлѣ Владимірскомъ, въ Москвѣ, явился Диктаторъ Россійскій, Іоаннъ Калита, утвержденный милостію Хана Узбека, которую снискалъ онъ лестію и дарами; а внукъ его, Димитрій, уже осмѣлился напасть на Моголовъ, и побѣдилъ ихъ!

Ежели бы нашествія Татаръ не было, междоусобія Князей нашихъ безъ сомнѣнія

продолжались бы, доколѣ Литва, Польша, Венгрія и Швеція не раздѣлили бы Россію. Москва спасла ее; а Москва *возвеличена и усилена Ханами.*

Татары возвысили наше Духовенство, размножили монастыри и обогатили ихъ: политика Хановъ заставляла ихъ, утѣсняя Князей и народъ, покровительствовать служителей церкви. Она изъявляла особенное уваженіе къ Митрополитамъ и Епископамъ; внимала ихъ моленіямъ и, по ходатайству ихъ, часто оказывала снисхожденіе къ Россіи. Подъ смертною казнью запрещено было грабить и тревожить монастыри. Владѣнія церковныя были свободны отъ налоговъ. Такимъ образомъ, между тѣмъ, какъ съ одной стороны вообще государственное бѣдствіе привлекало въ тишину святыхъ обителей Князей и Бояръ,

которые, вступая въ нихъ, отдавали и завѣщали имъ свои имѣнія, мірскія выгоды и самая безопасность призывали другихъ слѣдовать ихъ примѣру. Большая часть монастырей нашихъ *основана въ сіе время.*

Особенно же примѣчательно то, что милости Ханскія не могли задробить Духовенства и отвратить отъ исполненія его долга. Оно благословило Димитрія на брань съ Мамаемъ, и престарѣлый Митрополитъ Іона, когда Василій Темный ушелъ изъ осажденной Москвы, взялъ на себя *отстоять Кремль, или погибнуть съ народомъ!*

Примѣчательно также, что, вопреки общему свойству народовъ побѣжденныхъ, принимать нравы и обычаи побѣдителей, Русскіе всегда гнушались Татарскими, называя ихъ *поганами.* Послѣ ига ихъ остал-

ся тотъ же характеръ народный, въ которомъ они насъ застали, то есть, смѣшеніе древняго характера Славянскаго, въ коемъ всегда примѣтно было нѣчто Азіатское, съ обычаями Нѣмецкими, которые принесены Варягами, и тѣмъ, что занято отъ Имперіи Греческой.

И такъ мы не взяли отъ Татаръ ни обычаевъ, ни языка ихъ; ибо въ нашемъ нѣтъ 50-ти восточныхъ словъ, коихъ бы до нашествія ихъ въ немъ не было. Правосудіе наше, въ которое Татары не входили, осталось неприкосновеннымъ, но и не сдѣлало успѣховъ съ XI-го вѣка.—Воинское искусство, кромѣ открытія пороха, тоже отстало отъ прочихъ Державъ; ибо въ продолженіи ига Татарскаго были частныя убійства, но мало битвъ.

Дабы дать нѣкоторое понятіе о Татарахъ и горестномъ отношеніи къ нимъ злополучнаго тогда отечества нашего, мы выпишемъ нѣкоторыя любопытныя о семъ извѣстія. Іоаннъ Карпинъ, монахъ Францисканскаго Ордена, посыланный Папою къ Хану въ 1246 году, и ѣхавшій чрезъ Россію, говоритъ въ своемъ путешествіи: что они »пріѣхали во Владиміръ Волынскій, и съ та»мошними вожатыми отправились въ Кіевъ, »претерпѣвая большой холодъ, и подвергаясь »многимъ опасностямъ; ибо Литовцы тре»вожатъ непрестанными набѣгами сію »часть Россіи. Что жителей вездѣ видѣли »мало; ибо они истреблены и уведены въ »плѣнъ Моголами. Въ Кіевѣ, по недостат»ку корму для лошадей, оставили они сво»ихъ и взяли Татарскихъ, кои, разбивая »копытомъ снѣгъ, питаются одною мерз-

»лою травою. Близь Кіева, въ мѣстѣчкѣ, »называемомъ *Хановымъ*, начиналась уже »собственно граница Орды. Тамъ жили »Моголы, кои, распросивъ ихъ о причинѣ »путешествія, и узнавъ, что они посланы »къ Хану, дали имъ своихъ проводниковъ »до Орды главнаго ихъ начальника, Курем»сы, который предводительствовалъ ше»стидесятитысячнымъ войскомъ, охранявшимъ западные предѣлы Могольскихъ вла»дѣній. Куремса отправилъ ихъ къ Батыю, »первѣйшему изъ Хановъ, послѣ великаго. Они »проѣхали всю землю Половецкую, орошаемую »Днѣпромъ, Дономъ, Волгою, Яикомъ, гдѣ »Татары кочуютъ лѣтомъ, уходя на зиму »къ морю *Греческому* (Черному). Батый жилъ »на берегу Волги, имѣя великолѣпный дворъ и »шесть сотъ тысячь воиновъ: сто шесть»десять тысячь Татаръ и четыреста пять-

»десять тысячь иноплеменниковъ и хри»стіанъ. Въ пятницу Страстной недѣли про»вели Пословъ Папскихъ между двумя огнями »въ шатеръ Хана. Они должны были много »разъ кланяться и войти въ него не каса»ясь порога. Сей шатеръ изъ тонкаго по»лотна принадлежалъ Королю Венгерскому, »и никто, кромѣ семейства Ханова, не »смѣлъ входить въ него безъ особеннаго по»велѣнія. Тамъ сидѣлъ Батый на тронѣ, »съ одною изъ женъ своихъ; братья его, »дѣти и Вельможи на скамьяхъ; прочіе на »землѣ: мужчины на правой, а женщины на »лѣвой сторонѣ, на которой й Посламъ »указали мѣсто. Батый прочелъ письма »Папы, на Славянскомъ, Арабскомъ и Та»тарскомъ языкахъ писанныя. Между тѣмъ »онъ и Вельможи его пили (вѣроятно ку»мысъ) изъ золотыхъ и серебряныхъ куб-

»ковъ; причемъ гремѣла музыка и раздава-»лись пѣсни. Ваный красенъ лицемъ, ла-»сковъ съ своими; но грозенъ, на войнѣ »жестокъ, хитръ и славится опытностью. »Онъ велѣлъ Посламъ ѣхать къ Великому »Хану.

»Они проѣхали опустошенную землю »Половцевъ и Канглей или Хвалисовъ, »(Степь Киргизскую) тоже пустую и без-»водную; и потомъ въѣхали въ страну »Бесерменовъ (Хивинцевъ); тамъ видѣли »они множество опустошенныхъ селъ и »городовъ, оставили на лѣвой сторонѣ Бай-»калъ и, чрезъ землю кочующихъ Найма-»новъ, въѣхали въ отечество Моголовъ, »гдѣ, нѣсколько лѣтъ готовившееся, избра-»ніе великаго Хана должно было произве-»стись. Гаюкъ не былъ еще провозглашенъ-»преемникомъ Октая. Онъ велѣлъ Посламъ

»ожидать сего и послалъ ихъ къ Прави-»тельницѣ, вдовѣ Октаевой, Таракань. Ея »ставка, обнесенная тыномъ, могла вмѣ-»щать двѣ тысячи человѣкъ. Воеводы си-»дѣли на коняхъ богато украшенныхъ, и со-»вѣтовались между собою. Они были одѣты »въ первый день въ платье пурпуровое-»бѣлое, на другой въ красное, на третій въ »синеватое, и на четвертый въ алое. На-»родъ толпился внѣ ограды. У воротъ »стояли воины съ обнаженными мечами. »Вельможи безпрестанно пили кумысъ, под-»чивали имъ Пословъ, но они отказались. »Имъ и Россійскому Князю, Ярославу, »тутъ бывшему, давали вездѣ первое мѣ-»сто. Тамъ же находились въ то время »два сына царя Грузинскаго, посолъ Кали-»фа Багдадскаго и многіе другіе послы Сара-»цинскіе, числомъ до четырехъ тысячь,

»одни съ дарами, другіе съ данью.«

»Такимъ образомъ прожили Послы въ »семъ шумномъ станѣ цѣлый мѣсяцъ и ча»сто видали Гаюка, когда онъ выходилъ »изъ шатра своего съ пѣвцами, которые »шли впереди, воспѣвая его славу. Нако»нецъ дворъ переѣхалъ на другое мѣсто, въ »прекрасную долину, на берегъ ручья, гдѣ »стоялъ великолѣпный шатеръ, называемый »*Златая Орда*. Шатеръ сей сдѣланъ былъ »изъ богатыхъ тканей и укрѣпленъ на »столпахъ, окованныхъ золотомъ. Тамъ »Гаюкъ долженъ былъ сѣсть на тронъ, въ »день Успѣнія Божіей Матери; но непогода, »градъ и снѣгъ тому препятствовали до »24-го Августа. Въ сей день собрались »Вельможи, и, обратясь къ Югу, долго мо»лились. Послѣ чего возвели Гаюка на зо»лотой тронъ и со всемъ народомъ пали

»предъ нимъ на колѣни. Князья и Вельмо-»жи говорили Хану:« Мы хотимъ и тре-»буемъ, чтобы ты повелѣвалъ нами.« Га-»юкъ спросилъ: »Желая имѣть меня Госуда-»ремъ, готовы ли вы исполнять волю мою; »являться, когда позову васъ; итти куда »велю, и предать смерти всякаго, кого на-»именую?« Всѣ отвѣчали: »готовы! »И такъ »(сказалъ Гаюкъ)« слово мое да будетъ »отнынѣ мечемъ.« Вельможи взяли его за »руку, свели съ трона и посадили на вой-»локъ, говоря:« Надъ тобою небо и Всевыш-»ній; подъ тобою земля и войлокъ. Есть-»ли будешь любить наше благо, милость »и правду, уважая Князей и Вельможъ по »ихъ достоинству, то царство Гаюково про-»славится въ мірѣ, земля тебѣ покорится-»ся и Богъ исполнитъ всѣ желанія твоего »сердца; но естьли обманешь надежду под-

»данныхъ, то будешь презрителенъ и столь »бѣденъ, что самый войлокъ, на которомъ »сидишь, у тебя отнимется.« Тогда Вель- »можи, поднявъ Гаюка на рукахъ, провоз- »гласили его Великимъ Ханомъ и принесли »ему множество серебра, золота, камней »драгоцѣнныхъ и всю казну умершаго Хана; »а онъ часть сего богатства роздалъ Чи- »новникамъ. Между тѣмъ готовился пиръ »для Князей и народа; пили до самой ночи »и развозили въ телегахъ мясо, вареное безъ »соли.«

»Гаюкъ былъ 40 или 45 лѣтъ, уменъ, »догадливъ и столь важенъ, что никогда не »смѣялся. Христіане, ему служащіе, увѣряли »Пословъ, что онъ думаетъ принять Вѣру »истинную: ибо держитъ у себя Христі- »анскихъ Священниковъ и дозволяетъ имъ »совершать всенародно, предъ шатромъ

»своимъ, Божественную службу, по уста»ву Греческой церкви.

»Печать и тронъ Хана были сдѣланы »Русскимъ художникомъ, поимени *Комолъ*. »Тронъ сей былъ изъ слоновой кости, укра»шенный золотомъ, драгоцѣнными камнями »и разными изображеніями.

Въ путешествіи Карпина такъ описываются Татары: »Они отличны отъ всѣхъ »другихъ народовъ, имѣютъ щеки выпуклыя »и надутыя, глаза едва примѣтные, ноги »маленькія, большею частію ростомъ не»высоки и худы, лицемъ смуглы и рябы. »Они брѣютъ волосы за ушами и на лбу, »отпуская усы, бороду и длинныя косы »назади; выстригаютъ себѣ темя. Мущины »и женщины носятъ кафтаны парчевые, »шелковые и клееночные, или шубы навыво»ротъ, и какія-то странныя высокія шапки.

»Живутъ въ шатрахъ, сплетенныхъ изъ »прутьевъ и покрытыхъ войлоками, съ »отверстіемъ въ верху для свѣта и дыма; »ибо въ ставкѣ пылаетъ непрестанно огонь. »Стада и табуны Моголовъ несмѣтны. Мясо »и жидкая просяная кашица составляютъ »главную пищу сихъ дикарей. Они не знаютъ »хлѣба; ѣдятъ все нечистыми руками, обти»рая ихъ объ сапоги или траву. Не моютъ »ни котловъ, ни одежды своей; любятъ »кумысъ и пьянство до крайности. Медъ, »пиво и вино получаютъ изъ разныхъ зе»мель. Мущины не занимаются никакими »работами; иногда только присматрива»ютъ за стадами, или дѣлаютъ стрѣлы. »Дѣти двухъ и трехъ лѣтъ уже садятся »на лошадь. — Женщины также ѣздятъ вер»хомъ и многія стрѣляютъ изъ лука не »хуже воиновъ; въ хозяйствѣ же удивитель-

»но трудолюбивы; стряпаютъ, шьютъ »платье, сапоги; чинятъ телеги, навьючи»ваютъ велблюдовъ. Вельможи и люди »богатые имѣютъ до ста женъ. Двоюрод»ные женятся, пасынокъ на мачихѣ, де»верь на невѣсткѣ. Женихъ обыкновенно »покупаетъ, и весьма дорого, невѣсту. Не »только прелюбодѣяніе, но и любодѣяніе »наказывается смертію, равно какъ и во»ровство, такъ рѣдкое, что Татары *не »употребляютъ заликовъ.* Они боятся и ува»жаютъ начальство, и въ самомъ пьянствѣ »не дерутся между собою. Скромны въ »обхожденіи съ женщинами и ненавидятъ »срамословіе. Терпѣливо сносятъ зной, мо»розъ, голодъ и безъ пищи поютъ веселыя »пѣсни; рѣдко имѣютъ тяжбы, и охотно »другъ другу помогаютъ; но презираютъ »иноплеменниковъ. Татаринъ не обманыва-

»ешъ Татарина, а обмануть иноземца по»читается у нихъ похвальною хитростью.

»Они вѣруютъ въ Бога, Творца вселен»ныя, воздающаго каждому по дѣламъ; но »приносятъ жертвы идоламъ, сдѣланнымъ »изъ войлоковъ или шелковой ткани, почи»тая ихъ покровителями скота; обожаютъ »солнце, огонь, луну, называя ее *Великою* »*Царицею*, и молятся на колѣнахъ, обраща»ясь къ югу. Терпятъ всѣ Вѣры и не про»повѣдаютъ своей. Вмѣсто законовъ имѣ»ютъ нѣкоторыя преданія. Считаютъ за »грѣхъ бросить въ огонь ножикъ, опереть»ся на хлыстъ, умертвить птенца, вы»лить молоко на землю, выплюнуть пищу; »но убивать людей и раззорять Государ»ства, кажется имъ дозволенною забавою. »О жизни вѣчной не имѣютъ опредѣлитель»наго понятія: однакоже вѣрятъ ей, думая,

»что и тамъ будутъ ѣсть, пить, зани-»маться скотоводствомъ и проч. Жрецы »ихъ суть волхвы, гадатели будущаго, ко-»торыхъ совѣтъ уважается во всякомъ »дѣлѣ. Глава ихъ живетъ обыкновенно по-»длѣ Ханскаго шатра. Они предсказываютъ »народу солнечныя и лунныя затмѣнія.

»Когда Татаринъ занеможетъ, родствен-»ники ставятъ предъ шатромъ его копье, »обвитое чернымъ войлокомъ; сей знакъ »удаляетъ отъ больнаго всѣхъ посторон-»нихъ. Умирающаго оставляютъ и родные. »Кто былъ при смерти человѣка, тотъ не »можетъ видѣть ни Хана, ни Князей *до »новой луны*. Знатныхъ людей погребаютъ »тайно съ пищею, съ осѣдланнымъ конемъ, съ »серебромъ и золотомъ; телѣга и ставка умер-»шаго сожигаются; никто не смѣетъ про-»изнести его имени, до третьяго поколѣнія.

»Кладбище Хановъ, Князей и Вельможъ »неприступно; гдѣ бы они ни умерли, тѣла »ихъ привозятся въ сіе мѣсто. Тамъ по»гребены многіе убитые въ Венгріи. Спра»жи едва было не застрѣлили насъ, когда »мы нечаянно приблизились къ гробамъ.

»Таковъ сей народъ ненасытный въ кро»вопролитіи. Побѣжденные должны давать »ему десятую часть всего имѣнія, рабовъ, »войско, и служить орудіемъ для истребле»нія другихъ народовъ. Въ наше время Га»юкъ и Батый прислали въ Россію Вель»можу своего брать у всѣхъ отъ двухъ »сыновей третьяго; но онъ нахваталъ мно»жество людей безъ разбора и переписалъ »всѣхъ жителей, какъ данниковъ, обложивъ »каждаго шкурою бѣлаго медвѣдя, бобра, »куницы, хорька и черной лисицы: непла»тящіе сей дани должны быть рабами Мо-

»головъ. Сіи жестокіе завоеватели осо»бенно стараются истреблять Князей и »Вельможъ, требуютъ отъ нихъ дѣтей въ »заложники и навсегда удерживаютъ ихъ въ »Ордѣ. Такъ сынъ Ярославовъ и Князь »Ясскій живутъ въ неволѣ у Хана. Началь»ники Могольскіе въ земляхъ завоеванныхъ »называются *Баскакали*, и при малѣйшемъ »неудовольствіи льютъ кровь народовъ без»оружныхъ; такъ истребили они великое »множество Россіянъ, обитавшихъ въ зем»лѣ Половецкой.

»Однимъ словомъ, Татары хотятъ ис»полнить завѣщаніе Чингисханово, *покоривъ »всю землю*. Гаюкъ именуетъ себя въ пись»махъ *Государемъ міра*, прибавляя: *Богъ на »небесахъ, я на землѣ*. Онъ готовится »послать въ Мартѣ 1247 года одну рать »въ Венгрію, а другую въ Польшу; чрезъ

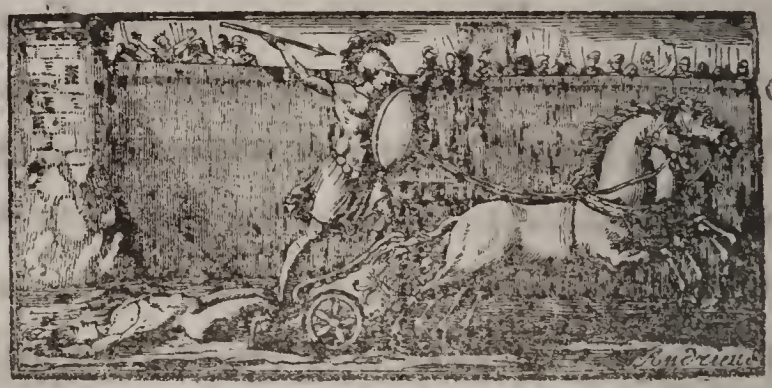
»три года перейти за Донъ и 18 лѣтъ во»евать Европу. Гаюкъ намѣренъ еще заво»евать Ливонію и Пруссію.«

Гаюкъ и переемникъ его Мангу терпѣли при себѣ Христіанскихъ священниковъ, позволяя имъ спорить о Вѣрѣ съ идолопоклонниками и Магометанами, и даже обращать женъ Ханскихъ; но сами оставались въ своей Вѣрѣ.

Рубруквисъ, Посолъ Святаго Лудовика, былъ у Великаго Хана. Онъ нашелъ при дворѣ его Русскихъ: Архитектора и Діакона; Венгровъ, Англичанъ и весьма искуснаго золотаря Парижскаго, по имени *Гильома*, который сдѣлалъ для Хана огромное серебряное дерево, утвержденное на четырехъ серебряныхъ львахъ, кои служили чанами въ пиршествахъ; кумысъ, медъ, пиво и вино били изъ нихъ до вершины дерева и

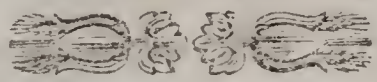
лились сквозь отверстый зѣвъ двухъ вызолоченныхъ драконовъ въ большіе сосуды; на деревѣ стоялъ Ангелъ и трубилъ, когда гостямъ надлежало пить.

Иличутсай, бывшій долгое время Министромъ Чингисхана и его преемника, старался просвѣтить Моголовъ. Онъ спасъ жизнь многимъ ученымъ Китайцамъ, основалъ училища, съ Математиками Арабскими и Персидскими сочинилъ Могольскій Календарь, переводилъ книги, чертилъ географическія карты и покровительствовалъ художества.



XXVI. ВОИНСТВЕННЫЙ ДУХЪ КНЯЗЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

Сыновья Княжескіе возрастали въ станахъ воинскихъ и въ полѣ ратномъ. Еще не достигнувъ юношества, садились они на коней и учились разить враговъ Отечества. Святославъ I, будучи слабымъ отрокомъ, уже металъ копья въ Древлянъ. Всеволодъ III, осаждая Пронскъ, имѣлъ съ собою двухъ сыновей: Георгія, десяти, и Владиміра пяти лѣтъ.



XXVII. УДАЛЬСТВО РЯЗАНСКАГО БОЯРИНА ЕВПАТІЯ КОЛОВРАТА.

Одинъ изъ Бояръ Рязанскихъ, *Евпатій Коловратъ*, находился въ Черниговѣ въ то время, какъ Батый, опустошивъ землю Рязанскую, выступилъ изъ ея предѣловъ. Евпатій, пылая ревностію отмстить сему врагу кровожадному за раззореніе его отечества, погнался съ 1700 воинами въ слѣдъ за нимъ, настигъ и быстрымъ ударомъ смялъ полки задніе. Изумленные Татары думали, что мертвецы, ими оставленные, гонятся за ними. Батый спросилъ

у нянии взятыхъ имъ плѣнниковъ: кто они такіе? »*Слуги Князя Рязанскаго, полку* »*Евпатіева*,« отвѣчали они, »*намъ велѣно* »*проводить тебя съ честью, Государя знаме-* »*нитаго, какъ Русскіе обыкновенно провожа-* »*тъ отъ себя иноплеменниковъ: стрѣлами* »*и копьями!*« Сія горсть великодушныхъ героевъ посреди рати безчисленной имѣла только славу умереть за отечество! Немногіе отдались въ плѣнъ; но Батый, уважая рѣдкое ихъ мужество, *даровалъ имъ свободу!*

XXVIII. ГЕРОЙ ВАСИЛЬКО.

Князь Василько Константиновичь остался плѣннымъ въ рукахъ Татаръ послѣ сраженія на Сити. Утомленный трудами битвы, скорбію и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи отъ своихъ враговъ. »Будь »нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами »великаго Батыя,« говорили ему Татары. »*Лютые кровопійцы, враги Христа и моего »отечества не могутъ быть моими друзьями,*« отвѣтствовалъ Василько. »*О темное царство! есть Богъ и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ злодѣяній!*« Варвары извлекли мечи. Князь молилъ Бога о

спасеніи Россіи, церкви Православной и двухъ юныхъ сыновей его. Татары умертвили и бросили его въ Шеренскомъ лѣсу.

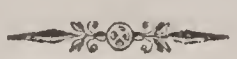
XXIX. КНЯЗЬЯ: МИХАИЛЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ И РОМАНЪ РЯЗАНСКІЙ.

Михаилъ и Бояринъ его, Ѳеодоръ, будучи въ Ордѣ, отреклись пройти чрезъ огонь, и поклониться солнцу и идоламъ; запечатлѣли кровью истину и славу Россійской Церкви предъ лицемъ Татаръ; имъ отсѣчены головы.

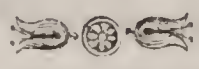
Романъ, Князь Рязанскій, исповѣдалъ посреди Орды Вѣру Христову и обличилъ гнусность Магометанства. Татары отрѣзали ему языкъ, и, для продолженія мученій, рѣзали все тѣло по составамъ.

XXX. РОМАНЪ, КНЯЗЬ ГАЛИЦКІЙ.

Когда Князь сей одержалъ побѣду надъ Венгерцами и Поляками, то Папскіе Послы обѣщали ему Королевство и нѣкоторые города посредствомъ *меча Петрова*. Онъ извлекъ мечь свой и отвѣчалъ: »Такой ли мечь Петровъ у Папы? Ежели »такой, то онъ можетъ давать города; и »я, доколѣ ношу его, не хочу покупать ихъ »иначе, какъ кровью; такъ отцы и дѣды »наши расширили землю Русскую.«



ВѢКЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.



XXXI. ХАНСКІЙ ЯРЛЫКЪ, ИЛИ ЛЬГОТНАЯ ГРАМОТА ПЕТРУ МИТРОПОЛИТУ.

Вышняго и безсмертнаго Бога волею и силою величествомъ и милостію, Узбеково слово ко всѣмъ Князьямъ великимъ, среднимъ и нижнимъ, Воеводамъ, Книжникамъ, Баскакамъ, Писцамъ, мимоѣздящимъ Посламъ, Сокольникамъ, Пардусникамъ, во всѣхъ улусахъ и странахъ, гдѣ Бога безсмертнаго силою *наша власть держитъ и слово наше владѣетъ:* да никто не обидитъ

въ Руси *Церковь Соборную*, Петра Митрополита и людей его, Архимандритовъ, Игуменовъ, Поповъ, и проч.; ихъ грады, волости, села, земли, ловли, борти, луга, лѣса, винограды, сады, мѣльницы, хуторы, свободны отъ всякой дани и пошлины; ибо все то есть Божіе; ибо сіи люди молитвою своею блюдутъ насъ, и наше воинство укрѣпляютъ. Да будутъ они подсудны единому Митрополиту, согласно съ древнимъ закономъ ихъ и грамотами прежнихъ Царей Ордынскихъ. Да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи; да правымъ сердцемъ и безъ печали молитъ Бога за насъ и за дѣтей нашихъ. Кто возметъ что нибудь у Духовныхъ, заплатитъ втрое; кто дерзнетъ порицать Вѣру Русскую, кто обидитъ Церковь, Монастырь, Часовню, да умретъ, и проч. Писано зая-

чьяго лѣта, осенняго перваго мѣсяца, четвертаго *Ветха*, (то есть, въ четвертый день ущерба луны) на поляхъ.

Примѣчаніе. Кругъ лѣтосчисленія у Моголовъ состоялъ изъ 12-ти лѣтъ: первый годъ назывался *Мышью*, вторый *Быкомъ*, третій *Рысью* и *Барсомъ*, четвертый *Зайцемъ*, пятый *Крокодиломъ*, шестый *Змѣемъ*, седьмый *Конемъ*, осмый *Барономъ*, девятый *Обезьяною*, десятый *Курицею*, одиннадцатый *Псомъ*, двенадцатый *Свиньею*. (Herb: Bibl. orient.)

XXXII. МИТРОПОЛИТЪ ѲЕОГНОСТЪ ПРЕДЪ ЧАНЫБЕКОМЪ.

Митрополитъ Ѳеогностъ, призванный предъ Чаныбека по оклеветанію въ святокупствѣ, принужденъ былъ оправдываться клятвенно; заключенъ въ темницу, былъ моримъ голодомъ, посрамленъ и заушаемъ, дабы въ сихъ страданіяхъ разрѣшилъ Чаныбека отъ клятвъ, коими предшественники его утвердили свободу Россійскаго духовенства отъ всякой дани; но достойный Первосвятитель сей претерпѣлъ всѣ страданія, Хана же отъ клятвы не разрѣшилъ, и тѣмъ спасъ Церковь отъ раззоренія.

Здѣсь не столько удивительна святая твердость Митрополита, въ вѣкѣ такъ обильномъ для Россіи мужами святыми, сколько почтеніе идолопоклонника къ клятвамъ его предшественниковъ поучительно и для самыхъ христіанъ.

XXXIII. ВЫПИСКА ИЗЪ ДРЕВНѢЙШАГО ЗАВѢЩАНІЯ КНЯЗЯ ІОАННА ДАНИЛОВИЧА, СДѢЛАННАГО ИМЪ ПРИ ОТЪѢЗДѢ ВЪ ОРДУ, ВЪ КОТОРОМЪ ОПИСАНЫ ПОСЛѢ ВЛАДѢНІЙ ВСѢ СОКРОВИЩА И ДВИЖИМОЕ ЕГО ИМУЩЕСТВО.

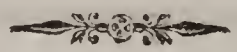
»Еще при жизни,« говоритъ Князь, »распорядивъ владѣніями, далъ я сыну Симеону »изъ золота четыре цѣпи, три пояса, двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ и два ковша, а серебромъ три блюда; Ивану изъ золота четыре цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и съ каменьями, третій сердаликовый, два ковша, двѣ круглыя чаши, а серебромъ три блюда; Андрею изъ золота четыре цѣпи, поясъ *Фряжскій* жемчужный, другой съ

крюкомъ на червленномъ шелку, третій *Ханскій*, два ковша, двѣ чарки, а серебромъ три блюда. Золото Княгинино отдалъ я дочерѣ Фетиньѣ: четырнадцать колецъ, новый, сдѣланный мною, складень, ожерелье матери ея, *чело* (diadème) и гривну; а мое собственное золото и коробочку золотую отказываю Княгинѣ своей съ меньшими дѣтьми. Изъ одеждъ моихъ назначаю Симеону: шубу червленную съ жемчугомъ и шапку золотую; Ивану, желтую объяринную шубу съ жемчугомъ, и мантію съ бармами; Андрею, шубу соболью, съ наплечками, низаными жемчугомъ, и портище алое съ нашитыми бармами; а двѣ новыя шубы, низанныя жемчугомъ, меньшимъ дѣтямъ, Марьѣ и Ѳедосьѣ. Серебряные поясы и другія одежды мои раздать священникамъ, а 100 рублей, оставленныхъ у Казначея,

по церквамъ. Большое серебряное блюдо о четырехъ кольцахъ отослать въ храмъ Владимірскія Богоматери. Прочее серебро и Княжескія стада—кромѣ двухъ отданныхъ мною Симеону и Ивану—раздѣлить моей супругѣ и дѣтямъ.

Къ сей грамотѣ привѣшены двѣ печати: одна серебряная, вызолоченная, съ изображеніемъ Спасителя и Святаго Іоанна Предтечи, и съ надписью: *Печать Великаго Князя Ивана*, а другая свинцовая.

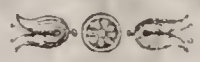
Духовная сія примѣчательна и по содержанію ея, и по тому случаю, для котораго писана; ибо доказываетъ, что Князья Россійскіе, отправляясь въ Орду, въ какомъ бы положеніи то ни было, всегда готовились къ смерти. Такъ судьба и жизнь ихъ зависѣли отъ произвола Ордынскихъ Хановъ.



XXXIV. О ПРОИСХОЖДЕНІИ СЛОВА КРЕМЛЬ.

Когда Іоаннъ Калита возобновилъ Кремль, сдѣлавъ дубовыя стѣны, то онъ назывался *Кремникъ*, вѣроятно отъ слова кремень, по твердости его.

Въ то время внутренняя крѣпость, или цитадель Кремника, называлась *Дѣтинцемъ*, отъ имени *дѣтскихъ* или отроковъ Боярскихъ, коимъ ввѣрялась, какъ бы Гвардіи, защита ея.



XXXV. КАМЕННЫЙ КРЕМЛЬ.

Весною въ 1367-мъ году заложенъ Великимъ Княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ каменный Кремль, послѣ пожара, названнаго въ лѣтописяхъ нашихъ *великимъ всесвятскимъ пожаромъ*, въ который истреблена была, въ два часа времени, вся Москва, состоявшая тогда изъ *Кремля* (дубоваго), *Посада, загородья и Зарѣчья.*

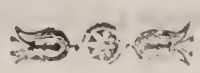
XXXVI. ОТВѢТЪ НОВГОРОДЦЕВЪ ШВЕДСКОМУ КОРОЛЮ МАГНУСУ.

Въ числѣ многихъ покушеній, въ семъ вѣкѣ бывшихъ отъ Римско-Католиковъ на Россійскую церковь, Магнусъ два раза присылалъ въ Новгородъ своихъ монаховъ съ требованіемъ о назначеніи мѣста для пренія о Вѣрѣ. Новгородскій Архіепископъ Василій отвѣтствовалъ два раза, что Новгородцы принятую праотцами ихъ Вѣру отъ Грековъ *содержатъ свято*, въ истинѣ ея увѣрены и въ преніи нужды не имѣютъ; а Король, буде желаетъ состязанія, можетъ послать своихъ ученыхъ въ Константинополь; воевать же за сіе не дол-

женъ; а ежели есть ему какая обида, то пусть объявитъ, и получитъ совершенную управу въ любви и согласіи. Король отвѣчалъ войною, надѣясь ввести Вѣру свою мечемъ. Онъ взялъ Орѣшекъ, многихъ насильственно обратилъ въ Латинство, и хотѣлъ равной участи подвергнуть и Новгородъ; но, не дойдя до него, возвратился въ Швецію.

XXXVII. ПРИГЛАШЕНІЕ АЛЕКСІЯ МИТРОПОЛИТА КЪ ЧАНЫБЕКУ.

Жена Чаныбекова *Тайдула* ослѣпла и требовала Алексія Митрополита. Ханъ писалъ къ Великому Князю: »*Мы слышали, »что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго Попа вашего: да испроситъ »же онъ здравіе моей супругѣ.*« Святый Алексій поѣхалъ въ Орду, гдѣ встрѣченъ съ великою почестію;—Тайдула выздоровѣла и Митрополиту даны два Ярлыка: одинъ отъ Хана, другой отъ Тайдулы, свидѣтельствующіе сіе происшествіе (Карам. Ч. IV. стр. 289. и прим. 384).



XXXVIII. ТВЕРСКОЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЬ.

Князь Александръ Михайловичь Тверской удостоился быть великимъ орудіемъ Божіимъ на охраненіе Православія въ Россіи. Узнавъ, что Щелканъ, сродникъ Хана Узбека, намѣренъ умертвить всѣхъ Князей Россійскихъ и ввести на мѣсто Вѣры Христіанской Магометанство; онъ, пренебрегая неизбѣжною, по всѣмъ вѣроятіямъ, смертію, обрекъ себя на вольную жертву для спасенія церкви и отечества, умертвилъ Щелкана, который со множествомъ Татаръ сожженъ. Рука Божія очевидно спасла въ семъ происшествіи Князя сего;

ибо Узбекъ простилъ его и возвратилъ изъ Пскова на Тверское Княжество; но двоякій вѣнецъ мученическій ожидалъ его позже. По мстительности Татарскихъ навѣтниковъ, Ханъ подвергнулъ его Ордынскому суду и смерти, вмѣстѣ съ сыномъ.

XXXIX. СТЕФАНЪ ПЕРМСКІЙ.

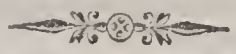
Шестнадцать народовъ, населявшіе въ XIV-мъ столѣтіи Пермь, между рѣками Вычегдою, Вяткою и Камою до Волги, поклонялись солнцу, огню, водѣ, камнямъ, древамъ, животнымъ, волхвамъ, и золотой бабѣ. Ростовскій монахъ Стефанъ не устрашился притти къ нимъ, и, не взирая на угрозы ихъ, изрубить его топоромъ и сжечь на кострѣ; проповѣдывалъ имъ Евангеліе. Они долго противились ему; но силою Вѣры онъ покорилъ ихъ. Они выгнали изъ предѣловъ своей земли волхва, котораго почитали Богомъ, и сами приходили къ святому Стефану просить наставленій и крещенія.

Труды сего Апостола Перьми, для обращенія дикарей, ее населявшихъ, превосходятъ естественныя силы человѣка. Между тѣмъ, какъ въ ежечасной опасности смерти опровергалъ онъ ихъ заблужденія, чудесами посрамлялъ обожаемыхъ ими волхвовъ и проповѣдывалъ слово жизни; изобрѣталъ онъ буквы и прелагалъ на Пермскій языкъ книги, для Богослуженія нужныя; заводилъ училища, строилъ храмы и ставилъ въ нихъ священниковъ изъ воспитанныхъ имъ туземцевъ.

ВѢКЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

XL. ПЕРВЫЕ БОЕВЫЕ ЧАСЫ ВЪ РОССІИ.

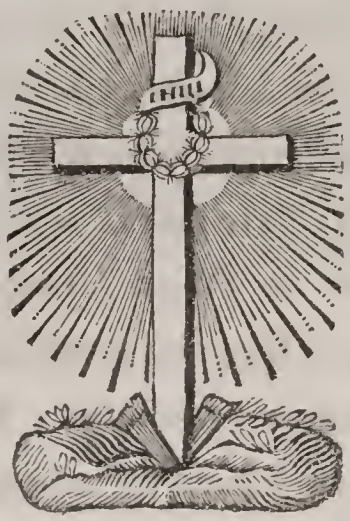
Въ 1404-мъ году монахъ Аѳонской горы, именемъ Лазарь, родомъ Сербинъ, сдѣлалъ въ Москвѣ первые боевые часы, которые были поставлены на Велико-Княжескомъ дворѣ, за церковію Благовѣщенія, и стоили болѣе 150 *рублей*, то есть, около 30 фунтовъ серебра. Народъ удивлялся сему чудесному произведенію искусства.



XLI. СУПРУГА ДИМИТРІЯ ДОНСКАГО, ЕВДОКІЯ.

Княгиня Евдокія, строительница Вознесенскаго Дѣвичьяго монастыря въ Кремлѣ, жена добродѣтельная и набожная, отличалась особенно смиреніемъ, скрывавшимъ духовныя ея подвиги. Изнуря тѣло постомъ, надѣвала она нѣсколько одеждъ, чтобы казаться тучною; украшалась драгоцѣнностями и вездѣ показывалась съ лицемъ веселымъ. Она радовалась, слыша, что злословіе представляетъ цѣломудріе ея сомнительнымъ; ибо говорили, что желаетъ нравиться и даже имѣетъ любовниковъ. Сія молва оскорбила сыновей ея и особливо

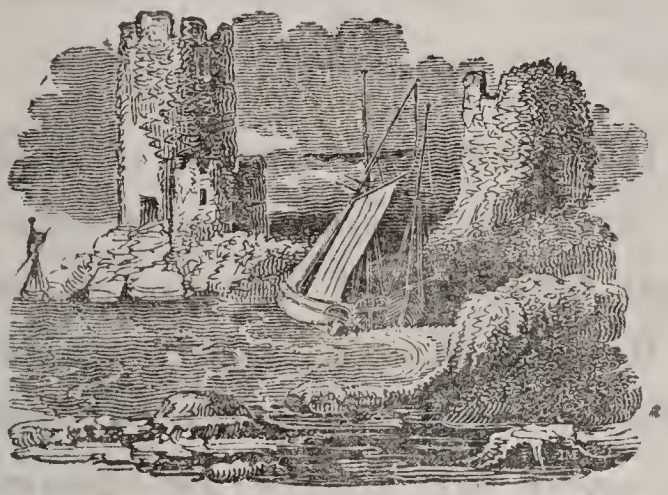
Юрія, который не могъ скрытъ отъ нее своего безпокойства. Евдокія призвала ихъ, сбросила нѣкоторую часть одеждъ своихъ, и они, ужаснулись, видя худобу ея тѣла, почти изсохшаго отъ строгости воздержанія. »Вѣрьте,« сказала она, »что мать ва»ша цѣломудренна; но видѣнное вами да »останется тайною. Кто любитъ Христа, »тотъ долженъ сносить клевету и благо»дарить за нее Бога.«



XLII. ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РѢШИТЕЛЬНОСТІЮ СВОЕЮ СПАСАЕТЪ ЦЕРКОВЬ ОТЪ УНІИ.

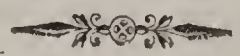
Когда предатель Православія, Митрополитъ Исидоръ, не взирая на клятвы, имъ данныя при отправленіи на Соборъ Флорентинскій: не приносить ничего чужаго въ Русскую церковь, издалъ, по возвращеніи своемъ оттуда, грамоту о соединеніи церкви Греческой съ Латинскою, то Великій Князь Василій Васильевичъ, не смотря на общее безмолвіе прочихъ Князей, и не спрашивая ихъ согласія, взялъ клятвоприступнаго Митрополита подъ стражу и

созвалъ Соборъ для суда надъ нимъ. Твердая рѣшимость сія пресѣкла гибельную Унію при самомъ ея корнѣ и положила прочную преграду всѣмъ Папскимъ проискамъ.



XLIII. ПОБѢГЪ СЫНА НОГАЙСКАГО ХАНА МАЗОВШИ ОТЪ МОСКВЫ ВЪ ТО ВРЕМЯ, КОГДА БЕЗПРЕПЯТСТВЕННО МОГЪ ВЗЯТЬ ЕЕ.

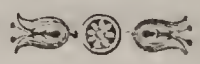
Въ 1455-мъ году, Мазовши, сынъ Нагайскаго Хана, приступилъ неожиданно къ стѣнамъ беззащитной Москвы, въ отсутствіе Великаго Князя, зажегъ предмѣстія и угрожалъ городу огнемъ и истребленіемъ; но пораженъ будучи ночью внезапнымъ ужасомъ, такъ былъ имъ гонимъ, что, удаляясь отъ города, бросилъ подъ его стѣнами желѣзо, мѣдь, и всѣ другія тяжести.



XLIV. ПАДЕНІЕ ГРЕЧЕСКОЙ ИМПЕРІИ.

Греція всегда была для Россіянъ какъ бы вторымъ Отечествомъ. Царьградъ былъ для Москвы точно то, что Парижъ, во времена Лудовика XIV для Европы (ибо мы не были еще Европейскими). Въ дѣлахъ Вѣры, Правительства, въ великолѣпіи, во вкусѣ, въ понятіяхъ о вещахъ не было другаго образца, кромѣ Царяграда; слѣдовательно паденіе Имперіи Греческой произвело сильное впечатлѣніе на Россію. Лѣтописцы наши, соболѣзнуя о семъ плачевномъ происшествіи, говорятъ; »Царство »безъ грозы есть конь безъ узды.« Константинъ и предки его давали Вельможамъ

утѣснять народъ; не было въ судахъ правды, ни въ сердцахъ мужества; судьи богатѣли отъ слезъ и крови невинныхъ; полки Греческіе величались только цвѣтною одеждою; гражданинъ не стыдился вѣроломства а воинъ бѣгства, и Господь казнилъ властителей недостойныхъ, умудривъ Царя Магомета, коего воины играютъ смертію въ бояхъ и судіи не дерзаютъ измѣнять совѣсты. Уже теперь не осталось ни одного Царства православнаго, кромѣ Русскаго. Такъ исполнилось предсказаніе Святаго Меѳодія и Льва мудраго, что *Измаильтяне овладѣютъ Византіею;* исполнится, можетъ быть, и другое, что Россіяне побѣдятъ Измаильтянъ и на седьми холмахъ ихъ воцаряться. (Карамз. Т. V. с. 363).



XLV. БРАКЪ ІОАННА III СЪ ГРЕЧЕСКОЮ ЦАРЕВНОЮ СОФІЕЮ.

Послѣдній Греческій Императоръ Константинъ Палеологъ имѣлъ двухъ братьевъ: Димитрія и Ѳому, которые, подъ именемъ *Деспотовъ* господствуя въ Пелопонисѣ или Мореѣ, ненавидѣли другъ друга, воевали между собою и тѣмъ довершили торжество Магомета II-го. Турки завладѣли Пелопонисомъ. Димитрій искалъ милости Султана и получилъ отъ него въ удѣлъ городъ Энь во Ѳракіи; но Ѳома, гнушаясь варварами, поработившими его отечество, съ женою, съ дѣтьми и съ знатнѣйшими Греками ушелъ изъ Корфу въ

Римъ, гдѣ Папа Пій II-й, уважая въ немъ остатокъ Государей славныхъ, и въ благодарность за сокровище имъ привезенное, (главу Святаго Андрея, хранимую донынѣ въ церквѣ Святаго Петра), назначилъ знаменитому изгнаннику 300 золотыхъ ефимковъ ежемѣсячнаго содержанія. Ѳома умеръ въ Римѣ. Сыновья его, Андрей и Мануилъ, жили благотвореніемъ Папы Павла II-го. Юная сестра ихъ, дѣвица Софія, прекрасная и разумная, была предметомъ общаго уваженія и доброжелательства. Папа искалъ ей достойнаго жениха, который бы содѣйствовалъ видамъ его политики войною противъ Магомета II-го, сдѣлавшагося опаснымъ и для Италіи. Къ общему удивленію Папа избралъ для сего Великаго Князя Іоанна. Онъ могъ имѣть двоякую цѣль въ семъ выборѣ: польстивъ честолюбію

Князя Московскаго свойствомъ съ Палеологами, родить въ немъ желаніе наслѣдовать Грецію и вооружиться на Магомета; и вмѣстѣ, вліяніемъ своимъ чрезъ Царевну, воспитанную въ правилахъ Флорентинскаго постановленія, убѣдить Іоанна къ принятію онаго. Въ 1469 году отправленъ въ Москву Грекъ, именемъ Юрій, съ предложеніемъ Софіи, которая будто бы, по словамъ его, отказала двумъ женихамъ: Королю Французскому и Герцогу Медіоланскому, по причинѣ ихъ Вѣры.

Обрадованный симъ предложеніемъ, Князь отдалъ дѣло на судъ Совѣта, изъ его матери, Митрополита и знатнѣйшихъ Бояръ составленнаго. Единогласно рѣшили, что самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, *отрасль Царственнаго древа, коего сѣнь покоила нѣкогда все Христіан-*

ство Православное; что сей благословенный союзъ, напоминая Владиміровъ, сдѣлаетъ Москву какъ бы новою Византіею и дастъ Монархамъ нашимъ *права Императоровъ Греческихъ.* Отправленъ довѣренный посолъ видѣть Царевну; возвратился съ увѣреніемъ о красотѣ ея, и вручилъ Іоанну живописное ея изображеніе. Царевна пріѣхала изъ Рима въ Любекъ, а оттуда на кораблѣ въ Ревель, гдѣ пышно угощена Орденомъ. Посолъ Московскій встрѣтилъ ее въ Дерптѣ. Между тѣмъ область Псковская подвиглась на срѣтеніе Царевны. Посадники и Бояре Псковскіе съ кубками, наполненными виномъ, ударили челомъ Софіи, на берегу Эмбаха. Она пышно встрѣчена и угощена во Псковѣ и Новѣгородѣ, а наконецъ и въ Москвѣ, гдѣ совершены обрученіе и бракъ.

Съ сего времени заняла Россія мѣсто

свое въ политической системѣ Европы; начались заграничныя сношенія; множество пріѣхавшихъ Грековъ привезли полезныя знанія въ наукахъ и особенно въ древнихъ языкахъ, и обогатили библіотеки книгами, отъ Турецкаго варварства спасенными. Они способствовали великолѣпію двора Великокняжескаго, сообщивъ ему пышныя обряды Византійскаго; и Москва, подобно древнему Кіеву, по справедливости могла тогда называться *новымъ Царемградомъ*.

Іоаннъ, по свойству съ Царями Греческими, принялъ гербъ ихъ двуглавнаго орла, соединивъ его на своей печати съ Московскимъ: то есть, на одной сторонѣ изображался орелъ, а на другой Георгій, поражающій дракона, съ надписью: *Великій Князь, Божіею Милостію Господарь всея Руси.*

Такимъ образомъ Орелъ, представляемый двуглавымъ по раздѣленіи Имперіи Римской достался послѣ Западной, Австріи, а послѣ Восточной, Россіи.

Великій Князь началъ употреблять сей гербъ съ 1497-го года. До 1472-го на печати его изображался ангелъ, держащій въ рукѣ кольцо и человѣкъ съ обнаженнымъ кинжаломъ; а съ сего времени до 1497-го года, левъ, терзающій змѣю, греческой работы (Собр. Госуд. Гр. т. 1. стр. 333.)

XLVI. ХИТРѢЙШЕЕ ПОКУШЕНІЕ ПАПЪ НА ЦЕРКОВЬ ГРЕКО-РОССІЙСКУЮ.

Супружество Іоанна III-го съ Греческою Царевною Софіею подавало самую большую надежду Папѣ на склоненіе Греко-Россійской церкви подъ иго его; ибо Царевна сія, обученная въ Римѣ Латинскому исповѣданію Папскими приверженцами, безъ сомнѣнія была пріуготовлена къ содѣйствію сей цѣли. Но Легатъ Антоній, ее сопровождавшій, и прочіе спутники его, возвратились къ Папѣ съ дарами, съ увѣреніями о любви и добромъ согласіи; но не о соединеніи Церквей. Твердость Митрополита Филиппа и всего духовенства, благочестіе

Великаго Князя и самой Софіи, разрушили надежду, которая послѣ неудачи предательства Исидорова, еще разъ его обольстила. Въ Троицкой Лаврѣ остался донынѣ памятникъ усердія Софіи къ Церквѣ Православной: вкладная пелена, на которой жемчугомъ, вѣроятно собственными ея руками, вышиты разные праздники, съ серебряною надписью.

XLVII. ПАДЕНІЕ НАРОДОДЕРЖАВІЯ НОВГОРОДСКАГО.

Новогородцы, ошибаясь въ характерѣ Московскаго Великаго Князя Іоанна Великаго, по первымъ дѣяніямъ его, ознаменованнымъ кротостію и миролюбіемъ, вздумали, устрашивъ его, унизить гордость Москвы, и воскресить древнія права мятежной своей вольности, потерянныя, по ихъ мнѣнію, излишней уступчивостью ихъ отцевъ и дѣдовъ. Они захватили многіе доходы, земли и воды Княжескія; взяли съ жителей присягу только именемъ Новагорода; презирали Іоанновыхъ намѣстниковъ и пословъ; властію Вѣча брали знатныхъ людей подъ стражу на Городищѣ;

мѣстѣ, неподлежащемъ народной Управѣ; дѣлали обиды Москвитянамъ. Государь нѣсколько разъ требовалъ удовлетворенія: они молчали. Наконецъ пріѣхалъ въ Москву Новгородскій посадникъ, Василій Ананьинъ, съ обыкновенными дѣлами земскими; но не было слова на жалобы Іоанновы. »Я ничего не знаю,« говорилъ посадникъ боярамъ Московскимъ: »Великій Новгородъ не далъ мнѣ никакихъ о томъ повелѣній.« Іоаннъ отпустилъ сего сановника съ такимъ наказомъ: »Скажи Новгородцамъ, *моей отчинѣ*, »чтобы они, признавъ вину свою, исправились; въ земли и воды мои не вступались, *имя мое держали честно и грозно, по »старинѣ*, исполняя обѣтъ крестный, »естьли хотятъ отъ меня покровительства и милости; скажи, что терпѣнію бываетъ конецъ, и что мое не продолжится.«

Псковитяне, увѣдомленные Іоанномъ, что онъ готовился дѣйствовать вмѣстѣ съ ними на усмиреніе ослушниковъ Новгородскихъ, отправили къ нимъ посольство, съ предложеніемъ своего посредства для примиренія ихъ съ Великимъ Княземъ. »Не хо»тимъ кланяться Іоанну, и не просимъ ва»шего ходатайства,« отвѣтствовали правители Новгородскіе: »но естьли вы добро»совѣстны и намъ друзья, то вооружитесь »за насъ противъ самовластія Московскаго.

Между тѣмъ, по сказанію Лѣтописцевъ, были страшныя знаменія въ Новѣгородѣ: сильная буря сломила крестъ Софійской церкви; древніе Херсонскіе колокола сами собою издали печальный звукъ; кровь являлась на гробахъ и пр. Люди предусмотрительные трепетали и молились; легкомысленные всему смѣялись; народъ мечталъ

о свободѣ, искалъ тѣснаго союза съ Казимиромъ и принялъ отъ него знатнаго воеводу, Князя Михаила Олельковича, съ которымъ вмѣстѣ пріѣхало множество пановъ и витязей Литовскихъ въ Новгородъ.

Въ сіе время скончался Новгородскій Владыка Іона; народъ избралъ Ѳеофила, которому должно было, для поставленія, ѣхать въ Москву съ дозволеніемъ Іоанна. Новгородцы просили о томъ Великаго Князя чрезъ боярина своего, Никиту. Іоаннъ далъ *опасную Грамоту* для пріѣзда Ѳеофилова въ Столицу и, мирно отпуская посла, сказалъ ему. »Ѳеофилъ, вами избранный будетъ съ честью принятъ и поставленъ въ Архіепископы; не нарушу ни въ »чемъ древнихъ обычаевъ, и готовъ васъ »жаловать, какъ мою отчину, естьли вы

»искренно признаете вину свою, не забывая, »что мои предки именовались Великими »Князьями Владимірскими, *Новагорода и »всея Руси.«*

Посолъ исполнилъ порученіе Великаго Князя и вмѣстѣ съ нареченнымъ Архіепископомъ хотѣли склонить народъ къ прекращенію опасной съ Іоанномъ распри; но часъ гибели Новгородской приближался. Открылся мятежъ, какого давно уже не бывало.

Жена гордая, честолюбивая, вдова бывшаго посадника Борецкаго, мать двухъ сыновей уже взрослыхъ, Марфа, вопреки древнему обычаю, который удалялъ полъ ея отъ всякаго участія въ дѣлахъ общественныхъ, вздумала рѣшить судьбу своего отечества. Хитрость, велерѣчіе, знатность, богатство и роскошь доставили

ей вліяніе на правительство. Народные сановники сходились въ ея, по тогдашнему, *чудномъ домѣ*, провать и совѣтоваться о дѣлахъ важнѣйшихъ. Недовольная общимъ уваженіемъ и тѣмъ, что Великій Князь, въ знакъ особенной милости, пожаловалъ ея сына, Димитрія, Бояриномъ Московскимъ, сія гордая жена хотѣла освободить Новгородъ отъ власти Іоанновой и выйти за мужъ за какого-то вельможу Литовскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ, именемъ Казимира, господствовать надъ своимъ отечествомъ. Открывъ домъ свой для шумныхъ сонмищъ, Марѳа съ утра до вечера славила Казимира, убѣждая гражданъ искать его защиты противъ утѣсненій Іоанновыхъ.

Видя, что посольство Боярина Никиты сдѣлало на народъ впечатленіе, видамъ ея

противное, она предпріяла дѣйствовать рѣшительно. Сыновья ея, ласкатели, единомышленники, окруженные многочисленною толпой людей подкупленныхъ, явились на Вѣчѣ и торжественно провозгласили, что *настало время управиться съ Іоанномъ*; что онъ не Государь, а злодѣй ихъ; что Великій Новгородъ есть самъ себѣ Властелинъ, что жители его вольные люди, а не отчина Князей Московскихъ; что имъ нуженъ только покровитель; что симъ покровителемъ будетъ Казимиръ, и что не Московскій а Кіевскій Митрополитъ (*) долженъ дать Архіепископа Святой Софіи. Громкое восклицаніе: »Не хотимъ Іоанна! да здраствуетъ Казимиръ,« — раздалось

(*) Григорій, ученикъ извѣстнаго предателя православія *Исидора*.

на Вѣчѣ. Народъ всколебался. Многіе взяли сторону Борецкихъ и кричали: »Да исчезнетъ Москва!« Благоразумнѣйшіе сановники, старые посадники, тысячскіе, житые люди хотѣли образумить легкомысленныхъ гражданъ и говорили: »Братья! что замышляете? измѣнить Руси и православію, »поддаться королю чужеземному, и требовать святителя отъ еретика! Вспомните, что предки наши, Славяне, добровольно вызвали Рюрика, что болѣе шести »сотъ лѣтъ его потомки спокойно княжили на престолѣ Новгородскомъ; что »мы обязаны истинною вѣрою Св. Владиміру, отъ котораго происходитъ Великій »Князь Іоаннъ.« Единомышленники Мароины не давали имъ говорить; а слуги и наемники ея бросали въ нихъ каменьями, звонили въ Вѣчевые колокола, бѣгали по улицамъ и

кричали: »Хотимъ за Короля!« другіе: »Хо»тимъ къ Москвѣ православной, къ Вели»кому Князю Іоанну и отцу его, Митро»политу Филиппу!«—Нѣсколько дней городъ представлялъ зрѣлище ужаснѣйшаго волненія. — Нарѣченный Владыка, Ѳеофилъ, ревностный противоборникъ мятежниковъ, говорилъ: »Или не измѣняйте православію, »или я не буду никогда пастыремъ отступ»никовъ: пойду назадъ въ тихую келію »свою, откуда вы извлекли меня на поприщe мятежа.« Но Борецкіе превозмогли. Новгородъ поддался Казимиру, добровольно и торжественно. Отправилось многочисленное посольство измѣнниковъ въ Литву съ богатыми дарами и предложеніемъ Казимиру Державства Новгородскаго, на основаніи древнихъ уставовъ его гражданской свободы. Король принялъ всѣ условія и

написали договорную грамоту, въ утвержденіе которой Казимиръ *цѣловалъ крестъ къ Великому Новугороду,* за все свое Княжество и за всю Раду Литовскую, *въ правду безъ извѣта;* а послы Новгородскіе *цѣловали крестъ Новгородскою душею* къ честному Королю, за Великій Новгородъ.

Между тѣмъ намѣстники Московскіе, не участвуя уже въ дѣлахъ общественныхъ, жили спокойно на Городищѣ, донося Великому Князю о всѣхъ происшествіяхъ Новгородскихъ.

Еще желая испытать послѣднее средство къ миру, Великій Князь отправилъ въ Новгородъ довѣреннаго Сановника, Ивана Ѳедоровича Товаркова, съ такимъ увѣщаніемъ: »Люди Новгородскіе! Рюрикъ, »Св. Владиміръ и Великій Всеволодъ Юрьевичь, мои предки, повелѣвали вами;

»я наслѣдовалъ сіе право: жалую васъ, »храню; но могу и казнить за дерзкое »ослушаніе. Когда вы бывали подданны»ми Литвы? Нынѣ же раболѣпствуе»те иновѣрнымъ, нарушая священнѣйшіе »обѣты. Я ничѣмъ не отяготилъ васъ и »требовалъ единственно древней, законной »дани. Вы измѣнили мнѣ. Казнь Божія надъ »вами! Но еще медлю, не любя кровопро»литія, готовъ миловать, естьли съ рас»каяніемъ возвратитесь подъ сѣнь отече»ства.« Въ то же время Митрополитъ Филиппъ писалъ къ нимъ: »Слышу о мя»тежѣ и росколѣ вашемъ. Бѣдственно и »единому человѣку уклониться отъ пути »праваго: еще ужаснѣе цѣлому народу; тре»пещите, да страшный серпъ Божій, ви»дѣнный пророкомъ Захаріею, не снидетъ »на главу сыновъ ослушныхъ. Вспомните

»реченное въ Писаніи: *Бѣги грѣха, яко рат-*
»*ника; бѣги отъ прелести, яко отъ лица*
»*змїина*. Сія *прелесть* есть Латинская; она
»уловляетъ васъ. Развѣ примѣръ Констан-
»тинополя не доказалъ ея гибельнаго дѣй-
»ствія? Греки царствовали, Греки славились
»благочестіемъ; соединились съ Римомъ, и
»служатъ нынѣ Туркамъ. Доселѣ вы были
»цѣлы подъ крѣпкою рукою Іоанна: не укло-
»няйтесь отъ *Святой великой старины* и
»не забывайте словъ Апостола: *Бога бой-*
»*теся, а Князя чтите.*—Смиритеся, и Богъ
»мира да будетъ съ вами!«

Всѣ увѣщанія сіи остались безплодны-
ми. Марѳа господствовала въ Новѣгородѣ.
Люди благоразумные тужили въ долгахъ и
безмолствовали на Вѣчѣ, гдѣ приверженцы и
наемники Борецкихъ вопили: »Новгородъ
»Государь нашъ, а Король покровитель.«

Посолъ Московскій возвратился къ Государю съ увѣреніемъ, что не слова и не письма могутъ смирить Новгородъ, но мечь!

Іоаннъ, съ великою горестію и послѣ многихъ совѣщаній, сказалъ: Да будетъ война! Онъ послалъ *складную грамоту* къ Новгородцамъ, выслалъ передовыя войска, раздалъ, по обычаю, милостыни, помолился у гробовъ святыхъ угодниковъ, принялъ благословеніе Митрополита, сѣлъ на коня и повелъ главное войско.

Новгородцы—измѣнники казались Москвитянамъ хуже Татаръ. Не было пощады ни бѣднымъ земледѣльцамъ, ни женщинамъ. Дымъ, пламя, кровавыя рѣки, стонъ и вопль отъ Востока и Запада неслися къ берегамъ Ильменя. Псковитяне взяли Вышегородъ, Холмскій обратилъ въ пепелъ Русу. Москвитяне бросали въ воду всѣ латы,

шлемы, щиты непріятельскіе, взятые ими въ добычу, говоря, что войско Великаго Князя богато собственными доспѣхами и не имѣетъ нужды въ измѣнническихъ. — Москвитяне, въ числѣ пяти тысячь человѣкъ, встрѣтили отъ 30 до 40 Новгородцевъ. Воеводы Іоанновы, сказавъ дружинамъ: »Настало время послужить Государю! »не убоимся ни трехъ сотъ тысячь мя»тежниковъ; за насъ правда и Господь Все»держитель!«—бросились на коняхъ въ Шелонь, съ крутаго берега, въ глубокомъ мѣстѣ. Войско бросилось за ними; никто не утонулъ, и всѣ устремились въ бой съ восклицаніемъ: *Москва!*—Новгородцы обратили тылъ, скакали безъ памяти, топтали другъ друга, гонимые и истребляемые побѣдителемъ. — Въ безуміи страха имъ вездѣ слышалось: *Москва! Москва!* Въ дру-

той сторонѣ Московскіе Воеводы, съ войскомъ изъ 4 т. разбивъ 12 т. непріятелей, взяли хоругвь Новгородскую и прогнали войско мятежниковъ.

Бояринъ Димитрій Борецкій, сынъ Марѳы, взятый въ плѣнъ, казненъ въ станѣ Великокняжескомъ. Новгородъ, пораженный сею вѣстію, стѣсняемый отъ часу болѣе войскомъ Московскимъ, угрожаемый голодомъ, выслалъ своего нареченнаго Архіепископа Ѳеофила, со многими сановниками, просить мира. Побѣдоносный Государь еще простилъ мятежниковъ; но уже въ послѣдній разъ.

Новгородъ еще остался державою народною; но свобода его была уже токмо милостію Іоанна и должна была исчезнуть по первому мановенію Самодержца.

Хотя Іоаннъ простилъ Новгородъ, но

послѣ многократныхъ измѣнъ его не могъ не наблюдать за нимъ, въ видахъ своего благотворнаго Единодержавія, которому намѣревался положить прочное основаніе. Вскорѣ представился случай навсегда прекратить мятежи Новгородскіе. Народъ жаловался на притѣсненія; граждане призывали Іоанна разсудить ихъ. Поручивъ Москву сыну, Великій Князь отправился къ берегамъ Волхова безъ войска, съ одною избранною благородною дружиною. Государь объявилъ, что идетъ утвердить спокойствіе Новагорода. Лучшіе люди отъ всѣхъ состояній встрѣтили его за 90 верстъ отъ города, съ дарами, съ жалобами и съ оправданіемъ. Онъ въѣхалъ въ Новгородъ, встрѣченный у Московскихъ воротъ Архіепископомъ, въ богатомъ облаченіи, съ духовенствомъ и Св. иконами,

коими и былъ предшествованъ до храма Софійскаго. Обѣдалъ у Ѳеофила и возвратился въ дворецъ свой на Городище. — Тамъ начался судъ. Дворецъ Великокняжескій не затворялся для народа отъ утра до вечера. Правители Новгородскіе вмѣсто суда и правды утѣсняли и грабили. Великому Князю доносили, что степенный посадникъ Ананьинъ съ товарищами пріѣзжалъ разбоемъ въ улицу Славкову и Никитину, отнялъ у жителей товары, и многихъ убилъ. Жаловались на грабежъ. Іоаннъ далъ знать Вѣчу, чтобъ оно взяло подъ стражу обвиняемыхъ, велѣлъ имъ явиться на судъ къ себѣ и, выслушавъ ихъ оправданія, рѣшилъ въ присутствіи Архіепископа, знатнѣйшихъ сановниковъ и бояръ, что жалобы справедливы; что вина доказана, что преступники лишаются сво-

боды и въ примѣръ другимъ подвергнутся казни. И взглянувъ въ ту же минуту на двухъ Бояръ Новгородскихъ, Аѳанасьева и сына его, сказалъ гнѣвно: »Изъидите! вы »хотѣли предать отечество Литвѣ.» — Воины оковали ихъ, равно какъ и посадника Ананьина и Бояръ Ѳедора Исакова (сына Марѳина), Лошинскаго и Богдана. Новгородцы, пораженные симъ зрѣлищемъ, потупивъ взоръ, молчали.

На другой день Владыка Ѳеофилъ и многіе посадники явились во дворцѣ Великокняжескомъ съ видомъ глубокой скорби, моля Іоанна о помилованіи заключенныхъ Бояръ.« Нѣтъ,« отвѣтствовалъ Государь Ѳеофилу,« тебѣ Богомольцу нашему и всему Новугороду извѣстно, что люди сіи »много сдѣлали зла отечеству и нынѣ вол»нуютъ его своими кознями.« Онъ послалъ

главныхъ преступниковъ закованныхъ въ Москву; но, изъ уваженія къ ходатайству Архіепископа и Вѣча, освободилъ нѣкоторыхъ, менѣе виновныхъ, подвергнувъ ихъ денежной пенѣ. Начались пиры и богатыя приношенія Великому Князю какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ имени всего города. Іоаннъ далъ у себя обѣдъ Архіепископу и первымъ сановникамъ, и объявилъ, что ему время ѣхать въ Москву. Ѳеофилъ и знатнѣйшіе люди проводили Государя до перваго стана, гдѣ онъ съ ними обѣдалъ, казался веселъ и доволенъ. Но судьба Новагорода была уже рѣшена въ умѣ его.

Чрезъ годъ, послы Вѣча Новгородскаго, явясь предъ Іоанна, торжественно наименовали его *Государемъ* Новагорода, вмѣсто *Господина*, какъ прежде именовались Вели-

кіе Князья. Въ слѣдствіе того Іоаннъ отправилъ въ Новгородъ Боярина Ѳеодора Давидовича спросить, что должно разумѣть подъ названіемъ *Государя?* Хотятъ ли Новгородцы присягнуть ему, какъ *полному Властителю*, единственному законодателю и судіи? Соглашаются ли принять Княжескихъ тіуновъ и отдать ему дворъ Ярославовъ, древнее мѣсто Вѣча? — Новгородцы отвѣтствовали: »Мы не посылали съ »тѣмъ къ Великому Князю; *это ложь.*« — Сдѣлалось волненіе. Забытые единомышленники Марѳины воспрянули и говорили народу, что они лучше его сіе предвидѣли; что друзья и слуги Московскаго Князя измѣнники, коихъ торжество есть гробъ отечества. Народъ остервенился, искалъ предателей, требовалъ мести. Схватили знаменитаго мужа Василья Никифорова, при-

вели на Вѣче, обвиняли въ преданности и клятвѣ Великому Князю и, не внимая его оправданіямъ, изрубили въ куски топорами. Умертвили посадника, казнили брата его, грабили, сажали въ темницы, и наконецъ отправили посла Московскаго обратно къ Іоанну съ такою грамотою отъ Вѣча: »Кланяемся тебѣ, *Господину нашему*, Вели»кому Князю; а *Государемъ* не зовемъ. Судъ »твоимъ намѣстникамъ на Городищѣ будетъ »по старинѣ; но твоего суда, ни твоихъ »тіуновъ у насъ не будетъ; *Дворища Яро»славля* не даемъ. Хотимъ жить по дого»вору, клятвенно утвержденному на Коростынѣ тобою и нами. Кто же предлагалъ тебѣ быть *Государемъ* Новгородскимъ, тѣхъ самъ знаешь и казни за обманъ; мы здѣсь также казнимъ сихъ лживыхъ предателей. А тебѣ, *Господинъ*, челомъ бьемъ,

чтобы ты держалъ насъ въ старинѣ, по крестному цѣлованію. — Такъ писали они, грозя, на Вѣчѣ, поддаться опять Литвѣ.

Іоаннъ собралъ совѣтъ и объявилъ, что Новгородъ, произвольно давъ ему имя Государя, отпирается отъ того, дѣлаетъ его лжецомъ предъ всею Русской землею, казнитъ, какъ злодѣевъ, людей вѣрныхъ законному Государю, и грозится вторично измѣнить священнѣйшимъ клятвамъ, православію и отечеству. — Рѣшено единогласно, что новый мятежъ сей должно унять; началось молебствіе, разданы милостыни, отправленъ въ Новгородъ гонецъ съ *грамотою складною*. Собрались полки подъ стѣнами Москвы. — Прибыло посольство изъ Новагорода. Начались переговоры. Отвѣтъ Государя на всѣ просьбы и представленія пословъ былъ въ заключеніи таковъ! »Буде

»Новгородъ дѣйствительно желаетъ нашей »милости, то условія ему извѣстны.«

Послы возвратились въ домъ; а Великій Князь подступилъ къ Новугороду.

Новгородцы приготовились выдержать приступъ; обязались клятвою защищаться единодушно и надѣялись послѣдовать примѣру предковъ своихъ, отразившихъ сильную рать Андрея Боголюбскаго. Великокняжескій станъ представлялъ видъ шумнаго торжища, полнаго изобиліемъ; а Новгородъ, посреди разоренныхъ окружностей, лишенный всякаго сообщенія, терпѣлъ во всемъ нужду. Опять выслано посольство, и опять возвратилось съ тѣмъ же отвѣтомъ. Нѣсколько разъ послы являлись съ новыми уступками; но Іоаннъ, неоднократно испытавшій вѣроломство Новгородцевъ, оставался непреклоннымъ.—Прошла цѣлая

недѣля; Новгородъ не присылалъ отвѣта. Наконецъ явился Архіепископъ съ чиновниками и сказалъ Боярамъ Великокняжескимъ: »Соглашаемся не имѣть ни Вѣча, ни Посадника, молимъ только, чтобы Государь »утолилъ на вѣки гнѣвъ свой и простилъ »насъ искренно, съ условіемъ не выводить »Новогородцевъ въ Низовскую землю, не касаться собственности Боярской, не судить насъ въ Москвѣ и не звать туда на »службу.« Великій Князь обѣщалъ. Они требовали присяги. Іоаннъ отвѣтствовалъ, что Государь не присягаетъ. Бояре Московскіе объявили, что переговоры кончены.

Тутъ любовь къ древней свободѣ вспыхнула было на Вѣчѣ.« Требуемъ битвы!« восклицали тысячи;« умремъ за вольность и Святую Софію!—но сей послѣдній порывъ

не произвелъ ничего кромѣ шума и долженъ былъ уступить благоразумію.

Послы Вѣча, не имѣя уже *Опаса*, снова прибыли въ станъ Великокняжескій и молили, чтобы Государь, отложивъ гнѣвъ, сказалъ имъ изустно, чѣмъ жалуетъ свою Новгородскую отчину. Іоаннъ приказалъ допустить ихъ и говорилъ такъ: »Милость моя »не измѣнилась; что обѣщалъ, то обѣщаю и »нынѣ: забвеніе прошедшаго, судъ по старинѣ, »цѣлость собственности частной, увольненіе отъ Низовской службы; не буду »звать васъ въ Москву; не буду выводить »людей изъ страны Новгородской.« Послы ударили челомъ и вышли. Начались подробные переговоры объ удовлетвореніи требованій Великокняжескихъ и нѣкоторыхъ просьбъ Новагорода.

Бояре Новгородскіе, житые люди и куп-

цы присягнули въ станѣ Іоанновомъ; а Владыка и пять концовъ утвердили ее своими печатями.

Рушилось Вѣче Новгородское. Бояре Московскіе, вступивъ въ городъ, объявили прощеніе Государя и приняли общую присягу.

Великій Князь отправилъ въ Москву гонца съ извѣстіемъ, *что привелъ Великій Новгородъ во всю свою волю.*

Чрезъ нѣсколько дней Іоаннъ въѣхалъ въ Новгородъ, въ Софійской церкви отслушалъ Литургію и возвратился на Поозерье, пригласивъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ знатнѣйшихъ Новгородцевъ. Предъ столомъ Архіепископъ поднесъ ему въ даръ панагію, обложенную золотомъ и жемчугами, страусовое яйцо, окованное серебромъ, въ видѣ кубка, чарку сердоликовую, хрустальную бочку, серебряную мису въ 6 фунтовъ, и 200

Корабельниковъ, т: е: двойныхъ червонцевъ. Гости пили, ѣли и бесѣдовали съ Іоанномъ.

Жертвою Московскаго Самодержавія были только явные непримиримые враги его, извѣстные друзья Литвы: Марко Памфиліевъ, славная Мароа Борецкая съ внукомъ, и еще четыре ихъ сообщника. Ихъ отвезли въ Москву, а все имѣніе ихъ описано въ казну.

За тѣмъ, помолясь Св: Софіи, Іоаннъ отправился. На первомъ станѣ своемъ угостилъ обѣдомъ знатнѣйшихъ Новгородцевъ, отдарилъ ихъ и возвратился въ свою столицу. Въ слѣдъ за нимъ привезли славный Вѣчевый колоколъ Новгородскій и повѣсили на колольнѣ Успенскаго Собора.

Такъ послѣ шести вѣковъ свободы и державства самостоятельнаго Новгородъ покорился Іоанну.

Слава его подвиговъ пережило политическое бытіе его. Вѣче Новгородское соединяло всѣ гражданскія власти и, какъ собраніе Франковъ на полѣ Марсовомъ, представляя лице Новагорода, именовалось *Государемъ*. Основанный, вѣроятно, толпою Славянскихъ рыбаковъ, которые ловили рыбу въ водахъ Ильменя, онъ возвысился до степени Державы знаменитой. Господствовалъ надъ слабыми сосѣдственными племенами Финскими; покоренный смѣлымъ Варягамъ, заимствовалъ отъ нихъ духъ торговли, предпріимчивость и мореплаваніе. Изгналъ сихъ завоевателей. Смущаемый внутренними безпорядками, учредилъ у себя Монархію, и симъ безпримѣрнымъ въ цѣломъ народѣ благоразуміемъ рѣшилъ судьбу всей сѣверной Европы и, давъ бытіе, давъ Государей нашему отечеству, успокоенный

ихъ властію, усиленный мужественными витязями Варяжскими, опять захотѣлъ древней вольности, ограничилъ власть Князей своихъ, воевалъ, купечествовалъ, еще въ X-мъ вѣкѣ торговалъ съ Царемградомъ, еще въ XII-мъ посылалъ корабли въ Любекъ; сквозь дремучіе лѣса открылъ себѣ путь до Сибири и, покоривъ обширныя земли между Ладогою, морями Бѣлымъ и Карскимъ, рѣкою Обью и нынѣшнею Уфою, посѣялъ тамъ первыя сѣмена гражданственности и Вѣры Христовой; передавалъ Европѣ товары Азіятскіе и Византійскіе, сверхъ драгоцѣнныхъ произведеній дикой природы; сообщилъ Россіи плоды ремесла Европейскаго, искусствъ полезныхъ; славился хитростью въ торговлѣ и мужествомъ въ битвахъ, съ гордостію указывая на свои стѣны, подъ коими легло

многочисленное воинство Боголюбскаго; на Альту, гдѣ Ярославъ Великій съ вѣрными Новгородцами побѣдилъ злочестиваго Святополка; на Липицу, гдѣ Мстиславъ Храбрый съ ихъ дружиною сокрушилъ ополченіе Князей Суздальскихъ; на берега Невы, гдѣ Александръ смирилъ надменность Биргера, и на поля Ливонскія, гдѣ орденъ Меченосцевъ столь часто уклонялъ знамена свои предъ Св: Софіею, обращаясь въ бѣгство. Воспоминанія сіи произвели извѣстную пословицу: *Кто противъ Бога и великаго Новагорода?*—Жители его хвалились особенно тѣмъ, что они не были, какъ прочіе Россіяне, рабами Моголовъ; хотя и платили дань ордынскую, но Великимъ Князьямъ, не зная Баскаковъ Татарскихъ, и не бывъ никогда подвержены ихъ тиранству. Слово: *Новгородская честь, Новгородская ду-*

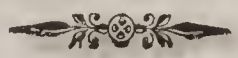
ша, въ добрыя времена сего народодержавія служило иногда вмѣсто клятвы.

Здѣсь умолкаетъ частная исторія Новагорода.

XLVIII. ОСТАТКИ САРАЯ, СТОЛИЦЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.

Близь развалинъ столицы Болгарской, *Сумеркепь*, не много выше Царицына, въ Саратовской Губерніи, Батый построилъ себѣ палаты, отъ названія коихъ и мѣсто сіе получило имя *Сарай*. Не извѣстно время разрушенія сего, нѣкогда страшнаго для Россіи, гнѣздилища; но вѣроятно то, что оно случилось тогда, какъ Великая Орда раздиралась междоусобіями Татаръ. Мѣсто сіе называется теперь *Селитренный городокъ*, ибо тутъ былъ селитренный заводъ. Оно представляетъ кучи кирпича и строеній разрушенныхъ, и неоднократно взрытыхъ. Двѣ развалины нѣсколько сохрани-

лись, и кѣмъ-то отрыты. Одна изъ нихъ величественная, похожа на дворецъ Хана. Внутренность раздѣлена на небольшія комнаты, а низъ вмѣщалъ, для погребенія мертвыхъ, погреба, изъ которыхъ и вынуты гробы, серебромъ окованные. Зданіе сіе простиралось, какъ кажется, на 12 саженей въ длину и на 8 въ ширину. Есть еще остатки столповъ и сводовъ Готической Архитектуры, украшавшихъ фасадъ. Кирпичныя стѣны самой лучшей работы. Наружность ихъ распещрена разными фигурами изъ муравленой и разноцвѣтной глины: зеленой, желтой, бѣлой и синей; на главной стѣнѣ видны цвѣты и листья. И такъ изъ праха столь страшныхъ нѣкогда поработителей нашихъ дѣлали мы селитру и, можетъ быть, огни потѣшные!

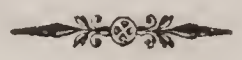


XLIX. СТРОЕНІЕ МОСКОВСКАГО УСПЕНСКАГО СОБОРА.

Московскій Успенскій Соборъ построенъ въ царствованіе Великаго Князя Іоанна III. Но въ первый разъ, едва складенный до сводовъ, съ ужаснымъ трескомъ обрушился; почему и выписанъ для построенія его отличнѣйшій Италіянскій Архитекторъ, Аристотель, котораго Магометъ 11-й звалъ тогда въ Царьградъ для строенія Султанскихъ палатъ; но онъ предпочелъ Москву. Ему давали ежемѣсячно около двухъ фунтовъ серебра, то есть десять рублей жалованья. Онъ указалъ, какъ обжигать кирпичь и растворять известь, и отстроилъ въ четыре года Успенскій Соборъ, который освященъ въ 1479-мъ году Августа 12-го.

L. ПЕРВОЕ ЗАВОЕВАНІЕ КАЗАНИ.

Іоаннъ Великій, вызванный коварствами и предательствомъ Царя Казанскаго на войну съ нимъ, 9-го Іюля 1487-го года взялъ его столицу и плѣнилъ его самаго; но мысль присоединить сіе древнее Болгарское Царство къ Россіи, не могла еще тогда представиться возможною. Великій Князь почиталъ себя и тѣмъ уже счастливымъ, что завладѣлъ симъ враждебнымъ гнѣздилищемъ, въ которомъ отецъ его лилъ слезы и томился въ неволѣ; что онъ можетъ показать въ Москвѣ Царя Татарскаго плѣннымъ, казнить въ Казани предателей и враговъ Россіи, возвести на тронъ царства Казанскаго Царя, ему преданнаго, и назваться въ титулѣ своемъ *Государемъ Болгаріи.*



LI. НАЧАЛО ВНѢШНИХЪ СНОШЕНІЙ РОССІИ.

Іоаннъ III-й, отправивъ первыхъ пословъ къ Королю Венгерскому Матѳею, предписалъ имъ наблюдать внимательно о всѣхъ его сношеніяхъ съ Турціею, Римскимъ Императоромъ, съ Богеміею и съ Королемъ Польскимъ.

Въ то же время, Князь Московскій заключилъ союзъ съ Стефаномъ IV-мъ, Воеводою и Господаремъ Княжества Молдавскаго, осмѣлившимся обнажить мечь противъ ужаснаго Магомета 11-го, и который блистательными побѣдами надъ Турками заслужилъ титло Великаго. Союзъ сей,

обоюдными выгодами утвержденный, доказываетъ благоразуміе и дѣятельность политики Іоанновой. Господарь Молдавскій обѣщалъ помощь Россіи во всѣхъ нужныхъ случаяхъ; а Іоаннъ свое содѣйствіе для сохраненія независимости Княжества Молдавскаго отъ Польши и Хана Крымскаго.

Такъ вмѣстѣ съ утвержденіемъ Единовластія родилась внѣшняя Россійская политика.

LII. ІОАННЪ ТРЕТІЙ ВЫПИСЫВАЕТЪ ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Король Венгерскій Матѳей, знаменитый остроуміемъ и мужествомъ, искалъ дружбы Іоанновой для союза противъ Казимира, Короля Польскаго, его непріятеля. Великій Князь принялъ благосклонно Пословъ его, отправилъ къ нему своихъ и просилъ, чтобъ онъ доставилъ ему: 1-е. Художниковъ, умѣющихъ лить пушки и стрѣлять изъ нихъ; 2-е. *Размысловъ* (то есть Инженеровъ); 3-е. Серебряниковъ, для дѣланія большихъ и малыхъ сосудовъ; 4-е. *Зодчихъ*, для строенія церквей, палатъ и городовъ; 5-е. *Гор-*

ныхъ Мастеровъ, для добыванія золотой и серебряной руды и для отдѣленія металла отъ земли. »У насъ есть серебро и золо»то,« приказывалъ онъ сказать Королю,« »но мы не умѣемъ чистить руды. Услужи »намъ, и тебѣ услужимъ всемъ, что нахо»дится въ моемъ Государствѣ.« Іоаннъ подарилъ Матѳею чернаго соболя съ коваными золотыми ноготками, обсажнными крупнымъ *Новгородскимъ жемчугомъ.* Лѣтописецъ говоритъ, что то былъ Королю первый Іоанновъ *поминокъ* (Souvenir).

LIII ПЕРВЫЙ СОЮЗНЫЙ ДОГОВОРЪ РОССІИ СЪ АВСТРІЕЮ.

»По волѣ Божіей и нашей любви, мы »Іоаннъ (III-й), Божіею милостію Государь »всея Русіи, Владимірскій, Московскій, Нов»городскій, Псковскій, Югорскій, Вятскій, »Пермскій, Болгарскій, (т. е. Казанскій), »и проч. условились съ своимъ братомъ, »Максимиліаномъ, Королемъ Римскимъ и »Княземъ Австрійскимъ, Бургонскимъ, Ло»тарингскимъ, Стирскимъ, Каринтійскимъ, »и проч. быть въ вѣчной любви и согласіи, »чтобы помогать другъ другу во всѣхъ слу»чаяхъ. Если Король Польскій и дѣти его »будутъ воевать съ братомъ моимъ за

»Венгрію, твою отчину, то извѣсти насъ, »и поможемъ тебѣ усердно, *безъ обмана.* »Если же и мы начнемъ *добывать* Великаго »Княженія Кіевскаго и другихъ земель Рус»скихъ, коими владѣетъ Литва, то увѣдо»мимъ тебя и поможешь намъ усердно, »*безъ обмана.* Если и не успѣемъ обослать»ся, но узнаемъ, что война началася съ »твоей или моей стороны: то обязываемся »немедленно итти другъ ко другу на по»мощь. Послы и купцы наши да ѣздятъ »свободно изъ одной земли въ другую. На »семъ цѣлую крестъ къ тебѣ, моему брату. »Въ Москвѣ, въ лѣто 6998 (1490) Авгу»ста 6-го.«

Сей договоръ былъ написанъ на харатіи и скрѣпленъ золотою Великокняжескою печатью.

Посолъ Австрійскій поднесъ Великой

Княгинѣ Софіи отъ Императора сѣрое сукно и попугая; а Государь пожаловалъ его въ *Золотоносцы*, далъ ему золотую цѣпь съ крестомъ, горностаевую шубу и серебряныя *остроги*, то есть шпоры, какъ бы въ знакъ Рыцарства.

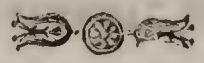
LIV. ОТКРЫТІЕ ПЕРВЫХЪ СЕРЕБРЯНЫХЪ РУДНИКОВЪ ВЪ РОССІИ.

Посолъ Іоанна III-го къ Императору Австрійскому, Грекъ Траханіотъ, вывелъ изъ Германіи двухъ Нѣмцевъ, Ивана и Виктора, которые были отправлены изъ Москвы въ окрестности Печёры искать серебряной руды, и нашли ее вмѣстѣ съ мѣдною на рѣкѣ Цыльмѣ, въ 300 верстахъ отъ Печёры, на пространствѣ десяти верстъ, и съ сего времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету изъ своего серебра; начали имѣть и золотыя деньги или медали Россійскія. Въ собраніи нашихъ древностей хранится снимокъ золотой медали 1497 года съ изображеніемъ

Святаго Николая. Въ надписи сказано, что *Великій Государь* вылилъ *единый Талеръ* изъ золота *для Княгини своей*. На серебряныхъ деньгахъ Іоаннова времени изображался Святый Георгій.

Сіе открытіе драгоцѣннаго металла въ Россіи было весьма важно для всей Европы, которая не знала еще Америки и въ ономъ нуждалась.

До сего открытія мы пользовались единственно чужими дорогими металлами, кои добывали внѣшнею торговлею и мѣною съ Сибирскими народами, чрезъ Югру; но сей источникъ видно оскудѣлъ или совсѣмъ закрылся; ибо въ лѣтописяхъ и договорахъ XV-го вѣка уже не упоминается о *серебрѣ Закамскомъ*.



LV. ПЕРВОЕ СНОШЕНІЕ ТУРЕЦКАГО СУЛТАНА СЪ РОССІЕЮ.

Отвѣтная Грамота Баязета Великому Князю Іоанну III-му.

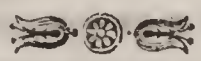
»Ты отъ чистаго сердца прислалъ *добраго »мужа къ моему порогу:* онъ видѣлъ меня и »вручилъ твою грамоту, которую я при»ложилъ къ своему сердцу, видя, что жела»ешь быть намъ другомъ. Послы и гости »твои да ѣздятъ часто въ мою землю: они »увидятъ и скажутъ тебѣ нашу правду, »равно какъ и сей ѣдущій назадъ въ свое »отечество. Дай Богъ, чтобы онъ благопо»лучно возвратился съ нашимъ *великимъ »поклономъ* къ тебѣ и ко всѣмъ друзьямъ »твоимъ; ибо кого ты любишь, того и мы »любимъ.«

LVI. ЗАВОЕВАНІЕ ЗЕМЛИ ЮГОРСКОЙ.

Въ 1499-мъ году Воеводы Іоанна III-го, съ пятью тысячами войска, доплыли разными рѣками до Печоры, заложили на берегу ея крѣпость и отправились на лыжахъ къ каменному поясу. Сражаясь съ вѣтрами, засыпаемые снѣгами, всбирались они, съ трудомъ неописаннымъ, на горы неприступныя, гдѣ и лѣтомъ ничего не видно, кромѣ пустынь, голыхъ утесовъ, стремнинъ, печальныхъ кедровъ и хищныхъ бѣлыхъ кречетовъ; но гдѣ подъ мшистыми гранитами извиваются богатыя жилы дорогихъ металловъ и кроются цвѣтные камни драгоцѣнные. Наконецъ, войско достигло до

городка Ляпина (нынѣ Вогульскаго мѣстечка въ Березовскомъ уѣздѣ), 4650 верстъ отъ Москвы. Тутъ съѣхались къ нимъ Владѣтели Югорскіе, земли Обдорской, предлагая миръ и подданство Государю Московскому. Каждый изъ сихъ Князьковъ сидѣлъ на длинныхъ саняхъ, запряженныхъ оленями. Воеводы Іоанновы также ѣхали на оленяхъ, а воины на собакахъ. Они взяли сорокъ городовъ, то есть, мѣстъ тыномъ укрѣпленныхъ; болѣе тысячи плѣнныхъ и 50 Князей. Съ того времени Государи наши начали именоваться *Князьями Югорскими*.

Жители сей страны, вмѣсто присяги на подданство, пили воду съ золота въ присутствіи нашихъ чиновниковъ.



LVII. ПИСЬМО ХАНА МЕНГЛИ-ГИРЕЯ КЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ІОАННУ III, СЪ КОИМЪ БЫЛЪ ОНЪ ВЪ ДРУЖБѢ И СОЮЗѢ.

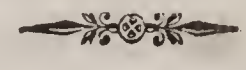
»Султаны непрямые люди; говорятъ то, »дѣлаютъ другое. Прежде Кафинскіе намѣ»стники зависѣли отъ моей воли; а нынѣ »тамъ сынъ Баязетовъ; теперь еще молодъ »и меня слушается; но за будущее не льза »ручаться. У стариковъ есть пословица, »что *двѣ бараньи головы въ одинъ котелъ не »лезутъ.* Если начнемъ ссориться, то бу»детъ худо; *а гдѣ худо, оттуда бѣгутъ »люди.* Ты можешь достать себѣ Кіевъ и »городъ Черкаскъ: я съ радостію переселюсь »на берегъ Днѣпра. Наши люди будутъ

»твои, а твои наши. Когда же *ни добромъ, »ни лихомъ* не возьмемъ Кіева, ни Черкаска, »то нельзя ли хотя вымѣнять ихъ на дру»гія мѣста? Что утѣшитъ мое сердце и »прославитъ имя твое.«

LVIII. ОТВѢТЪ ЮАННА.

»Ревностно молю Бога о возвращеніи »намъ древней отчины Кіева, и мысль о »ближнемъ сосѣдствѣ съ тобою, моимъ бра»томъ, весьма для меня пріятна.«

Іоаннъ ласкалъ Менгли-Гирея во всѣхъ письмахъ, дабы располагать силами его противъ Литвы.



LIX. СКЛАДНАЯ ГРАМОТА.

Складною Грамотою называлось то объявленіе войны, которымъ *складывалось крестное цѣлованіе*, коимъ утверждались союзы и всякаго рода Государственные договоры.

LX. НАГРАДА ЗА ВОИНСКІЕ ПОДВИГИ ВЪ XV СТОЛѢТІИ.

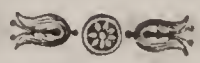
Въ 1500 году Литовцы, бывшіе для Россіи, въ теченіи ста пятидесяти лѣтъ, не менѣе страшны какъ и Моголы, разбиты въ первый разъ войсками Іоанна III-го близъ Дорогобужа, на берегахъ рѣки Ведроши. Литовскіе военачальники, обозъ и снарядъ огнестрельный, достались въ руки побѣдителей. Іоаннъ, довольный искусствомъ и мужествомъ воеводъ своихъ, въ знакъ чрезвычайной милости, послалъ къ нимъ знатнаго чиновника *спросить о ихъ здравіи* и велѣлъ ему *сказать первое слово* Князю Даніилу Щенѣ, а

второе Князю Іосифу Дорогобужскому, который отличился въ семъ дѣлѣ.

Весьма примѣчательно, что за столь важную побѣду не пожаловано даже и золотой цѣпи; такъ дорого цѣнилось *милостивое слово* Великокняжеское.

Часть внутренности Церкви
въ началѣ 18го столѣтія.

ВѢКЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.



LXI. ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ III ВЕЛИКІЙ.

Московскій Великій Князь, Іоаннъ Великій, явился въ томъ примѣчательномъ вѣкѣ, который произвелъ рѣшительный переворотъ на всѣ времена будущія въ политическомъ бытіи народовъ цѣлаго міра. Открыты: книгопечатаніе, Америка, новый путь въ Индію. Іоаннъ, хотя уже не рабъ, но еще *слуга Ханскій*, выступилъ смѣлою ногою человѣка необыкновеннаго на зрѣлище политики дѣятельной и многосложной.

Важнѣйшіе Государи Европы, утверждали зданіе правленій монархическихъ на развалинахъ системы Помѣстной (Феодальной). Власть Королевская усилилась въ Англіи и Франціи. Испанія, освобожденная отъ ига Мавровъ, заняла мѣсто свое среди Державъ первостепенныхъ. Италія славилась мореплаваніемъ, торговлею, науками, искусствами и особеннымъ родомъ тонкой политики. Въ Германіи возвышалось достоинство Императорское и готовлялось величіе Дома Австрійскаго. Венгрія, Богемія и Польша, вмѣстѣ съ Австріею, служили оплотомъ противъ ужаснаго врага Христіанства—Баязета. Король Датскій искалъ въ прозорливой и благоразумной политикѣ утвердить союзъ трехъ Государствъ Сѣверныхъ. Чудесная Ганза, торго-воинственный союзъ 85 городовъ, пользовался общимъ уважені-

емъ. Орденъ Ливонскій и Нѣмецкій еще сохраняли достоинство свое личною славою Плеттенберга. Одна Россія стояла уже въ продолженіи почти трехъ столѣтій внѣ круга сей Европейской дѣятельности. Хотя Князья Московскіе, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для Единовластія и могущества ея, но Іоаннъ III вывелъ ея рѣшительно изъ политическаго ничтожества и поставилъ на чреду Государствъ великихъ. Благотворная хитрость Калиты отличаетъ умнаго слугу Ханскаго. Побѣдитель Мамая на пеплѣ столицы своей раболѣпствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донскаго сохранилъ единственно цѣлость Москвы; но принужденъ былъ уступить Смоленскъ и другія области Витовту, и долженъ былъ искать милости въ Ханахъ; а внукъ не могъ противиться

горсти Татарскихъ хищниковъ, былъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ Москвѣ, и хотя смирилъ враговъ внутреннихъ, но возстановленіемъ Удѣловъ подвергнулъ Отечество новой опасности междуусобій. Орда и Литва отдѣляли Россію отъ Европы. Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ Степной Орды дикарей, подобныхъ нынѣшнимъ Киргизцамъ, сталъ наряду съ знаменитнѣйшими Государями Европы, не уступая первенства ни Императорамъ, ни гордымъ Султанамъ. Безъ ученія, безъ наставленій, руководимый природнымъ умомъ и Вѣрою, онъ поставилъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внутренней и внѣшней. Силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня Литву, сокрушая народодержавіе Новгородское, присоединяя

удѣлы, расширяя владѣніе Московскія до пустынь Сибирскихъ и Лапландій Норвежской, онъ изобрѣлъ благоразумнѣйшую систему войны мира, на дальновидной умѣренности основанную.

Бракосочетаніемъ съ Софіею, онъ обратилъ на Россію вниманіе всѣхъ Державъ. Съ любопытствомъ обозрѣвалъ Царства и Дворы иноземные; не хотѣлъ мѣшаться въ чужія дѣла; принималъ союзы, но не иначе, какъ съ очевидною пользою для Россіи; искалъ орудій для своихъ видовъ и находилъ ихъ, не служа никому орудіемъ. Въ политику свою, хитрую и на обширныхъ предпріятіяхъ основанную, не допускалъ онъ никакой страсти.

Іоаннъ первый положилъ основаніе постоянному войску, учредилъ нѣкоторый родъ земскаго ополченія изъ дѣтей Боярскихъ,

коимъ давалъ онъ земли, съ обязанностію приводить съ собою, въ случаѣ войны, извѣстное число пѣшихъ, или конныхъ ратниковъ. Принималъ въ службу Нѣмецкихъ и Литовскихъ плѣнниковъ. Учредилъ раздѣленіе войска, на пять частей или полковъ: *большой*, *передовой*, *правой*, *лѣвой*, *сторожевой* или *запасный*. Каждый полкъ имѣлъ своего воеводу; предводитель большаго былъ главнымъ. Но побѣждая отъ Сибири до Эмбаха и Десны, Іоаннъ не имѣлъ духа воинскаго. »Сванъ мой,« говорилъ о немъ славный Стефанъ Молдавскій, »странный человѣкъ; сидитъ дома, веселится, »спитъ спокойно и торжествуетъ надъ »врагами. Я всегда на конѣ и въ полѣ, а »не умѣю защитить земли своей.« И дѣйствительно, Іоаннъ не родился воиномъ, но Государемъ, сидѣлъ на тронѣ и, имѣя

высокій разумъ науки Государственной, онъ выбиралъ слугъ для побѣды. Холмскій, Стрига, Щеня вели къ ней его дружины.

Іоаннъ, утвердивъ единовластіе, сдѣлался истиннымъ и первымъ Самодержцемъ Россіи. Князья рода Рюрикова и Святаго Владиміра служили ему наравнѣ съ прочими подданными и, пріобрѣтая знаменитою или долговременною службою званія его Бояръ, Дворецкихъ, Окольничихъ, гордились ими. По примѣру Царей Греческихъ, Іоаннъ предсѣдательствовалъ на Соборахъ Церковныхъ. Гордый въ сношеніяхъ съ Царями иноземными, онъ принималъ величаво ихъ посольства, любилъ пышную торжественность и уставилъ въ знакъ Монаршей милости *жалованіе къ рукѣ* (цѣлованіе руки).

Іоаннъ былъ Государь строгій, и потому ему первому дано въ Россіи имя *грознаго*;

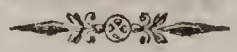
но въ смыслѣ похвальномъ, то есть, грознаго для враговъ и ослушниковъ. Онъ имѣлъ твердость непреклонную, которая граничила съ суровостію. Онъ не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго; но былъ одаренъ всѣми качествами, образующими великихъ преобразователей царствъ и народовъ. Не имѣя блистательной и великодушной смѣлости, онъ дѣйствовалъ съ медленностію благоразумія, которое, представляя иногда видъ боязливой осторожности и не плѣняя современниковъ, познается по плодамъ его прочности въ твореніяхъ великихъ Государей! Россія Олегова, Владимірова, Ярославова, погибла въ нашествія Моголовъ; но Россія *нынѣшняя* образована Іоанномъ.—Онъ привелъ въ порядокъ и умножилъ доходы Государства, охранялъ торговлю внѣшнюю, ободрялъ

внутреннюю. Возвеличивъ Россію политикою и оружіемъ, Іоаннъ утвердилъ внутреннее ея благоустройство, добрымъ его времени, законодательствомъ. Въ 1497-мъ году, по повелѣнію Іоанна, собраны всѣ наши древнія судныя грамоты и разсмотрѣны, въ видѣ Уложенія. Дѣла рѣшались единоборствомъ. Въ душегубствѣ, зажигательствѣ, разбоѣ, виновнаго, т. е. *побѣжденнаго,* казнили смертью. Человѣка *подозрительнаго,* оговореннаго пытали. Обвиняемый говорилъ: »требую присяги и суда »Божія, требую поля и единоборства.« Отличительный характеръ Іоаннова Уложенія состоитъ въ краткости; ибо тяжбы и доносы рѣшались желѣзомъ, и въ довѣренности къ присягѣ и совѣсти; ибо благочестіе и добросовѣстность еще сохранялись. Впрочемъ руководствовались *Прави-*

ломъ Царскимъ, или закономъ Царей Греческихъ и Номоканомомъ, дополняя и Уложеніе и законы сіи древними обычаями. Іоаннъ учредилъ полицейскіе Уставы; запретилъ безпорядки на улицахъ, пьянство; пекся о дорогахъ; завелъ почту и ямы. Онъ свергнулъ съ святительскаго престола, за святокупство, Архіепископа Геннадія и заключилъ его въ Чудовъ Монастырь.

Вовремя Іоанново, въ 1464-мъ году, Митрополитъ Ѳеодосій поставилъ въ Москвѣ Митрополита Кесаріи. Столица Великокняжеская сдѣлалась новою Византіею.

Іоаннъ скончался на 67-мъ году отъ рожденія и погребенъ въ церкви Святаго Архистратига Михаила. Лѣтописцы славятъ дѣла его и благодарятъ Бога за такого Самодержца.

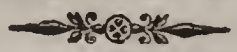


LXII. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ИНДІЮ.

Нѣкто, Тверской житель, Аѳанасій Никитинъ, около 1470 года, былъ по дѣламъ торговымъ въ Деканѣ и Королевствѣ Голькондскомъ. Онъ ѣхалъ Волгою изъ Твери до Астрахани, мимо Татарскихъ городовъ Услана и Берекзаны; изъ Астрахани въ Дербентъ, Бокару, Мазандеранъ, Амоль, Кашанъ, Ормусъ, Маскатъ, Гузуратъ и далѣе, сухимъ путемъ, къ горамъ Индѣйскимъ, до Бедера, гдѣ находилась столица Великаго Султана *Хоросанскаго;* видѣлъ *Индѣйскій Іерусалимъ*, то есть, славный Элорскій храмъ, какъ вѣроятно; именуетъ города, коихъ нѣтъ на картахъ; замѣчаетъ достопамятное; удивляется роскоши вельможъ и бѣдности народа; осуждаетъ не только суевѣріе, но и худые нравы жите-

лей, исповѣдующихъ вѣру Брамы; вездѣ тоскуетъ о православной Руси, сожалѣя, ежели кто изъ нашихъ единоземцевъ, прельщенный славою Индѣйскихъ богатствъ, вздумаетъ ѣхать по его слѣдамъ въ сей мнимый рай купечества, гдѣ много перцу и красокъ, *но мало годнаго для Россіи.* Наконецъ возвращается въ Ормусъ, и чрезъ Испагань, Султанію, Требизонтъ пріѣзжаетъ, послѣ шестилѣтняго путешествія, въ Кафу.

И такъ Индѣйцы слышали о Россіи прежде, нежели о Португаліи, Голландіи и Англіи. Въ то время какъ Васко де Гама мыслилъ о возможности найти путь отъ Африки къ Индостану, нашъ Тверитянинъ уже торговалъ на берегахъ Малабара и бесѣдовалъ съ поклонниками Брамы о ихъ догматахъ.



LXIII. СКЛАДНАЯ ГРАМОТА МОСКОВСКАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА.

Когда Великій Князь Василій свѣдалъ, что Король Польскій, Сигизмундъ, готовитъ противу него войско, и убѣждаетъ Крымскаго Хана дѣйствовать противъ Россіи всѣми силами, то, по рѣшенію Думы Великокняжеской, послалъ къ Сигизмунду *складную* грамоту, написалъ въ ней имя Королевское безъ всякаго титула, изчислилъ всѣ знаки непримиримой его вражды, оскорбленіе Королевы Елены, нарушеніе договора, возбужденіе Менгли-Гирея ко вторженію въ Россію, и заключилъ сими словами: *»взявъ себѣ Господа въ помощь, иду на тебя »и хочу стоять, какъ будетъ угодно Богу; а »крестное цѣлованіе слагаю.«*

LXIV. СМЕРТЬ КАЗАНСКАГО ЦАРЯ МАГМЕТЪ-АМИНЯ.

Казанскій Царь Магметъ-Аминь занемогъ жестокою болѣзнію: отъ головы до ногъ, по словамъ Лѣтописца, онъ *кипѣлъ гноемъ и червями;* призывалъ цѣлителей, волхвовъ, и не получалъ облегченія; заражалъ воздухъ смрадомъ гніющаго тѣла и думалъ, что казнь сія послана ему Небомъ за вѣроломное убіеніе столь многихъ Россіянъ, и за неблагодарность къ Великому Князю Іоанну.» Русской Богъ караетъ меня,« говорилъ онъ своимъ приближеннымъ;« Іоаннъ »былъ мнѣ отцемъ, а я, слушаясь коварной »жены, отплатилъ зломъ благодѣтелю. Те-

»перь гибну; къ чему мнѣ серебро и золо»то, престолъ и вѣнецъ, ордъ многоцѣн»ный и жены красныя? Оставляю ихъ дру»гимъ!«

Чтобъ успокоиться въ совѣсти, Магметъ-Аминь желалъ удостовѣрить Великаго Князя Василія, послѣ отца своего Іоанна, тогда царствовавшаго, въ своей искренности: прислалъ ему 300 коней, украшенныхъ золотыми сѣдлами и червленными коврами, Царскій доспѣхъ, щитъ и шатеръ,—подарокъ Владѣтеля Персидскаго, такъ богатый и хитровытканный, что Нѣмецкіе купцы разсматривали его въ Москвѣ съ удивленіемъ.

LXV. ХАБАРЪ СИМСКІЙ.

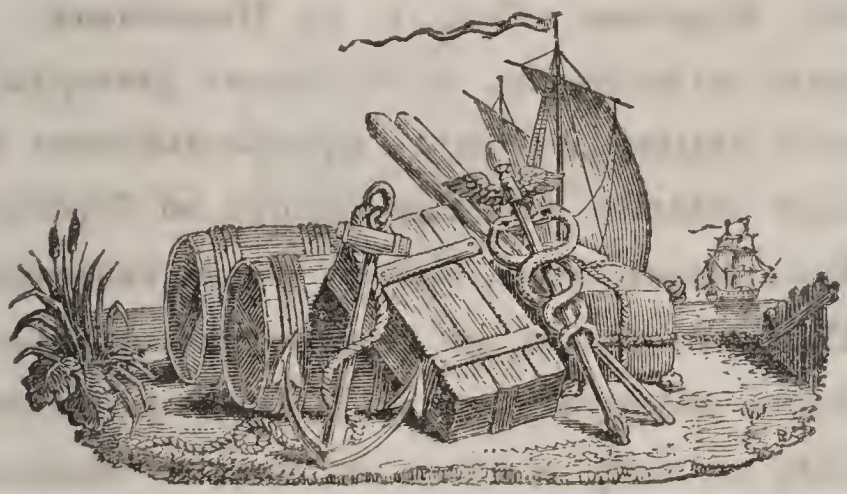
Когда Крымскій Ханъ Магметъ-Гирей внезапнымъ нападеніемъ на Москву принудилъ Великаго Князя Василія Іоанновича, для спасенія сей столицы, обязаться грамотою платить ему дань по Уставу древнихъ временъ, то Ханъ отступилъ немедленно къ Рязани, которою завладѣлъ предательски; ибо Литовскій Атаманъ Дашковичь присовѣтовалъ ему взять крѣпость сію обманомъ. Но въ ней бодрствовалъ *Хабаръ Симскій*, сынъ Іоаннова воеводы Василія *Образца*, мужъ опытный, благоразумный, спаситель Нижняго-Новогорода. Ханъ, желая усыпить его, послалъ къ нему Московскую грамоту въ удостовѣреніе, что война кончена и что Великій Князь

призналъ себя Крымскимъ данникомъ, а между тѣмъ непріятельскія толпы приближались къ крѣпости, будто бы для отысканія своихъ бѣглецовъ. *Симскій* исполнилъ долгъ чести, выдавъ имъ всѣхъ плѣнниковъ, укрывавшихся въ крѣпости, и выкупилъ Князя Ѳеодора Оболенскаго; но число Литовцевъ и Татаръ непрестанно умножалось подъ стѣнами, доколѣ Рязанскій искусный пушкарь, Нѣмецъ Іорданъ, однимъ выстрѣломъ положивъ ихъ множество на мѣстѣ, остальные разбѣжались въ ужасѣ. Ханъ отступилъ. Симскій спасъ не только Рязань, но и честь Великокняжескую, ибо постыдная хартія Московская осталась въ рукахъ его. Ему данъ санъ Боярина и описаніе знаменитой его заслуги внесено, *на память вѣкамъ*, въ книги Разрядныя и Родословныя.

LXVI. НАЧАЛО МАКАРЬЕВСКОЙ ЯРМАНКИ.

Великій Князь Василій Іоанновичь, раздраженный коварствомъ и измѣнами Казанцевъ, запретилъ купцамъ нашимъ ѣздить на лѣтнюю ихъ ярманку, и назначилъ для ихъ торговли съ Азіею, въ Нижегородской области, мѣсто на берегу Волги, гдѣ была Макарьевъ. Казанская ярманка упала; ибо купцы Астраханскіе, Персидскіе и Армянскіе пріѣзжали на нее за нашими мѣхами; а сами Казанцы покупали привозимую изъ Россіи соль. Но и наша торговля отъ сего потерпѣла; ибо Азіатскіе товары вздорожали, и оказался недостатокъ въ соленой Астраханской рыбѣ. Народъ роптал и мно-

гіе осуждали сіе распоряженіе, казавшееся одною местью для современниковъ, кои не могли тогда предвидѣть; да и самъ Князь, конечно, не предугадывалъ, что сею мѣрою полагается основаніе богатѣйшей въ свѣтѣ ярманкѣ и центру всемірной торговли. Такъ трудно справедливо судить современникамъ о мѣрахъ Правительства.



LXVII. ИНДѢЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО КЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВАСИЛІЮ ІОАННОВИЧУ.

Одинъ изъ Тамерлановыхъ потомковъ, Ханъ Бабуръ, знаменитый основатель Имперіи Великихъ Моголовъ, будучи выгнанъ изъ Хоросана, бѣжалъ въ Индостанъ, и тамъ мужествомъ и счастіемъ утвердилъ свое владычество надъ прекраснѣйшими въ мірѣ землями. Обитая нѣкогда на берегахъ Каспійскаго моря, Бабуръ имѣлъ свѣденіе о Россіи и желалъ, не смотря на отдаленіе, быть въ дружбѣ съ ея Монархомъ, и писалъ къ нему о томъ съ своимъ чиновникомъ, Хозею Уссейномъ, предлагая, чтобъ послы и купцы свободно ѣздили изъ Индіи

въ Москву и взаимно. Великій Князь принялъ посла милостиво, отвѣчалъ Бабуру, что радъ видѣть подданныхъ его въ Россіи и не препятствуетъ своимъ ѣздить въ Индію, но, какъ сказано въ Лѣтописи, *не приказывалъ къ нему о братствѣ;* ибо не зналъ, что онъ? *Самодержецъ* или только *урядникъ* Индѣйскаго Царства?

LXVIII. ХАРАКТЕРЪ И ТРОГАТЕЛЬНАЯ КОНЧИНА ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА.

Лѣтописцы наши даютъ Василію скромное, но умилительное названіе *добраго, ласкаваго Государя.*

Сей Великій Князь, стоя между двухъ Іоанновъ III-го и IV-го, не затмѣвается ихъ славою. Не имѣя рѣдкихъ природныхъ дарованій, онъ шелъ путемъ, проложеннымъ мудростію отца; подвигался впередъ безъ блеску, безъ порывовъ страсти и достигалъ цѣли: счастья и величія Россіи. Преемнику своему не оставилъ онъ заботы поправлять ошибки. Такіе характеры,

какъ Іоанна III-го творятъ Державы; какъ Іоанна IV-го прославляютъ, но и губятъ ихъ; какъ Василія, сохраняютъ ихъ, утверждаютъ и счастливятъ. Съ наружностью благородною и величественнымъ станомъ, имѣлъ Василій лице пріятное, взоръ проницательный, но нестрогій. Изъ писемъ его къ Еленѣ видѣнъ нѣжный супругъ и отецъ, въ простыхъ изъясненіяхъ чувствительный. Василій, рожденный въ Самодержавіи еще новомъ и потому требующемъ необходимой строгости, искалъ, по добротѣ своего сердца, средины между жестокостію и слабостью. Онъ наказывалъ Вельможъ самыхъ ближнихъ и по часто и миловалъ; забывалъ вины; послѣ опалы приближалъ къ себѣ и отличалъ довѣренностію. Уважалъ и берегъ отличныя дарованія и заслуги.

Пятидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, занемогъ Василій Іоанновичь недугомъ тяжкимъ и болѣзненнымъ. Два Нѣмецкіе медика, при немъ бывшіе, Николай Люевъ и Ѳеофилъ, употребляя Русскія, того времени лѣкарства: *муку съ медомъ, печеный лукъ, мастъ, горчики и семенники*, произвели воспаленіе въ малозначившей сначала болячкѣ.—Онъ почувствовалъ себя въ опасности и велѣлъ везти изъ Волока, гдѣ былъ на охотѣ, въ Москву, въ саняхъ, шагомъ. Заѣхалъ въ Іосифову обитель, лежалъ въ церквѣ на одрѣ, и, когда Дьяконъ возсылалъ молитвы о выздоровленіи Государя, всѣ упали на колѣна и рыдали: игуменъ, бояре, народъ. Василій остановился въ Воробьевѣ, принялъ Митрополита, Епископовъ, Бояръ, воинскихъ чиновниковъ и одинъ оказывалъ твердость; вокругъ, все

рыдало. Навели мостъ на рѣкѣ, проломавъ тонкій ледъ. Едва сани Государевы взъѣхали, мостъ обломился, лошади упали въ воду; но Боярскіе Дѣти, обрѣзавъ гужи, удержали сани на рукахъ. Великій Князь запретилъ наказывать строителей. Внесенный въ Кремлевскія *постельныя* хоромы, онъ созвалъ бояръ и велѣлъ при нихъ дьякамъ своимъ писать новую духовную грамоту, уничтоживъ прежнюю. Объявилъ трехлѣтняго сына своего, Іоанна, Наслѣдникомъ Государства, подъ опекою матери и бояръ, назначивъ Удѣлъ меньшему сыну; устроилъ Державу и Церковь, и не забылъ ничего, какъ сказано въ лѣтописи. Пріобщился святыхъ таинъ съ вѣрою и слезами умиленія. Призвалъ Митрополита, братьевъ, всѣхъ бояръ, сказалъ, что поручаетъ юнаго Іоанна Богу, Пресвятой Дѣвѣ Маріи, Свя-

нымъ Угодникамъ и Митрополиту; что даетъ ему Государство, наслѣдіе великаго отца своего; что надѣется на совѣсть и честь братьевъ; что они, исполняя крестные обѣты, должны служить племяннику усердно въ дѣлахъ земскихъ и ратныхъ; да будетъ тишина въ Московской державѣ и да *высится* рука Христіанъ надъ невѣрными. Отпустивъ Митрополита и братьевъ, такъ говорилъ боярамъ: »Вѣдаете, что »державство наше идетъ отъ Великаго »Князя Кіевскаго, святаго Владиміра; что »мы природные вамъ Государи, а вы наши »*извѣчные* бояре. Служите сыну моему, какъ »мнѣ служили; блюдите крѣпко, да цар»ствуетъ надъ землею; да будетъ въ ней »правда! Не оставьте моихъ племянниковъ »Князей Бѣльскихъ; не оставьте Михаила »Глинскаго: онъ мнѣ ближній по Великой

»Княгинѣ. Стойте всѣ заедино, какъ братья, ревностные ко благу отечества! А вы, »любезные племянники, усердствуйте ва»шему юношѣ Государю въ правленіи и въ »войнахъ; а ты Князь Михаилъ, за моего »сына Іоанна и за жену мою Елену, дол»женъ охотно пролить всю кровь свою и »дать тѣло свое на раздробленіе.«

Изнемогая отчасу болѣе, Великій Князь сказалъ Нѣмцу Люеву: »Другъ и братъ! »ты добровольно пришелъ ко мнѣ изъ зем»ли своей, и видѣлъ, какъ я любилъ тебя »и жаловалъ: можешъ ли изцѣлить меня?« Врачь отвѣтствовалъ: »Государь! слышавъ »о твоей милости и ласкѣ къ добрымъ »иноземцамъ, я оставилъ отца и мать, »чтобы служить тебѣ; благодѣяній твоихъ »не могу изчислить; но, Государь! не умѣю »воскрешать мертвыхъ: я не Богъ!» Тутъ

Великій Князь, обратясь къ Дѣтямъ Боярскимъ, сказалъ съ улыбкою: »Друзья! слы»шите, что я уже не вашъ.»

Игуменъ Троицкій, Іоасафъ, приблизился къ одру болящаго.« Отче, молись за Госу»дарство, за моего сына и за бѣдную мать »его! У васъ я крестилъ Іоанна, отдалъ »Угоднику Сергію, клалъ на гробъ Святаго, »поручивъ его вамъ особенно: молитесь о »младенцѣ Государѣ!«

Василій призвалъ Думныхъ Бояръ, бесѣдовалъ съ ними нѣсколько часовъ съ твердостію, хладнокровіемъ и заботливостію о судьбѣ оставляемой имъ Державы и отношеніи разныхъ лицъ, учреждаемаго, по смерти его, Правительства. Онъ возложилъ на себя крестъ святаго Петра Митрополита и просилъ сына. Его принесли. Держа крестъ, Василій сказалъ Младенцу:

»Буди на тебѣ милость Божія и на дѣ»тяхъ твоихъ. Какъ святый Петръ бла»гословилъ нашего Прародителя, Великаго »Князя Іоанна Даніиловича, такъ имъ бла»гословляю тебя, моего сына.« Онъ просилъ няню, Боярыню Агриппину, чтобъ она берегла Державнаго своего питомца; но услышавъ голосъ супруги, велѣлъ унести сына. Елену вели подъ руки; она вопила и билась въ отчаяніи. Великій Князь утѣшалъ ее, говоря: »Мнѣ лучше, не чувствую »никакой боли:« и съ нѣжностію просилъ успокоиться. Наконецъ, устроивъ всѣ дѣла Государства и семейственныя, приказалъ онъ Великой Княгинѣ удалиться и распорядилъ все нужное для постриженія и принятія напутныхъ таинъ въ самую минуту кончины. Все исполнено. Въ полночь Москва съ ужасомъ ожидала вѣсти. Народъ

толпился на улицахъ. Вдругъ пронеслось въ Кремлѣ: *Государь скончался!* Вопль раздался отъ Дворца до Красной площади и большой колоколъ ударилъ!

LXVIX. МАКСИМЪ ГРЕКЪ.

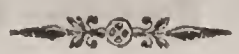
Великій Князь Василій Іоанновичь, осматривая въ самые первые дни своего царствованія богатства, родителемъ ему оставленныя, нашелъ множество Греческихъ книгъ, безъ употребленія въ пыли лежавшихъ. Онѣ собраны были отчасти древними Великими Князьями, отчасти привезены въ Москву Софіею. Не было человѣка, который бы могъ разобрать ихъ и перевести лучшія; писали въ Константинополь. Патріархъ искалъ такого *Философа* въ Болгаріи, Македоніи и Ѳессалоникѣ; но мракъ Турецкаго варварства затмилъ ученость въ областяхъ Султанскихъ. Наконецъ уз-

нали, что въ славной обители Благовѣщенія, на горѣ Афонской, есть два инока: *Савва* и *Максимъ*, богословы и искусные въ языкахъ Греческомъ и Славянскомъ. Первый по старости не могъ ѣхать въ Россію, второй согласился. Дѣйствительно, нельзя было найти человѣка способнѣйшаго для замышляемаго труда. Рожденный въ Греціи, но воспитанный въ образованной Западной Европѣ, Максимъ учился въ Парижѣ и Флоренціи, много путешествовалъ и имѣлъ свѣденія необыкновенныя, пріобрѣтенныя въ лучшихъ университетахъ и въ бесѣдѣ съ людьми просвѣщенными. Увидѣвъ нашу библіотеку, Максимъ сказалъ въ восторгѣ:» Государь! вся Греція не »имѣетъ нынѣ такого богатства, ни Ита»лія, гдѣ Латинскій фанатизмъ обратилъ »въ пепелъ многія творенія нашихъ бого-

»слововъ, спасенныя моими единоземцами »отъ варваровъ Магометовыхъ.« Великій Князь слушалъ его съ удовольствіемъ и поручилъ ему библіотеку; а ревностный Грекъ; описавъ всѣ еще неизвѣстныя Славянскому народу книги, по желанію Великаго Князя, перевелъ,—съ помощію трехъ Москвитянъ: *Власія, Димитрія, Михаила Медоварцова* и инока *Сильвана*, *Толковую Псалтырь.* Книга сія, одобренная Митрополитомъ, прославила Максима и сдѣлала его любимцемъ Великаго Князя, который не могъ съ нимъ разстаться и ежедневно бесѣдовалъ о предметахъ Вѣры. Благочестивый Грекъ не ослѣпился сею честію и убѣдительно просилъ отпуска въ тишину своей Аѳонской Обители, и говорилъ: »Да не лишимся »многолѣтныхъ тамошнихъ трудовъ и по»товъ нашихъ; ихъ же положихомъ тамо

»въ надеждѣ нашего о Господѣ скончанія«.... Но Василій отвѣтствовалъ новыми знаками благоволенія и держалъ его девять лѣтъ въ Москвѣ. Въ сіе время Максимъ переводилъ разныя книги; исправлялъ ошибки въ старыхъ переводахъ и сочинилъ болѣе ста извѣстныхъ духовныхъ твореній. Имѣя свободный доступъ къ Великому Князю, онъ ходатайствовалъ иногда за Вельможъ, лишаемыхъ Государевой милости, и, возвращая имъ оную, обратилъ на себя ненависть ихъ враговъ, въ числѣ коихъ гордый Митрополитъ Даніилъ. Они говорили: »Кто сей »человѣкъ, дерзающій искажать древнюю »святыню нашихъ Церковныхъ книгъ и снимать опалу съ Бояръ?« Одни доказывали, что онъ еретикъ; другіе увѣряли Великаго Князя, что онъ злоязычникъ, неблагодарный и тайно осуждающій дѣла Го-

сударевы. Въ то время Василій расторгъ бракъ свой съ несчастною Соломоніею. Увѣряютъ, что Максимъ дѣйствительно не хвалилъ сего противу-законнаго поступка, и мы находимъ въ твореніяхъ его: *Слово къ оставляющимъ женъ своихъ безъ вины законныя.* Вступаясь за гонимыхъ, онъ тайно принималъ ихъ у себя въ кельѣ и слушалъ, иногда, рѣчи оскорбительныя для Государя и Митрополита.— Наконецъ довели Великаго Князя до того, что онъ велѣлъ судить Максима и, обвинивъ его, заточили въ одинъ изъ Тверскихъ монастырей, какъ *уличеннаго* въ ложномъ толкованіи Святаго Писанія и Догматовъ Церкви, что, по мнѣнію современниковъ, было клевета. Онъ пробылъ 22 года въ заключеніи.



LXX. ДВОРЪ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЙ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА.

Дворъ Великаго Князя Василія Іоанновича былъ великолѣпенъ. Онъ умножилъ число сановниковъ, прибавилъ къ нимъ *Оружничаго*, *Ловчихъ*, *Крайчаго* и *Рындъ*. Крайчій былъ тоже, что нынѣ Оберъ-Шенкъ; а Рындами назывались оруженосцы, молодые знатные люди, избираемые по красотѣ и стройному стану, одѣтые въ бѣлое атласное платье и вооруженные небольшими серебряными топорами; они ходили передъ Великимъ Княземъ. Когда онъ являлся народу, стояли у трона, а въ военныхъ походахъ хранили доспѣхъ Государевъ.—Въ

Церквѣ Василій удалялъ отъ себя Царедворцевъ и стоялъ всегда одинъ у стѣны, близъ дверей, опершись на свой посохъ.— Но онъ любилъ пышность, особенно, въ пріемѣ пословъ иноземныхъ. Въ день ихъ представленія запирались всѣ лавки, останавливались всѣ работы и дѣла; граждане въ праздничномъ платьѣ спѣшили къ Кремлю и густыми толпами окружали его стѣны. Изъ окрестныхъ городовъ сзывали Дворянъ и Дѣтей Боярскихъ. Войско стояло въ ружьѣ. (Французъ да-Калло, посолъ Императора Максимиліана, говоритъ, что при его пріемѣ стояло въ ружьѣ отъ Посольскаго двора до Кремля 40 тысячь богато одѣтыхъ воиновъ). Чиновники за чиновниками, одни другихъ знатнѣе, выходили на встрѣчу къ Посламъ. Въ пріемной палатѣ, наполненной людьми, царствовало глубокое мол-

чаніе. Государь сидѣлъ на тронѣ; близь него на стѣнѣ висѣла икона; передъ нимъ, съ правой стороны, лежалъ *колпакъ;* съ лѣвой посохъ. Бояре сидѣли на скамьяхъ, въ одеждѣ усыпанной жемчугомъ, въ высокихъ, *горлатныхъ* шапкахъ, (т. е. изъ лисьихъ *горлъ* или черныхъ душекъ). Обѣды Великокняжескіе продолжались, иногда, до самой ночи. Въ большой комнатѣ накрывались столы въ нѣсколько рядовъ. Подлѣ Государя сидѣли братья и Митрополитъ; далѣе вельможи и чиновники, въ числѣ которыхъ угощались, иногда, и простые воины, отличные заслугами. Въ срединѣ, на высокомъ столѣ, блистало множество золотыхъ сосудовъ, чашъ, кубковъ и проч. Первымъ блюдомъ были всегда жареные лебеди. Разносили кубки съ Мальвазіею и другими Греческими винами. Государь, въ

знакъ милости, самъ посылалъ къ нѣкоторымъ кушанье; они вставали и кланялись ему; другіе изъ учтивства къ нимъ, тоже вставали; за что и должно было ихъ благодарить особыми поклонами. Гости свободно разговаривали другъ съ другомъ. Бесѣды, веселья благочинныя, но безъ принужденія, нравились Василію. Съ иноземцами говаривалъ онъ за обѣдомъ весьма привѣтливо; называлъ ихъ Государей великими; желалъ, чтобъ они, утружденные дальнымъ путемъ, насладились въ Москвѣ отдохновеніемъ и собрали новыя силы для пути обратнаго. Сверхъ даровъ, посламъ ежедневно отпускалось въ изобиліи все для нихъ нужное; считалось за обиду, ежели они что нибудь покупали. Приставы смотрѣли имъ въ глаза, отвѣтствуя за малѣйшее неудовольствіе сихъ гостей почтенныхъ.

LXXI. РОССІЯ ВЪ ШЕСТОМЪ-НАДЕСЯТЪ ВѢКѢ.

Извѣстно, что бракъ Іоанна Васильевича III-го съ Греческою Царевною Софіею обратилъ первое вниманіе Европы на Россію. Знатнѣйшія Государства любопытствовали узнать ее. Послы и путешественники чужестранные, являясь въ Москвѣ, внимательно наблюдали физическія и нравственныя свойства земли, обычаи Двора и народа. Записывали свои замѣчанія и издавали ихъ въ свѣтъ; почему въ половинѣ XVI-го вѣка, состояніе и самая древняя Исторія Россіи были уже извѣстны въ Германіи, Франціи и Италіи. *Каптарини*, *Павелъ*

Іовій, *Францискъ-да-Калло*, въ особенности *Герберштейнъ*, старались дать своимъ соотечественникамъ ясное понятіе о сей Державѣ, которая вдругъ явилась предъ глазами Европы съ особенными нравами, правительствомъ, политикою, съ большими силою и богатствомъ.

Всего болѣе удивляли иноземцевъ Самодержавіе Россійскаго Государя и легкость средствъ, употребляемыхъ имъ для управленія. »Скажетъ и сдѣлано,« говоритъ Герберштейнъ. »Нѣтъ противорѣчія и все »справедливо, какъ въ дѣлахъ Божества; ибо »Русскіе увѣрены, что Великій Князь есть »исполнитель воли небесной. Обыкновенное »слово ихъ: *такъ угодно Богу и Государю; »вѣдаетъ Богъ и Государь.* Усердіе сихъ »людей невѣроятно.»

Симъ-то Самодержавіемъ Россія спаслась

отъ ига варваровъ, сохранила свою Вѣру, оградила самостоятельность и сдѣлалась великою державою. Іоаннъ Великій и Василій рѣшили судьбу нашего правленія, сдѣлавъ его Самодержавнымъ и основавъ цѣлость, силу и благоденствіе Россіи на неограниченной власти ея Монарховъ. Иноземцы въ легкомысленныхъ сужденіяхъ о Самодержавіи Россійскомъ, называли его *Тираніею*, забывая, что *Тираніи* есть только злоупотребленіе всякой верховной власти, не только Самодержавной, но и всякой другой, какъ то: Аристократической и Демократической. Республики, осуждающія на смерть Сократа, на изгнаніе Аристида; взводящія на эшафотъ Карла I-го и Лудовика XVI-го, не менѣе тиранствуютъ, какъ и Султанъ Турецкій.

Войско Великокняжеское простиралось до

трехъ сотъ тысячь Боярскихъ дѣтей и шестидесяти тысячь сельскихъ ратниковъ; иностраннаго войска: Литовцевъ и Нѣмцевъ, было около двухъ тысячь. Оружіемъ были: лукъ, стрѣлы, сѣкира, кистень, длинный кинжалъ, мечь, копье. Знатнѣйшіе воины имѣли кольчуги, латы, нагрудники, шлемы. Пушки не считались весьма нужными въ полѣ. Вылитыя Италіанскими мастерами для защиты и осады городовъ, онѣ стояли неподвижно въ Кремлѣ. О тогдашней Тактикѣ Русскихъ, Герберштейнъ говоритъ: »Они въ быстрыхъ своихъ нападеніяхъ, какъ »бы говорятъ непріятелю: *бѣги, или мы* »*побѣжимъ*. Татаринъ, сверженный съ коня, »обагренный кровію, лишенный оружія, не »сдается: машетъ руками, толкаетъ ногою, »грызетъ зубами. Турокъ, видя слабость »свою, бросаетъ саблю и проситъ пощады.

»Русской не думаетъ обороняться въ бѣг»ствѣ; но никогда не попроситъ пощады. »Коли, руби его; молчитъ и падаетъ.«

При расположеніи войска станомъ, одни чиновники имѣли намёты; воины строили себѣ шалаши изъ прутьевъ, покрывали ихъ подсѣдельными войлоками, для защиты отъ дождя. Обозовъ почти не было. Все нужное возили на вьючныхъ лошадяхъ. Каждый воинъ бралъ съ собою нѣсколько фунтовъ толокна, ветчины, соли, перцу; самые чиновники, кромѣ воеводъ, не знали другой пищи. Полки имѣли музыкантовъ и трубачей.—На Великокняжескихъ знаменахъ изображался Іисусъ Навинъ, останавливающій солнце. Въ каждомъ полку особые сановники записывали имена храбрыхъ и малодушныхъ для представленія Великому Князю.—Молодые люди готовились къ военной

службѣ богатырскими играми: стрѣлали въ цѣль, скакали на коняхъ, боролись, и проч. Правосудіе мало заслуживало похвалы, по недостатку правильнаго законодательства, по мздоимству судей и суднымъ пыткамъ, отъ Татаръ заимствованнымъ. Въ Россіи ходили серебряныя и мѣдныя деньги: Московскія, Тверскія, Псковскія, Новгородскія; серебряныхъ считалось 200 въ рублѣ, который стоилъ два червонца, а мѣдныхъ *пуль* 1200 въ гривнѣ. Новгородскихъ *денегъ* было въ рублѣ только 140. На сихъ монетахъ изображался Великій Князь въ креслахъ и человѣкъ, преклоняющій предъ нимъ голову; на Псковскихъ голова въ вѣнцѣ; на Московскихъ всадникъ съ мечемъ. Золотыя деньги были иностранныя: Венгерскіе червонцы, Римскіе гульдены и Ливонскія монеты, коихъ цѣна пере-

мѣнялась. Всякой серебряникъ билъ и выпускалъ монету. Правительство смотрѣло, чтобъ сіи *денежники* не обманывали въ вѣсѣ и чистотѣ металла. Монету можно было вывозить свободно. Обыкновеннымъ торговымъ счетомъ было *сорокъ и девяносто;* говорили: *сорокъ два сорока*, или *девяноста два девяноста.* И понынѣ въ Сибири продаются соболи *сорокалми*

Мосты и дороги, по увѣренію путешественниковъ, были въ самомъ дурномъ состояніи; но исправность и скорость почты заслужили похвалу ихъ: изъ Новагорода въ Москву пріѣзжали они въ 72 часа, платя по 6-ти денегъ за 20 верстъ. Лошадей было множество на ямахъ: кто требовалъ десяти или двѣнадцати, тому приводили 40 или 50.

Въ Москвѣ, по исчисленію въ 1520 году

сдѣланному, нашли 41,500 домовъ, въ которыхъ жителей полагать можно 100 тысячь. Одинъ Кремль считался собственно городомъ; всѣ прочія части Москвы, обнесенныя рогатками, составляли предмѣстія. На крутыхъ берегахъ Яузы стояло множество мѣльницъ. — Неглинная, будучи запружена, уподоблялась озеру и наполняла водою ровъ Кремлевскій. Въ Кремлѣ жили знатнѣйшіе люди: Митрополитъ, Князья, Бояре. Гостиный дворъ былъ тамъ же гдѣ и теперь; онъ былъ обнесенъ каменною стѣною. Окрестности Москвы украшались богатыми монастырями.

О свойствахъ и обычаяхъ Русскихъ сего времени говорятъ разные иностранные писатели различно. Контарини пишетъ, что Москвитяне толпятся съ утра до обѣда на площадяхъ, на рынкахъ; а заключаютъ

день въ питейныхъ домахъ. Герберштейнъ, напротивъ, съ удивленіемъ видѣлъ ихъ работающими въ праздники. Въ будни запрещалось имъ пить; одни иноземные воины, служа Государю за деньги, имѣли право быть невоздержными въ употребленіи вина. И потому слобода за Москвою рѣкою, гдѣ они жили, называлась *Налейкали*, отъ слова *наливай*. Великій Князь, опасаясь дурнаго примѣра, не дозволялъ своимъ подданнымъ жить съ ними вмѣстѣ. У всякой рогатки на улицахъ стоялъ караулъ: никто не смѣлъ ходить ночью безъ особенно-важной причины и безъ фонаря. Замѣчали, что Россіяне не злы, не сварливы, терпѣливы; но склонны, особенно Москвитяне, къ обманамъ въ торговлѣ. Славили древнюю честность Новгородцевъ и Псковитянъ; ибо и они начали уже измѣняться

въ характерѣ. Пословица: *товаръ лицемъ продать*, служила правиломъ въ торговлѣ.

Лихоимство не считалось стыдомъ. Ростовщики обыкновенно брали 20 на 100, и еще хвалились умѣренностію, ибо въ древнія времена платили 40 на 100.

Не только бояре знатные, но и самые простые и бѣдные дворяне были спѣсивы и недоступны. Къ первымъ не смѣлъ никто въѣхать на дворъ; лошадей оставляли у воротъ. Благородные стыдились ходить пѣшкомъ и не имѣли знакомства съ мѣщанами. Они вообще вели жизнь сидячую и не понимали, какъ можно заниматься дѣлами стоя или ходя. Молодыя женщины были совершенными затворницами, боялись показаться чужимъ людямъ; рѣдко ходили въ церковь; дома шили и пряли. Имъ позволена была одна забава: качели. Самая

бѣдная женщина, готовя для себя кушанье, не могла умертвить никакого животнаго. Стояла у воротъ съ курицею или съ уткою и просила прохожихъ, чтобъ они закололи сію птицу ей на обѣдъ. Браки не всегда были счастливы; ибо не женихъ выбиралъ невѣсту, но отецъ ея себѣ зятя, и говорилъ съ отцомъ жениха. Назначали день свадьбы, а будущіе супруги и не знали еще другъ друга въ глаза. Когда женихъ желалъ видѣть невѣсту, то родители ея всегда отвѣчали: *»спроси у добрыхъ людей, какова она.«*

Спѣсивые противъ низшихъ дворяне, и богатые купцы были гостепріимны и привѣтливы между собою. Гость, входя въ комнату, шелъ прямо къ образамъ, молился, и, сказавъ нѣсколько разъ въ слухъ: *Господи помилуй*, кланялся хозяину съ при-

вѣнствіемъ: *Дай Боже тебѣ здравія!* Они цѣловались, кланялись другъ другу и чѣмъ ниже, тѣмъ лучше; переставали, и снова начинали кланяться; садились, бесѣдовали и гость, взявъ шапку, шелъ опять къ образамъ; хозяинъ провожалъ его съ крыльца, а любимаго или почетнаго и до воротъ. Потчивали пріятелей медомъ, винами иноземными: *Романеею, Мушкателемъ, Канарскимъ, Рейнскимъ*; лучшимъ считалась *Мальвазія*, употребляемая однакоже больше въ лѣкарство и за Великокняжескимъ обѣдомъ, во Дворцѣ. Роскошь обѣдовъ состояла въ изобиліи обыкновенныхъ яствъ; дорогія одежды отличали первостепенныхъ сановниковъ. Сіи наряды не подчинялись модѣ; они употреблялись бережливо, и вельможа оставлялъ свою праздичную одежду сыну. Платье боярское, дворянское, ку-

печеское, не различалось покроемъ: верхнее съ опушкою, длинное и широкое называлось *Однорядками;* другое съ воротникомъ, *Охабнями;* третіе съ пуговицами до подола, съ нашивками или безъ нашивокъ, такое же длинное съ нашивками или только съ пуговицами до пояса, *кунтышами*, *доломанами*, *кафтанами*; у каждаго были клинья, а на бокахъ прорѣхи. Полукафтанье носили съ *козыремъ,* рубахи съ вышитымъ разноцвѣтнымъ воротникомъ и съ пуговицею; сапоги сафьяные, красные съ желѣзными подковами; шапки высокія, шляпы поярковыя, черныя и бѣлыя. Мужчины стригли себѣ волосы. Домы были безъ внутренняго украшенія; самые богатые люди жили въ голыхъ стѣнахъ. Вездѣ были сѣни огромныя, а двери такъ низкія, что входящій долженъ былъ наклониться, чтобъ

не ударяться головою въ верхній косякъ.

Близь Москвы было кладбище, названное *Селомъ Скудельничимъ*; туда въ Четвертокъ, предъ Троицынымъ днемъ, сходились люди благочестивые рыть могилы для странниковъ, и пѣли панихиды для упокоенія душъ тѣхъ, коихъ имена, отечество и вѣра были имъ неизвѣстны. Тамъ погребались тѣла, находимыя въ окрестностяхъ города.

Свадьба Великаго Князя происходила слѣдующимъ образомъ:

»Державный женихъ нарядясь, сидѣлъ *въ* »*брусяной* столовой избѣ съ своимъ поѣз»домъ; а невѣста, Елена Глинская, съ же»ною Тысяцкаго, двумя свахами, боярынями »и многими знатными людьми шла изъ дому »въ среднюю палату. Передъ нею несли »двѣ брачныя свѣчи въ фонаряхъ, два коро»вая и серебряныя деньги. Въ сей палатѣ

»были сдѣланы два мѣста, одѣтыя бархатомъ и камками; на нихъ лежали два зголовья и два сорока черныхъ соболей; а »третьимъ сорокомъ надлежало опахивать »жениха и невѣсту. На столѣ, покрытомъ »скатертью, стояло блюдо съ калачами и »солью. Елена сѣла на своемъ мѣстѣ, сестра ея, Княжна Анастасія, на жениховомъ; боярыни вокругъ стола. Василій »прислалъ туда брата, Князя Юрія, который, занявъ большое мѣсто, велѣлъ звать »жениха. Государь! сказали ему: *иди съ Богомъ на дѣло*. Великій Князь вошелъ съ »Тысяцкимъ и со всѣми чиновниками, поклонился Иконамъ, свелъ Княжну Анастасію »съ своего мѣста и сѣлъ на оное. Читали »молитву. Жена Тысяцкаго гребнемъ чесала голову Василію и Еленѣ. Свѣчами *Богоявленскими зажгли брачныя*, обогнутыя

»соболями и вдѣтыя въ кольцы. Невѣстѣ »подали кику и фату. На золотой мисѣ, »въ трехъ углахъ, лежали хмѣль, соболи, »одноцвѣтные платки бархатные, аплаcные, камчатные, и пѣнязи, числомъ по »девяти, въ каждомъ углѣ. Жена Тысяцкаго »осыпала хмѣлемъ Великаго Князя и Елену, »опахиваемыхъ соболями. Дружка Государевъ, благословясь, изрѣзалъ перепечу и »сыры для всего поѣзда; а Еленинъ дружка »раздавалъ ширинки. Поѣхали въ Церковь »Успенія: Государь съ братьями и вельможами, Елена въ однихъ саняхъ съ женою »Тысяцкаго и съ двумя большими свахами; »за нею шли нѣкоторые Бояре и чиновники; »передъ нею несли свѣчи и короваи. Женихъ »стоялъ въ церквѣ на правой сторонѣ у »столпа, невѣста на лѣвой. Они шли къ »вѣнчанію по камкамъ и соболямъ. Знатнѣй-

»шая боярыня держала скляницу съ виномъ »Фряжскимъ: Митрополитъ подалъ ее Государю и Государынѣ; первый, выпивъ вино, растопталъ скляницу ногою. Когда »священный обрядъ совершился, новобрачные сѣли на двухъ красныхъ зголовьяхъ. »Митрополитъ, Князья и Бояре поздравляли ихъ; пѣвчіе пѣли многолѣтіе. Возвратились во дворецъ. Свѣчи съ коровая»ми отнесли въ спальню или въ сѣнникъ »въ кадь пшеницы. Въ четырехъ углахъ »сѣнника были воткнуты стрѣлы, лежали »калачи съ соболями, у кровати два зголовья, двѣ шапки, одѣяло кунье, шуба; на »лавкахъ стояли оловянники съ медомъ; въ »головахъ кровати Икона Рождества Христова, Богоматери и Крестъ Воздвизальный; на стѣнахъ также иконы Богоматери »со младенцемъ; надъ дверью и надъ всѣми

»окнами, внутри и снаружи, кресты. По»стелю стлали на двадцати-семи ржаныхъ »снопахъ. Великій Князь завтракалъ съ »людьми ближними; ѣздилъ верьхомъ по мо»настырямъ, и обѣдалъ со всѣмъ Дворомъ. »Князь Юрій Іоанновичь сидѣлъ опять на »большомъ мѣстѣ, а Василій рядомъ съ Еле»ною; передъ ними поставили жаренаго пѣ»туха: дружка взялъ его, обернулъ верх»нею скатертью и отнесъ въ спальню, ку»да повели и молодыхъ изъ застола. Въ »дверяхъ знатнѣйшій бояринъ выдавалъ Ве»ликую Княгиню и говорилъ рѣчь. Жена »Тысяцкаго, надѣвъ двѣ шубы, одну наизво»ротъ, вторично осыпала новобрачныхъ »хмѣлемъ; а дружки и свахи кормили ихъ »пѣтухомъ. Во всю ночь Конюшій Госуда»ревъ ѣздилъ на жеребцѣ подъ окнами спаль»ни съ обнаженнымъ мечемъ. На другой

»день супруги ходили въ мыльню и ѣли ка»шу на постелѣ.«

Языкъ Славянскій былъ въ семъ вѣкѣ въ цвѣтущемъ состояніи. Сочиненія Августина, Святаго Амвросія, Григорія, Исторія Римскихъ Императоровъ, Марка Антонія и Клеопатры были переведены на него. Чистота и воздѣланность его особенно замѣтны въ лѣтописяхъ, житіяхъ Святыхъ и проповѣдяхъ сего вѣка.

Вотъ выписка изъ двухъ словъ Златоуста сего времени, Ростовскаго Архіепископа Вассіана. Первое писано на рожденіе Царя Іоанна, а второе похвальное Великому Князю Василію.

»Кто повѣдаетъ силу Господню и всѣ »чудеса Его? Во дни наши совершилось дѣло »Небесной любви, коего примѣры видѣли »мы въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ: молит-

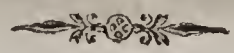
»ва отверзаетъ ложесна неплодныя! Го»сподь милостію утѣшаетъ людей своихъ »въ отчаяніи: ибо славный и великій во »Царяхъ не скудѣетъ въ Вѣрѣ, припадая »ко Всевышнему; уже вступаетъ въ шестое десятилѣтіе жизни, и еще надѣется »благословить чадо милое, вожделѣнное не »только родителю, но и всей Державѣ Христіанской: она требуетъ Пастыря для »дней будущихъ. Слышитъ Господь молитву и долго не исполняетъ, да болѣе разга»рается усердіемъ сердце Державнаго. О »диво! Монархъ оставляетъ престолъ и »величіе, идетъ съ жезломъ, какъ бѣдный »странникъ, въ обители дальнія, смиренный »видомъ и душею: се Царскія стопы его »изображаются на пескахъ дикой пустыни! »За нимъ добродѣтельная, премудрая Цари»ца, ему подобная. Оба исполнены смиренія

»и надежды; оба вѣдаютъ, что Вѣра воз-»могаетъ и надежда не посрамитъ. *И бысть!* »*лобызавлъ наслѣдника Державы!* ... Когда »бы Всевышній даровалъ Василію дщерь, и »тогда бы сердце родителя возвеселилось; »но Господь даруетъ ему сына, да веселит-»ся и блаженствуетъ съ нимъ вся Россія!—

Въ похвальномъ словѣ Василію такъ описаны дѣла и свойства его: »Сей Государь »добрѣ правилъ хоругвями отечества, твер-»до укорененнаго Богомъ, подобно вѣковому »древу; всегда благословляемый успѣхомъ, »всегда спасаемый отъ враговъ видимыхъ и »невидимыхъ, покорялъ страны мечемъ и »миромъ, а въ своей наблюдалъ правду, не »усыпая ни умомъ, ни сердцемъ; бодрство-»валъ надъ душами, питалъ въ нихъ добро-»дѣтель, гналъ злобу, да не погрязнетъ »корабль великой Державы его въ волнахъ

»беззаконія! Душа царева свѣтилась яко »зерцало, блистая въ лучахъ Божественной »премудрости. Мы знаемъ, что Государь »естествомъ тѣлеснымъ равенъ всѣмъ лю»дямъ; но властію не подобенъ ли Богу »единому? Неприступенъ во славѣ земнаго »царствія: но есть вышнее, небесное, для »коего онъ долженъ быть приступенъ и »снисходителенъ къ людямъ; тѣлу дано око, »а міру Царь, да промышляетъ о благѣ его. Царь истинный царствуетъ надъ »страстями, въ вѣнцѣ святаго цѣломудрія, »въ порфирѣ закона и правды. Таковъ былъ »Великій Князь Василій, правитель веле»умный, наказатель добродѣтельный, истин»ный кормчій, образъ благости, столпъ »твердости и терпѣнія; защитникъ Госу»дарства, отецъ вельможъ и народа, му»дрый соглагольникъ Духовенства; высокій

»житіемъ на престолѣ, смиренный сердцемъ »яко въ пещерѣ, кротокъ взоромъ, почтенъ »Божіею благостію; всѣхъ любилъ и любимъ всѣми: ближніе и дальніе припадали »къ нему, отъ Синая и Палестины, отъ »Италіи и Антіохіи, да узрятъ лице его, »да услышатъ слово. Кто опишетъ его »достоинства? Какъ Саламандръ, по сказанію Богослова, среди огня не сгараетъ; »какъ свѣтлая рѣка, именуемая Каѳосъ, »течетъ сквозь море и не теряетъ сладости водъ своихъ: такъ огнь страстей »человѣческихъ, такъ бурное житейское »море не повредило душѣ Василія: она чистою, благою воспарила отъ земли на »небо. Однимъ словомъ, сей Великій Князь »въ житіи богомудромъ уподоблялся Димитрію Іоанновичу Донскому.«



LXXII. ПРИМѢЧАТЕЛЬНАЯ ГРАМОТА НОГАЙСКАГО ХАНА МАМАЯ КЪ ІОАННУ IV СЪ ИЗЪЯВЛЕНІЕМЪ СОЖАЛѢНІЯ О КОНЧИНѢ ЕГО РОДИТЕЛЯ.

Любезный братъ! не ты и не я произвели смерть, но Адамъ и Ева. Отцы умираютъ, дѣти наслѣдуютъ ихъ достояніе. Плачу съ тобою; но покоримся необходимости.

LXXIII. ПРЕДСТАВЛЕНІЕ КАЗАНСКАГО ЦАРЯ ШИГЪ-АЛЕЯ, БЫВШАГО ВЪ ИЗГНАНІИ, МАЛОЛѢТНОМУ ІОАННУ IV.

Шестилѣтній Великій Князь сидѣлъ на тронѣ: Алей, обрадованный счастливою перемѣною судьбы своей, палъ ницъ, и, стоя на колѣнахъ, говорилъ рѣчь о благодѣяніяхъ къ нему отца Іоаннова; винился въ гордости, въ лукавствѣ, въ злыхъ умыслахъ; славилъ великодушіе Іоанна и плакалъ. На него надѣли богатую шубу. Онъ желалъ представиться и Правительницѣ. Василій Шуйскій и Конюшій Телепневъ встрѣтили Алея у саней. Государь находился у мате-

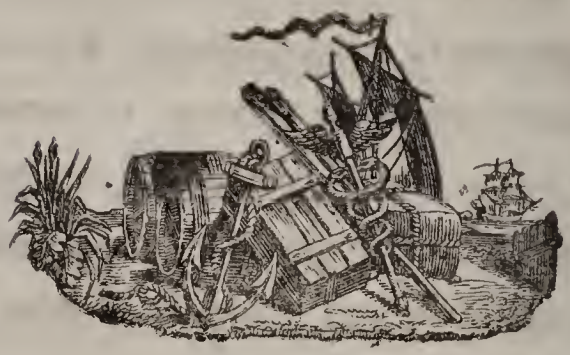
ри, въ палатѣ Святаго Лазаря. Подлѣ Елены сидѣли знатныя боярыни; далѣе съ обѣихъ сторонъ, бояре. Самъ Іоаннъ принялъ Царя въ сѣняхъ и ввелъ къ Государынѣ. Ударивъ ей челомъ въ землю, Алей снова клялъ свою неблагодарность, назывался холопомъ, завидовалъ брату своему, Енадею, умершему за Великаго Князя, и желалъ себѣ такой же участи, чтобы загладить преступленіе. Вмѣсто Елены отвѣчалъ ему сановникъ Карповъ гордо и милостиво: « Царь Шигъ-Алей! Василій Іоанновичь »возложилъ на тебя опалу: Іоаннъ и Елена »простили вину твою. Ты удостоился ви»дѣть лице ихъ! Дозволяемъ тебѣ забыть »минувшее; но помни новый обѣтъ вѣрно»сти!« Алея отпустили съ честію и съ дарами. Жена его, Фатьма-Салтанъ, встрѣченная у саней боярынями, а въ сѣняхъ са-

мою Еленою, обѣдала у нее въ палатѣ. Іоаннъ привѣтствовалъ гостью на языкѣ Татарскомъ и сидѣлъ за особеннымъ столомъ съ вельможами: Царица же съ Великою Княгинею и съ боярынями. Служили стольники и чиновники. Князь Рѣпнинъ былъ Кравчимъ Фатьмы. Елена, въ концѣ обѣда, подала ей чашу, и никогда, по сказанію лѣтописцевъ, не бывало великолѣпнѣйшей трапезы при дворѣ Московскомъ. Правительница любила пышность и не упускала случая показать, что Держава Россіи въ рукѣ ея.

LXXIV. ПРОИСХОЖДЕНІЕ КОПѢЕКЪ.

Изъ фунта серебра дѣлали прежде *пять рублей и двѣ гривны*; но корыстолюбіе изобрѣло обманъ: стали обрѣзывать и переливать деньги для подмѣси, такъ, что изъ фунта серебра выходило уже *десять рублей*. Отъ сего произошелъ безпорядокъ. Въ торговлѣ цѣны возвысились и денегъ не принимали, не свѣся и не испытавъ, или не потребовавъ клятвы, что деньги не поддѣльныя. Елена запретила всѣ старыя монеты; указала перелить и чеканить изъ фунта серебра, безъ примѣси, *шесть рублей; а поддѣльщиковъ и обрѣзчиковъ* велѣла казнить. (Имъ лили растопленное олово въ ротъ и

отсѣкали руку). Изображеніе на монетахъ осталось прежнее: Великій Князь на конѣ, но не съ мечемъ въ рукѣ, какъ дотолѣ, а съ *копіемъ;* отъ чего и стали онѣ называться *копѣйками*.



LXXV. СОСТОЯНІЕ РОССІИ ВО ВРЕМЯ ВЛАДЫЧЕСТВА И СМУТЪ БОЯРСКИХЪ.

До кончины Елены, матери Царя Іоанна Васильевича, кончины преждевременной и, какъ думаютъ современники, насильственной, Правительница замѣняла Государя. Любимецъ ея, временщикъ Князь Телепневъ, господствовалъ въ совѣтахъ и во дворцѣ; но по крайней мѣрѣ наружность законнаго правительства сохранялась. Какъ же скоро Елена скончалась, все разстроилось. Телепневъ съ сестрою своею, Боярынею Агрипиною, нянею Великаго Князя, думалъ овладѣть имъ; но съ смертью Правительницы все перемѣнилось. Бывшіе друзья его охла-

дѣли. Старѣйшій бояринъ, Василій Васильевичь Шуйскій, подозрѣваемый въ отравленіи Елены и врагъ Телепнева, преклонивъ на свою сторону многихъ бояръ и чиновниковъ, объявилъ себя Главою правленія; въ седьмый день по кончинѣ Елены, велѣлъ схватить любезнѣйшихъ Іоанну особъ: его няню и брата ея, Князя Телепнева, оковать цѣпями, заключить въ темницу, не смотря на слезы и вопль беззащитнаго, Державнаго отрока. Беззаконная и лютая казнь была участью временщика, предъ которымъ, за недѣлю до того, Князь и Бояре раболѣпствовали. Телепнева уморили голодомъ; сестру его сослали въ Каргополь и постригли. Шуйскій, пятидесяти-лѣтъ, женился на юной сестрѣ Іоанновой Анастасіи. Именемъ бояръ пытали и казнили враговъ ихъ. Сіе хищническое владычество

Шуйскаго продолжалось только шесть мѣсяцовъ, по истеченіи которыхъ онъ умеръ. Но смута Боярская симъ обстоятельствомъ не кончилась. Братъ Василія, Князь Иванъ Шуйскій, занялъ его мѣсто. Митрополитъ Даніилъ сверженъ указомъ *боярскимъ* и сосланъ въ монастырь. На его мѣсто Епископы поставили *судьбами Божественными и Великокняжескимъ* (то есть боярскимъ) *изволеніемъ*, Іоасафа, Игумена Троицкаго.

Посреди сего буйства Боярскаго самоволія, правительства не было и Россія страдала. Главный вельможа, Князь Иванъ Шуйскій, не имѣя ни ума государственнаго, ни совѣсти, и будучи только грубымъ гордецомъ, искалъ помощниковъ, не терпѣлъ никакого совмѣстничества, тиранствовалъ въ Думѣ и во Дворцѣ, величаясь нахально

какъ спѣсивый и малодумный рабъ-господинъ; на примѣръ, никогда не стоялъ передъ юнымъ Государемъ, садился у него въ спальнѣ, опирался локтемъ на его кровать, клалъ ноги на его кресла. Его упрекали въ семъ гнусномъ хищничествѣ; писали, что онъ, раскравъ казну, наковалъ себѣ изъ ея золота множество сосудовъ и велѣлъ вырѣзать на нихъ имена своихъ предковъ. Ближніе, клевреты и угодники его, занимая во всѣхъ областяхъ нажиточныя мѣста и должности, грабили безъ милосердія. Современники говорятъ, что они *свирѣпствовали какъ львы.* Не только угнетали земледѣльцевъ и гражданъ беззаконными налогами; но вымышляли преступленія, ободряли ложныхъ доносителей, и даже въ святыхъ обителяхъ искали добычи съ лютостію Могольскихъ хищниковъ; жители *при-*

городовъ не смѣли ѣздить во Псковъ, какъ въ вертепъ разбойниковъ; люди бѣжали за границу, торжища и монастыри опустѣли. Къ симъ внутреннимъ ужасамъ присоединялись набѣги внѣшнихъ разбойниковъ. Мы были, говорятъ лѣтописцы, жертвою и посмѣшищемъ невѣрныхъ. Ханъ Крымскій давалъ намъ законы; Царь Казанскій обманывалъ насъ и грабилъ. Бояре не смѣли отвѣтствовать Саипъ-Гирею на его угрозы; спѣшили отправить въ Тавриду знатнаго посла и купить вѣроломный союзъ варвара обязательствомъ не воевать Казани. Царь Казанскій требовалъ отъ насъ дани. Казанцы опустошали наши области, жгли и оскверняли храмы и монастыри; а правители Государства, раболѣпствуя Хану Крымскому, не смѣли защищаться.

Наконецъ Митрополитъ съ сильною пар-

тіею бояръ свергнулъ Шуйскаго, и освободилъ изъ темницы, именемъ Государя, Князя Ивана Бѣльскаго, котораго и посадили въ Думу. Добрая сторона взяла верьхъ. Прекратились опалы и гоненія. Злоупотребленія власти остановлены, худые намѣстники смѣнены и правительство приняло ходъ правильный и законный.

LXXVI. ВЕЛИЧІЕ ДЕСЯТИЛѢТНЯГО ІОАННА IV.

Когда пришли достовѣрныя извѣстія, что Ханъ Крымскій, Саипъ-Гирей, путеводимый предателемъ отечества, Княземъ Симеономъ Бѣльскимъ, двинулся со всею Ордою къ предѣламъ Россіи; что съ нимъ идетъ дружина Султанова съ огнестрѣльнымъ снарядомъ, и толпы Ногайцевъ; что люди, посланные въ степи, видѣли тамъ слѣды войска, тысячь ста или болѣе; тогда Князь Дмитрій Бѣльскій, въ санѣ Главнаго Воеводы, прибылъ въ Коломну и вывелъ рать въ поле. Наши смѣлые лазутчики встрѣтили Хана близь Дона; они смотрѣли

на полки его и не видали имъ конца въ степяхъ открытыхъ. Уже онъ перешелъ Донъ, приступалъ къ Зарайску и не могъ взять крѣпости, отраженный славнымъ мужествомъ воеводы Назара Глѣбова.

Между тѣмъ, какъ полки наши располагались станомъ близь Оки, Москва умилялась зрѣлищемъ дѣйствительно трогательнымъ: десятилѣтній Государь съ братомъ своимъ Юріемъ молился Всевышнему въ Успенскомъ Соборѣ, предъ иконою Владимірскія Божія Матери и ракою святаго Петра Митрополита, о спасеніи отечества; плакалъ и въ слухъ народа говорилъ: »Боже! Ты защитилъ моего прадѣда въ нашествіе лютаго Темиръ Аксака: защити »и насъ юныхъ, сирыхъ! Не имѣемъ ни »отца, ни матери, ни силы въ десницѣ; а »Государство требуетъ отъ насъ спасенія!«

Онъ повелъ Митрополита въ Думу, гдѣ сидѣли бояре и сказалъ имъ: »Врагъ идетъ, »рѣшите здѣсь ли мнѣ быть или удалиться?« Бояре разсуждали тихо и спокойно. Одни говорили, что Великіе Князья, въ случаѣ непріятельскихъ нападеній, никогда не заключались въ Москвѣ. Другіе такъ отвѣтствовали:» Когда Едигей шелъ къ Столицѣ, »Василій Димитріевичь удалился, чтобы со»бирать войско въ областяхъ Россійскихъ, »но въ Москвѣ оставилъ Князя Владиміра »Андрѣевича и своихъ братьевъ. Нынѣ Го»сударь у насъ отрокъ; а братъ у него »еще малолѣтнѣе: дѣтямъ ли скакать изъ »мѣста въ мѣсто и выставлять полки? Не »скорѣе ли впадутъ въ руки невѣрныхъ, »которые, безъ сомнѣнія, разсѣются и по »другимъ областямъ, ежели достигнутъ »Москвы?«

Митрополитъ согласился съ послѣдними и говорилъ: Гдѣ искать безопасности Великому Князю? Новгородъ и Псковъ смежны съ Литвою и съ Нѣмцами; Кострома, »Ярославль и Галичь подвержены набѣгамъ »Казанцевъ; и на кого оставить Москву, »гдѣ лежатъ Святые Угодники? Димитрій »Іоанновичь оставилъ ее безъ воеводы »сильнаго: чтоже случилось? Господь да сохранитъ насъ отъ такого бѣдствія! Нѣтъ »нужды собирать войско: одно стоитъ на »берегахъ Оки, другое во Владимірѣ съ Царемъ Шигъ-Агіемъ и защитятъ Москву. »Имѣемъ силу, имѣемъ Бога и Святыхъ, »коимъ отецъ Іоанновъ поручилъ возлюбленнаго сына: не унывайте!« Всѣ Бояре единодушно сказали:» Государь! останься въ Москвѣ.« И Великій Князь далъ повелѣніе Градскимъ приказчикамъ готовиться къ

осадѣ. Всѣ клялись умереть за Іоанна, стоять твердо за святые храмы и домы свои. Людей росписали на дружины для защиты стѣнъ, воротъ и башенъ; вездѣ разставили пушки; укрѣпили посады падолбами. Тоже было и въ войскѣ. Полководцы обыкновенно занимались въ то время *мѣстничествомъ*. По юности Іоанновой безстрашіе довело зло сіе до крайности. Прѣнія и вражда господствовали въ станѣ. Іоаннъ написалъ письмо къ Димитрію Бѣльскому и знаменитымъ его сподвижникамъ.» Ока да будетъ неодолимою преградою для Хана,« говорилъ онъ имъ:» а естьли не удержитъ »врага, то заградите ему путь къ Москвѣ »своею грудью. Сразитесь крѣпко, во имя »Бога Всемогущаго! обѣщаю любовь и милость не только вамъ, но и дѣтямъ вашимъ. »Кто падетъ въ битвѣ, того имя велю

»вписать въ книги *животныя*, (т. е. для »поминовенія въ Церквахъ:), того жена и »дѣти будутъ моими ближними.« Грамота сія произвела желаемое дѣйствіе.» Такъ!« говорили Воеводы:» Забудемъ вражду и »самихъ себя; вспомнимъ милость Великаго »Князя Василія; прослужимъ Іоанну, коего »слабая рука еще не владѣетъ оружіемъ; »послужимъ *малому*, да отъ *великаго* честь »пріимемъ. Естьли исполнится наше рев»ностное желаніе, естьли побѣдимъ; то не »въ одной Русской, но и въ чуждыхъ, отда»ленныхъ земляхъ прославимся. Мы не без»смертны: умремъ же за отечество! Богъ »и Государь не забудутъ насъ.« И сіи дотолѣ сварливые и враждующіе воеводы плакали, обнимали другъ друга въ восторгѣ великодушія; назывались братьями, клялися вмѣстѣ побѣдить или оставить кости

свои на берегу Оки. Они вышли изъ шатра, читали войску письмо Іоанново, говорили рѣчи сильныя и трогательныя, и дѣйствіе было чрезвычайно: Воины кричали: »Хотимъ, »хотимъ пить смертную чашу съ Татара»ми, за Государя юнаго! Когда вы, отцы »наши, согласны между собою, идемъ съ ра»достію на враговъ невѣрныхъ.« И всѣ полки многочисленные, строиные и добрые двинулись.

Уже Ханъ пришелъ къ Окѣ и стоитъ на высотахъ; на противуположномъ берегу расположена передовая дружина наша. Татары, думая, что у насъ нѣтъ болѣе войска, спустили плоты на рѣку и хотѣли переправиться; а Турки стрѣляли изъ пушекъ, чтобы отбить Россіянъ, которые, дѣйствуя однѣми стрѣлами, сперва было дрогнули и замѣшались... Но пристѣли Во-

еводы съ полками: Россіяне стали твердо. Князь Кубенскій, Иванъ Шуйскій и самъ Бѣльскій наставили на берегу знамена свои. Съ правой и лѣвой стороны еще шли войска; вдали показалась многочисленная запасная стража. Ханъ ужаснулся и съ гнѣвомъ сказалъ измѣннику Симеону Бѣльскому и вельможамъ:» Вы обманули меня, увѣривъ, »что Россія не въ силахъ воевать въ одно »время съ Казанью и со мною. Какое войско; ни я ни опытные старцы мои не видали подобнаго!« Пораженный страхомъ, онъ хотѣлъ бѣжать: Мурзы удержали его. Съ обѣихъ сторонъ полетѣли ядра, пули и стрѣлы; ввечеру Татары отступили къ высотамъ, а Россіяне, одушевленные новымъ мужествомъ, кричали имъ:» Идите сюда, мы васъ ожидаемъ!«

Наступала ночь. Воеводы Іоанновы, по

словамъ лѣтописцевъ, *пировали духомъ*, готовясь къ рѣшительной битвѣ слѣдующаго дня. Не было ни страха, ни сомнѣнія; никто не хотѣлъ и отдыха; стукъ оружія и шумъ не умолкали въ станѣ; приходили новыя дружины, одна за другою, съ тяжелымъ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Ханъ непрестанно слышалъ радостные клики нашего войска; видѣлъ при свѣтѣ огней, какъ раставлялись пушки на высотахъ берега и не дождался утра: терзаемый страхомъ, злобою и стыдомъ ускакалъ въ телегѣ. Войско его, истребивъ часть обоза и оставивъ другую съ нѣсколькими пушками Султана намъ въ добычу, побѣжало въ слѣдъ за Ханомъ.—Главный Воевода Бѣльскій послалъ вмѣстѣ и радостную вѣсть сію къ Государю, и погоню за Ханомъ. Плѣнные извѣстили, что Саипъ — Гирей

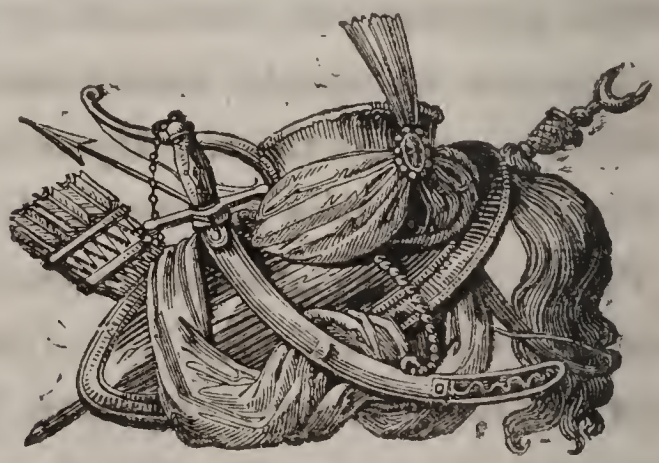
идетъ къ Пронску. Хвалившись стать на Воробьевыхъ горахъ и раззорить области Московскія, онъ хотѣлъ уменьшить стыдъ своего побѣга взятіемъ сей маловажной крѣпости, подобно Тамерлану, не завоевавшему въ Россіи ничего, кромѣ Ельца. Тогда Главный Воевода отрядилъ новые полки для скорѣйшаго изгнанія Хана изъ Россіи.

Между тѣмъ онъ обложилъ уже Пронскъ, гдѣ начальствовалъ Василій Жулебинъ съ малымъ числомъ людей, но съ большою смѣлостію: онъ пушками, кольями и каменьями отразилъ непріятеля. Мурзы хотѣли говорить съ нимъ: Жулебинъ взошелъ на стѣну.» Сдайся,« сказали они:» Царь обѣ»щаетъ тебѣ милость, или будетъ стоять »здѣсь, пока возьметъ городъ.« Витязь от»вѣтствовалъ: Божіею волею ставится »градъ и никто не возьметъ его безъ воли

»Божіей. Пусть Царь стоитъ; скоро уви»дитъ Воеводъ Московскихъ.« Ханъ велѣлъ готовить туры для приступа; а Жулебинъ вооружилъ не только всѣхъ гражданъ, но и женщинъ. Груды камней и кольевъ лежали на стѣнахъ. Кипѣли котлы съ водою; у заряженныхъ пушекъ курились фитили. Осажденные получили вѣсть, что Московскія дружины уже близко. Клики радости раздались въ городѣ. Ханъ услышавъ, сжегъ туры и побѣжалъ отъ Пронска, гонимый нашими воеводами до самаго Дона.

Вся Россія торжествовала сіе счастливое изгнаніе страшнаго врага ея. Славили Государя и Полководцевъ. Юность Іоаннова, трогательная во дни страха и смятеній, придавала торжеству народному особенную прелесть, когда Державный отрокъ сей въ храмѣ Божіемъ благодарилъ

Подателя побѣдъ за спасеніе Россіи; когда именемъ благодарнаго отечества изъявлялъ онъ признательность Воеводамъ и, когда они, растроганные его милостію, въ слезахъ радости отвѣчали ему: »Государь! »мы побѣдили твоими ангельскими молит»вами и твоимъ счастіемъ.



LXXVII. ПОСЛѢДНЯЯ СМУТА БОЯРСКАЯ, ВЪ МАЛОЛѢТСТВО ЦАРЯ ІОАННА IV И ПОГИБЕЛЬ ДОБРОДѢТЕЛЬНАГО КНЯЗЯ ИВАНА БѢЛЬСКАГО.

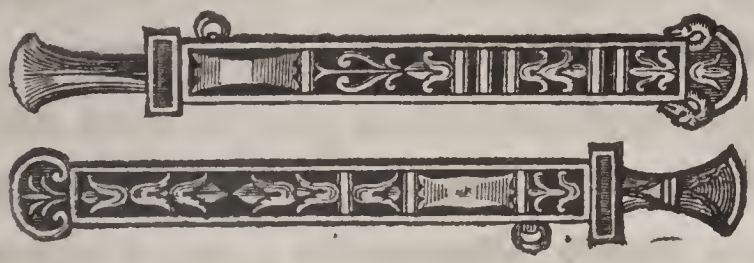
Князь Иванъ Бѣльскій, будучи душею Правительства, стоялъ на высшей степени могущества. опираясь на личную милость Державнаго отрока, уже зрѣющаго умомъ, на ближнее съ нимъ родство, на успѣхи оружія, на дѣла добродѣтельныя и всѣмъ извѣстную справедливость. Совѣсть его была спокойна, народъ доволенъ; но въ тайнѣ кипѣла и коварствовала злоба, всегда неусыпная, но при Дворахъ особенно дѣятельная.

Извѣстно, что Князь Иванъ Бѣльскій, освобожденный Митрополитомъ и Боярами, свергнувшими Шуйскаго, могъ заключить его въ ту самую темницу, гдѣ самъ содержался, и даже казнить за преступленія явныя; но въ свойственномъ благороднымъ душамъ великодушіи, онъ презрѣлъ злобу безсильную и, отдавая справедливость раннымъ способностямъ врага своего, далъ ему воеводство. Шуйскій, напротивъ, въ злобномъ чувствѣ изверга, думалъ объ одной мести. Знаменитые бояре вошли въ его виды. Рѣшено погубить Бѣльскаго и Митрополита, связанныхъ дружбою, благочестіемъ, усердіемъ къ Царю и отечеству. Не было никакого къ тому предлога; но дѣло было не въ томъ, чтобъ показать свою правость, а единственно силу. Множество дворянъ и дѣтей боярскихъ не

только въ Москвѣ, но и въ разныхъ областяхъ, вошли въ заговоръ. Шуйскій, находясь въ Владимірѣ съ войскомъ, назначеннымъ противъ Казани, умножилъ въ немъ число своихъ единомышленниковъ и, взявъ съ нихъ присягу въ вѣрности, далъ знать въ Москву своимъ клевретамъ, что время дѣйствовать; и въ тоже время отправилъ къ нимъ, съ сыномъ своимъ, триста надежныхъ всадниковъ. Ночью сдѣлалась ужасная въ Кремлѣ тревога; заговорщики схватили Князя Бѣльскаго и посадили въ тюрьму, также и вѣрныхъ друзей его: Князя Щенятева и знатнаго сановника Хабарова: перваго извлекли изъ самой комнаты Государевой. Окружили кельи Митрополита, бросали каменьями въ окна и едва не умертвили сего святителя. Митрополитъ искалъ убѣжища во дворцѣ и въ присутствіи

Іоанна; но Государь, пробужденный дикимъ воплемъ мятежниковъ, самъ трепеталъ отъ ужаса. Бояре взошли съ шумомъ въ его комнату, взяли Митрополита и отправили въ ссылку на Бѣлоозеро. Велѣли придворнымъ священникамъ, за три часа до свѣта, пѣть утреню; кричали, торжествовали бунтъ, какъ бы славнѣйшую побѣду. Никто въ сію ужасную ночь не смыкалъ глазъ въ Москвѣ. На разсвѣтѣ прискакалъ Шуйскій, и снова сдѣлался главою бояръ. Князя Ивана Бѣльскаго и двухъ друзей его послали въ заточеніе. Казалось, что все успокоилось; но Шуйскій не былъ покоенъ. Страшна злодѣю изгнанная добродѣтель, любовь и почтеніе къ ней. Онъ велѣлъ убить Бѣльскаго. Три злодѣя умертвили въ темницѣ вельможу благодушнаго, воина мужественнаго, Христіанина просвѣщеннаго и истиннаго.

Россіи осталась одна надежда: что власть злодѣя и хищника не продолжится Дума осталась по прежнему. Митрополитъ нареченъ новый. Всѣ прежнія насилія и неистовства возобновились. Льгота и права, данныя областнымъ жителямъ, въ благословимое правительство Бѣльскаго, уничтожились происками Намѣстниковъ. Россія опять сдѣлалась добычею клевретовъ, ближнихъ и слугъ Шуйскаго. Но Іоаннъ возрасталъ!



LXXVIII. ПРАВИТЕЛЬСТВО БОЯРЪ ВЪ МАЛОЛѢТСТВО ІОАННА IV.

Не долго Князь Иванъ Васильевичь Шуйскій лично пользовался властью, приобрѣтенною бунтомъ и злодѣяніями. Болѣзнь заставила его оставить Дворъ. Онъ жилъ еще, послѣ сего, года два или три, не участвуя въ правленіи; но сдавъ его своимъ ближнимъ родственникамъ, которые, не имѣя ни великодушія, ни ума, хотѣли только господствовать, не думая ни о благодарности юнаго Вѣнценосца, ни о счастіи отечества. Единственное попеченіе ихъ было о томъ только, чтобъ не встрѣчать противодѣйствія въ Думѣ и не допу-

скать до Государя никого, кромѣ своихъ единомышленниковъ. Они почитали опасными всѣхъ людей смѣлыхъ, умныхъ и добродѣтельныхъ. Но Іоаннъ, приходя въ возрастъ, уже чувствовалъ тягость опеки сихъ недостойныхъ и низкихъ правителей. Онъ склонился къ ихъ тайнымъ или явнымъ недоброхотамъ, въ числѣ коихъ былъ совѣтникъ Думы Ѳеодоръ Семеновичь Воронцовъ. Правители желали, но не могли удалить его; злобствовали и, видя возрастающую къ нему любовь Іоаннову, рѣшились на насиліе: во Дворцѣ, въ торжественномъ засѣданіи Думы, въ присутствіи Государя и Митрополита, Шуйскіе, съ своими единомышленниками, послѣ шумнаго прѣнія о взведенныхъ винахъ на сего любимца Іоаннова, вскочили какъ неистовые, извлекли Воронцова въ другую комнату, мучили, хо-

тѣли умертвить. Юный Государь, въ отчаяніи, просилъ Митрополита спасти несчастнаго: Первосвятитель и бояре Морозовы просили о томъ, именемъ Государя, и Шуйскіе, какъ бы изъ милости, согласились оставить Воронцова живымъ; но били, толкали его, вывели на площадь и заперли въ тюрьму.

Іоаннъ вторично отправилъ къ нимъ Митрополита и бояръ просить, чтобъ они послали Воронцова на службу въ Коломну, *ежели не лѣзя ему оставаться при Дворѣ и въ Москвѣ*. Шуйскіе не согласились: Государь долженъ былъ утвердить ихъ приговоръ, и Воронцова съ сыномъ отвезли въ Кострому.

Лѣтописецъ, изображая буйную наглость вельможъ сего времени, сказываетъ, что одинъ изъ ихъ клевретовъ, Ѳома Головинъ

въ спорѣ съ Митрополитомъ, наступивъ на его мантію, изорвалъ ее, въ знакъ презрѣнія.

Таковы были крайности беззаконнаго самовластія и грубость необузданныхъ страстей похитителей власти беззащитнаго, сиротствующаго Государя.

LXXIX. ВОСПИТАНІЕ ІОАННА IV.

Ежели неистовства боярскихъ смутъ и ихъ правительства во время малолѣтства Іоаннова могутъ ослабить упрекъ потомства въ злополучіяхъ его царствованія, то безъ сомнѣнія дурное его воспитаніе можетъ отчасти извинить ихъ.

Іоанну было 13 лѣтъ. Рожденный съ душею пылкою, съ рѣдкимъ умомъ и необыкновенною силою воли, онъ имѣлъ бы всѣ свойства великаго Монарха, ежели бы воспитаніе не обратило ихъ на зло; но рано лишившійся отца и матери, и преданный въ волю вельможъ невоспитанныхъ, ослѣпленныхъ безразсуднымъ властолюбіемъ,

онъ сидѣлъ на Престолѣ несчастнѣйшимъ сиротою Державства; ибо не только для себя, но и для милліоновъ готовилъ несчастіе безпримѣрное. Одинъ Князь Иванъ Бѣльскій могъ быть наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для юнаго Государя; но Шуйскіе, отнявъ сего достойнаго Россіянина у Государя и у Государства, старались привязать къ себѣ Іоанна погубнымъ исполненіемъ всѣхъ его желаній: непрестанно забавляли, тѣшили во дворцѣ шумными играми, въ полѣ звѣриною ловлею; питали въ немъ врожденную наклонность къ сластолюбію и даже къ жестокости. Любя охоту, онъ любилъ не только убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца; а бояре говорили: »*Пусть Державный веселится!*« не помышляя, безъ сомнѣнія, о тѣхъ кро-

вавыхъ пирахъ, кои сею звѣрскою забавою приготовляли. Они ожесточали сердце, смѣялись надъ слезами Іоанна о Князѣ Телепневѣ, Бѣльскомъ, Воронцовѣ, въ надеждѣ загладить свои злодѣянія подлымъ угожденіемъ его вреднымъ прихотямъ; въ надеждѣ на вѣтренность отрока, развлекаемаго ежеминутными забавами. Сія безумная система обрушилась на главу ея виновниковъ. Шуйскіе хотѣли, чтобы Великій Князь помнилъ ихъ угожденія и забылъ досады; но онъ помнилъ однѣ досады и забывалъ угожденія; ибо уже чувствовалъ, что власть принадлежитъ не имъ, а ему. Такъ Государственныя злодѣянія сами себѣ казнь приготовляютъ.

LXXX. ИСПРОВЕРЖЕНІЕ ПОХИЩЕННАГО БОЯРАМИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ТРИНАДЦАТИЛѢТНИМЪ ІОАННОМЪ IV.

Каждый день умножалъ въ Кремлевскомъ Дворцѣ козни, опасность и число враговъ господствовавшихъ бояръ. Князья Глинскіе, дяди Государевы, мстительные и честолюбивые, не смотря на дѣятельность Шуйскихъ, внушали 13-ти лѣтнему племяннику своему, глубоко оскорбленному ссылкою Воронцова, что пора ему объявить себя настоящимъ Самодержцемъ и свергнуть хищниковъ власти, которые, угнетая народъ, тиранятъ бояръ, ругаясь надъ самимъ Государемъ, угрожая смертью всякому, кого

онъ любитъ; что ему стоитъ только осмѣлиться повелѣть; а что вся Россія ждетъ его слова. Митрополитъ, оставя сторону Шуйскихъ, тоже совѣтовалъ Іоанну. Важный замыселъ сей былъ сокрытъ въ непроницаемой тайнѣ. Дворъ казался совершенно спокойнымъ. Государь, по обыкновенію, ѣздилъ въ святую Троицкую Лавру и на охоту въ Волокъ-Ламскій съ знатнѣйшими сановниками; весело праздновалъ Рождество въ Москвѣ и, вдругъ созвавъ бояръ, въ первый разъ явился повелительнымъ и грознымъ; объявилъ, что они, употребляя во зло юность его, беззаконничаютъ, самовольно убиваютъ людей, грабятъ земли; что многіе изъ нихъ виновны, но что онъ казнитъ виновнѣйшаго: Князя Андрея Шуйскаго. Его взяли и предали въ жертву псарямъ, которые, на улицѣ истерзавъ,

умертвили сего знатнѣйшаго вельможу. Шуйскіе и друзья ихъ безмолвствовали; народъ изъявилъ радость. Сія беззаконная казнь, именемъ Государя произведенная, доказывала только то, что насилія и жестокость Глинскихъ смѣнили жестокость и насилія Шуйскихъ; но что юный Іоаннъ еще не властвовалъ самъ собою.

LXXXI. ЦАРЬ ІОАННЪ IV ЗАКОНОДАТЕЛЬ.

Желая во всемъ послѣдовать примѣру Великаго Іоанна III-го, Царь Іоаннъ Васильевичь, въ цвѣтущей юности, занялся однимъ изъ самоважнѣйшихъ дѣлъ Государственныхъ—*законодательствомъ*. Окруженный боярами и многими мужами свѣдущими въ искусствѣ гражданскомъ, онъ предложилъ имъ разсмотрѣть и дополнить Уложеніе Іоанна III-го, согласно съ новыми опытами и потребностями Россіи, распространившими кругъ гражданской ея дѣятельности. Составился *Судебникъ* или *вторая Русская Правда*, вторая полная система древнихъ нашихъ законовъ. Іоаннъ и добрые его со-

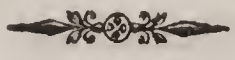
вѣтники искали въ трудѣ своемъ не блеска, не тщетной славы, а вѣрной, явной пользы—справедливости: Они дѣйствовали не воображеніемъ, не обгоняли настоящаго положенія вещей, теряясь мысленно въ возможностяхъ будущаго; но смотрѣли вокругъ себя и, не измѣняя главной, древней основы отечественнаго законодательства, все оставили какъ было, и чѣмъ народъ былъ доволенъ; устраняли только причину извѣстныхъ жалобъ, искали лучшаго, но не мечтательнаго совершенства:—и безъ учености, безъ ѳеорій, не зная ничего кромѣ Россіи, но зная хорошо Россію, написали книгу полезную, которая будетъ всегда любопытною, доколѣ стоитъ наше отечество; ибо она есть зерцало нравовъ и понятій своего вѣка.

Одобривъ Судебникъ, Іоаннъ назначилъ

быть въ Москвѣ *Собору слугъ Божіихъ*, и дворецъ Кремлевскій наполнился знаменитѣйшими мужами Русскаго царства, духовными и мірскими. Митрополитъ, девять святителей, всѣ архимандриты, игумены, бояре, сановники первостепенные, сидѣли въ молчаніи, устремивъ взоры на Царя-юношу, который съ силою ума и краснорѣчія говорилъ имъ о возвышеніи или паденіи царствъ отъ мудрости или буйства властей, отъ добрыхъ или злыхъ нравовъ народа; описалъ претерпѣнное *вдовствующею* Россіею, во дни его сиротства и юности, сперва невинной, а потомъ развратной; упомянулъ о слезной кончинѣ людей своихъ, о безпорядкахъ вельможъ, коихъ худые примѣры испортили его сердце; но повторилъ, что все минувшее предано имъ забвенію. Тутъ Іоаннъ, изобразивъ бѣдствіе

Москвы, обращенной въ пепелъ, и мятежъ народа, »тогда,« сказалъ, »ужаснулась ду»ша моя и кости во мнѣ затрепетали; »духъ мой смирился и сердце умилилось. Те»перь ненавижу зло и люблю добродѣтель. »Отъ васъ требую ревностнаго наставле»нія, Пастыри Христіанъ, учители Царей »и Вельможъ, достойные Святители церкви! »Не щадите меня въ преступленіяхъ, смѣло »упрекайте въ слабости; гремите Словомъ »Божіимъ, да жива будетъ душа моя.«

Далѣе, изъяснивъ свое благодѣтельное намѣреніе устроить счастіе Россіи всѣми данными ему отъ Бога способами и, доказавъ необходимость исправленія законовъ, Царь предложилъ *Судебникъ* на разсмотрѣніе. Соборъ утвердилъ всѣ новыя, мудрыя постановленія Іоанновы.

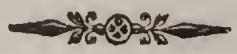


LXXXII. НАЧАЛО ДОНСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

Въ царствованіе Царя Іоанна IV, между Азовскимъ и Каспійскимъ морями явилась новая воинственная Республика, составленная изъ людей, говорящихъ нашимъ языкомъ, исповѣдующихъ нашу вѣру; а въ наружномъ видѣ представляющихъ смѣсь Европейскихъ съ Азіятскими чертами, людей неутомимыхъ въ ратномъ дѣлѣ, природныхъ конниковъ и наѣздниковъ—славныхъ Донскихъ Козаковъ, выступившихъ тогда на зрѣлище Исторіи.—Нѣтъ сомнѣнія, что они же прежде назывались Азовскими, которые въ теченіи XV вѣка ужасали путешественниковъ въ пустыняхъ Харьковскихъ, Воронежскихъ и въ окрестностяхъ Дона; грабили Московскихъ купцевъ, на до-

рогѣ въ Азовъ и въ Кафу; хватали людей, посылаемыхъ нашими воеводами въ степи, для развѣданія о Ногаяхъ или Крымцахъ, и безпокоили своими набѣгами Украйну. Ихъ почитали тогда Россійскими бѣглецами, которые искали дикой вольности и добычи въ опустѣвшихъ улусахъ Орды Батыевой, въ мѣстахъ ненаселенныхъ, но плодоносныхъ, гдѣ Волга сближается съ Дономъ и гдѣ издавна былъ торговый путь изъ Азіи въ сѣверную Европу; утвердились въ нынѣшней своей области; взяли городъ Ахасъ, назвали его, какъ думаютъ (Карам. т. VIII. стр. 138) Черкаскимъ, или Козачьимъ (ибо то и другое имя значило одно); доставали себѣ женъ, какъ вѣроятно, изъ земли Черкесской, и могли сими браками сообщить дѣтямъ своимъ нѣчто Азіятское въ наружности. Отецъ Іоанновъ жаловался на нихъ

Султану, какъ Государю Азовской земли; но Козаки гнушались зависимостію отъ Царства Магометанскаго и признали надъ собою верховную власть Россіи. Въ 1540 году начальникъ ихъ, *Сарычазманъ*, именуясь подданнымъ Іоанна, строилъ крѣпости на Дону; Козаки завладѣли сею рѣкою до самаго устья, требовали дани съ Азова, воевали Ногаевъ, Астрахань, Тавриду; не щадили и Турковъ; обязывались служить вдали бдительною стражею Россіи, своего древняго отечества и, водрузивъ знаменіе креста на предѣлахъ Оттоманской Имперіи, поставили грань Іоанновой Державы въ виду у Султана, который, дотолѣ мало занимаясь нами, открылъ глаза, увидѣлъ опасность и сдѣлался дѣятельнымъ покровителемъ всѣхъ сѣверныхъ Магометанскихъ владѣній.



LXXXIII. СИЛЬВЕСТРЪ ИЛИ ЧУДНОЕ ИСПРАВЛЕНІЕ ІОАННА ГРОЗНАГО.

Ужаснѣйшій пожаръ, который когда либо видѣли, раздуваемый сильною бурей и усиленный взрывами пороховыхъ запасовъ, въ 1547 году превратилъ всю Москву въ огромный пылающій костеръ. —Между тѣмъ какъ люди злонамѣренные возбудили чернь къ мятежу и убійствамъ, Царь Іоаннъ удалился въ село Воробьево и трепеталъ отъ ужаса. Въ сіе страшное время какой-то удивительный мужъ, Іерей Сильвестръ, родомъ изъ Новагорода, подходитъ къ Іоанну, съ подъятымъ и грозящимъ перстомъ, съ видомъ вдохновеннаго пророка, и возвѣщаетъ

ему, что судъ Божій гремитъ надъ главою Царя злострастнаго; что Москву истребилъ огнь небесный и народъ волнуетъ сила вышняя. Онъ раскрылъ Іоанну Уставы Вседержителя сонму Царей земныхъ, и убѣдительно заклиналъ его ревностно исполнять ихъ. Грозный, заливаясь слезами раскаянія, просилъ вдохновеннаго наставника помочь ему быть добродѣтельнымъ. Смиренный Іерей, отказавъ почести и богатства, сталъ у трона, какъ Ангелъ-хранитель, войдя въ тѣсный союзъ съ однимъ изъ любимцевъ Іоанновымъ, добродѣтельнымъ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Адашевымъ. Сильвестръ былъ совѣтникомъ добрыхъ дѣлъ, а Адашевъ исполнителемъ. И все утихло; видимое благословеніе Божіе осѣнило новую эпоху Іоаннова царствованія. Ласкатели и шуты умолкли; онѣмѣла кле-

вета и злоба; одинъ голосъ истины оглашалъ свободно и палаты Царскія и совѣты Іоанна. — Мудрая умѣренность, духъ кротости и мира ознаменовали всѣ дѣла правленія.—Іоанну было тогда 22 года и счастливая его перемѣна продолжалась только до кончини добродѣтельной его супруги, Анастасіи, восемь лѣтъ.

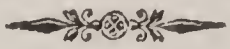
LXXXIV. СВИДАНІЕ ІОАННА ГРОЗНАГО СЪ МАКСИМОМЪ ГРЕКОМЪ.

Іоаннъ, оставивъ важныя дѣла Государственныя на проѣздѣ по обѣщанію въ монастырь Св. Кирила Бѣлозерскаго съ Царицею и сыномъ, заѣхалъ въ обитель Св. Сергія. Тамъ въ старости, тишинѣ и молитвѣ жилъ славный Максимъ Грекъ, сосланный въ Тверь Великимъ Княземъ Василіемъ и освобожденный Іоанномъ, какъ страдалецъ невинный. Царь посѣтилъ келію сего почтеннаго старца, который, бесѣдуя съ нимъ, такъ говорилъ о его неблаговременномъ путешествіи: »Государь! »пристойно ли тебѣ скитаться по даль-

»нимъ монастырямъ съ юною супругою и »съ младенцемъ? Обѣты неблагоразумные »угодны ли Богу? Вездѣсущаго не должно »искать въ однѣхъ пустыняхъ; весь міръ »Его исполненъ. Ежели желаешь явить »благодарность къ его благости, благотвори »на престолѣ.—Завоеваніе царства Казан»скаго, счастливое для Россіи, было гибелью »для многихъ Христіанъ; вдовы, сироты, »матери избіенныхъ льютъ слезы: утѣшь »ихъ. Вотъ дѣло Царское.«

Іоаннъ не хотѣлъ перемѣнить своего намѣренія. Тогда Максимъ велѣлъ сказать ему чрезъ Адашева и Князя Курбскаго, что Царевичь Димитрій будетъ жертвою его упорства.

Іоаннъ не устрашился сего пророчества, поѣхалъ далѣе и возвратился въ Москву безъ сына, который скончался дорогою.



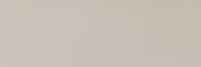
LXXXV. ВЗЯТІЕ НАРВЫ ПРИ ІОАННѢ IV.

Въ то время какъ Русскіе осаждали Нарву, пьяные Нѣмцы, увидѣвъ икону Богоматери въ одномъ домѣ, гдѣ живали купцы Псковскіе, бросили ее въ огонь, отъ котораго вдругъ сдѣлался пожаръ съ ужасной бурею. Стоявшіе подъ городомъ Россіяне увидѣвъ, изъ за рѣки, всеобщее смятеніе жителей и не слушаясь воеводъ своихъ, бросились къ городу. Кто плылъ въ лодкѣ, кто на бревнѣ или доскѣ. Воеводы повели сами остальное войско, выскочили на берегъ и дружно приступили къ Нарвѣ. Въ нѣсколько минутъ городъ взятъ, а къ вечеру и замокъ здался. Россіяне получили въ добычу 230 пушекъ и

великое богатство. Царь пышно торжествовалъ сію побѣду; а Архіепископъ Новгородскій отправилъ, по его повелѣнію, Архимандрита Юрьевскаго и Софійскаго Протоіерея освятить мѣсто во имя Спасителя и, соорудивъ двѣ церкви, одну въ замкѣ, другую въ городѣ, поставить въ ней ту икону Богоматери, отъ коей загорѣлась Нарва, и которую нашли цѣлую въ пеплѣ.

LXXXVI. БОЯРИНЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Ужасъ Крымцевъ, славный Воевода, Бояринъ Иванъ Шереметевъ, былъ, въ царствованіе Іоанна грознаго, вверженъ въ душную темницу, истерзанъ и окованъ тяжкими цѣпями. Царь пришелъ къ нему и спросилъ: Гдѣ твоя казна? ты слылъ богачемъ? »Государь!« отвѣчалъ полумертвый страдалецъ, »*я переслалъ ее, руками нищихъ, къ моему Христу Спасителю.*«



LXXXVII. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ЗАВОЕВАНІЕ КАЗАНИ.

Послѣдняя битва Казанская есть одинъ изъ славнѣйшихъ подвиговъ нашей древности; ибо съ одной стороны она была первымъ нашимъ опытомъ правильно брать укрѣпленныя города; а съ другой защитники Казани показали мужество столь удивительное, великодушное отчаяніе такъ рѣдкое, что сія побѣда стоила дорого. Потомки Батыевы, раздраженные ненавистью къ Христіанамъ и мыслію, что прежніе данники ихъ угрожаютъ имъ порабощеніемъ, распалились восторгомъ мести и жаждою крови до того, что не чувство-

вали своей слабости. Въ сіе время Іоаннъ предложилъ имъ—помилованіе! »Не въ первый разъ,« говорили они между собою, »видимъ мы Москвитянъ подъ нашими стѣнами; не въ первый разъ побѣгутъ они назадъ и мы будемъ смѣяться надъ ними!«

Началась осада; двинулись 150 тысячь воиновъ, снарядъ огнестрѣльный, рубленныя башни и *тарасы* къ крѣпости. Пришелъ отвѣтъ Царя Казанскаго на предложеніе Іоанна: »Все готово, ждемъ васъ на »пиръ!« Войско расположилось въ шести верстахъ отъ города, на гладкихъ и зеленыхъ лугахъ между Волгою и горою, на которой стояла Казань, съ каменными мечетями и дворцомъ, съ высокими башнями и дубовыми, широкими стѣнами, набитыми внутри иломъ и хрящемъ. Бѣглецъ, ушедшій изъ крѣпости, принесъ извѣстіе, что

она наполнена запасами съѣстными и ратными, что въ ней 57 тысячь гарнизона и народъ одушевленъ такою злобою на Христіанъ, что никто не думаетъ о сдачѣ; что Князь Японча съ многочисленнымъ отрядомъ конницы, посланъ въ Арскую засѣку вооружить сельскихъ жителей, для непрестаннаго нападенія на осаждающихъ.

28-го Августа, на самомъ разсвѣтѣ, воинство Іоанново двинулось къ городу въ совершенномъ устройствѣ и тишинѣ. Солнце восходило, освѣщая златые верхи Казанскихъ мечетей. По знаку Царя полки остановились, ударили бубны, заиграли трубы,— распустились знамена и святая хоругвь, на которой развѣвался образъ Спасителя и сіялъ вверху Животворящій Крестъ, бывшій на Дону съ Великимъ Княземъ Димитріемъ.—Царь и воеводы сошли

съ коней; подъ сѣнію знаменъ отпѣли молебенъ и Государь произнесъ рѣчь къ войску: ободрялъ его къ великимъ подвигамъ; славилъ героевъ, которые умрутъ за Вѣру; клялся, что вдовы и сироты ихъ будутъ призрѣны отечествомъ; наконецъ самъ обрекалъ себя на смерть, ежели то нужно для побѣды и торжества Христіанъ. Воеводы отвѣтствовали со слезами: »Дерзай Царю! мы всѣ единою душею за Бога и за тебя.« Духовникъ Царскій, Протоіерей Андрей, благословилъ войско; Царь сѣлъ на аргамака богато-убраннаго, взглянулъ на образъ Спасителя святой хоругви, перекрестился и громко сказавъ: » о Твоемъ имени движемся!« повелъ рать прямо къ городу. Тамъ все казалось тихо и пусто; не видно было ни движенія, ни людей на стѣнахъ; многіе изъ нашихъ радовались, ду-

мая, что Казанцы бѣжали отъ страха въ лѣса; но опытные воеводы говорили: »будемъ тѣмъ осторожнѣе.« Россіяне обступили Казань. 7000 стрѣльцовъ и пѣшихъ Козаковъ, по наведенному мосту перешли тинный Булакъ, текущій къ городу изъ озера Кабана и, видя передъ собою, не болѣе какъ въ двухъ стахъ саженяхъ, Царскія палаты, мечети, лезли на высоту, чтобъ пройти мимо крѣпости, къ Арскому полю.....Вдругъ раздался шумъ и крикъ; заскрыпѣли городскія ворота, открылись, и 15 тысячь Татаръ конныхъ и пѣшихъ ударили на стрѣльцовъ, разстроили, смяли ихъ. Князья Шемякинъ и Троекуровъ удержали бѣгущихъ: они выстроились; подоспѣло подкрѣпленіе Дѣтей Боярскихъ. Началась жестокая сѣча. Россіяне, не имѣя конницы, стояли грудью; побѣдили и, про-

главъ непріятеля, подъ пальбою города до самыхъ его стѣнъ, взяли плѣнныхъ и, въ виду всего нашего войска, медленно и стройно отступили. Полки окружили Казань. Разбили шатры и три полотняныя церкви: Архистратига Михаила, Великомученицы Екатерины и Святаго Сергія. Ввечеру Государь, собравъ воеводъ, далъ нужныя повелѣнія. Ночь была спокойна. На другой день сдѣлалась столь необыкновенная буря, что сорвала царскій и многіе шатры, потопила суда съ запасами и привела войско наше въ ужасъ. Думали, что всему конецъ; что осады не будетъ, и что, не имѣя хлѣба, мы должны съ стыдомъ удалиться. Не такъ думалъ Іоаннъ: пославъ въ Свіяжскъ и даже въ Москву за запасами, онъ располагался зимовать подъ Казанью. Въ слѣдующіе дни Казанцы дѣлали болѣе или менѣе

сильныя вылазки и всегда были прогоняемы въ крѣпость; а Князь Японча безпокоилъ осаждающихъ частыми *наѣздами* со стороны Арска. Казанцы сносились съ нимъ знаками помощію хоругви, на высокой башнѣ выставляемой. Войско наше, не имѣя ни запасовъ, ни отдыха и почти не выходя изъ подъ ружья въ теченіи недѣли, чрезвычайно утомилось. Рѣшено уничтожить войско Япончи; противъ него отправлено 45 тысячь человѣкъ и онъ истребленъ совершенно. Іоаннъ велѣлъ привязать всѣхъ плѣнниковъ, у него взятыхъ, къ кольямъ передъ крѣпостью, чтобъ они умолили Казанцевъ сдаться. Въ то же время сановники Государевы подъѣхали къ стѣнамъ и говорили Татарамъ: »Іоаннъ обѣщаетъ »имъ жизнь и свободу, а вамъ прощеніе и »милость, ежели покоритесь ему.« Казанцы,

тихо выслушавъ ихъ слова, пустили тучу стрѣлъ въ своихъ несчастныхъ плѣнныхъ согражданъ и кричали: »Лучше вамъ умереть отъ нашей чистой, нежели отъ »злой Христіанской руки.«— Сіе остервененіе удивило Россіянъ и Государя.

Для взятія города съ меньшимъ кровопролитіемъ, велѣлъ Іоаннъ Нѣмецкому *Размыслу* (Инженеру) подкопать тайникъ, чрезъ который ходили осажденные за водою. Размыслъ, подъ надзоромъ Князя Василья Серебрянаго и Адашева, исполнилъ ему порученное и въ глазахъ Царя, съ громомъ, съ трескомъ взорвало землю, тайникъ, часть городской стѣны и множество людей; бревна, камни, взлетѣвъ на высоту, падали, давили жителей, которые обмерли отъ ужаса, не понимая, что сдѣлалось. Въ сію минуту Россіяне, схвативъ

знамена, бросились къ обрушенной стѣнѣ; ворвались было въ самый городъ, но не могли удержаться. Казанцы опомнились и вытѣснили нашихъ. Государь не велѣлъ возобновлять приступа, довольствуясь поврежденіемъ крѣпости, отнятіемъ воды, плѣнными и множествомъ убитыхъ.

Непріятель унылъ. Начали искать воды въ крѣпости, отрыли ключь; но необильный и смрадный, которымъ принуждены были довольствоваться. Жители страдали отъ жажды, пухли отъ вредной воды; но молчали и сражались. Стрѣльба крѣпости не умолкала; но и осаждающіе не давали ей покоя ни днемъ ни ночью. Гремѣли пушки и осыпали ее камнями и ядрами. Арскія ворота сбиты до основанія; но осажденные загородились шарасами.

Взятье города Арска снадбило осаждающихъ всемъ нужнымъ.

Наконецъ, когда Россіяне, построивъ башню выше стѣнъ, прикатили ее къ царскимъ воротамъ, и стрѣляли изъ пушекъ и ружей въ улицы, а Казанскія пушки, будучи подбиты, не могли уже дѣйствовать, осажденные, выкопавъ себѣ землянки, выползали изъ нихъ, и безъ умолку стрѣляли изъ ружей и пищалей. Тщетно Іоаннъ возобновлялъ мирныя предложенія; Казанцы *не слушали ни краемъ уха*, говоритъ лѣтописецъ.

Подкопанныя тарасы и землянки, въ коихъ укрывался гарнизонъ, взорваны, мосты пылали, стѣны были во многихъ мѣстахъ разрушены, башня Арская занята нашими стрѣлками. Наконецъ, послѣ пятинедѣльной осады, Іоаннъ объявилъ войску, чтобъ оно готовилось *пить общую чашу крови* и велѣлъ воинамъ *очистить душу* наканунѣ роковаго дня.

Государь хотѣлъ еще испытать силу увѣщанія и послалъ предложить почти уже разрушенному городу пощаду и милосердіе. Казанцы въ одинъ голосъ отвѣчали: » Не хотимъ прощенія! Въ башнѣ Русь, »на стѣнѣ Русь: не боимся; поставимъ другую башню, другую стѣну; всѣ умремъ, »или отсидимся!« Тогда Государь началъ устроивать войско *къ великому дѣлу*.

48 бочекъ пороху лежали уже въ подкопѣ, котораго взрывъ долженъ былъ служить знакомъ общаго нападенія осаждающихъ. Государь отслужилъ заутреню. Цѣлую ночь все было въ движеніи и кругомъ, и внутри города. Румяная заря освѣтила ясное небо. Россіяне стояли неподвижно. Пушки съ обѣихъ сторонъ безмолствовали. Одинъ бой бубновъ, звукъ трубъ прерывалъ тишину, страшной бит-

въ предшествовавшую. Въ безмолвномъ Русскомъ станѣ раздавалось тихое пѣніе Божественной литургіи, которую слушалъ Государь съ своими приближенными. Солнце взошло. Діаконъ, читая Евангеліе, произнесъ: *будетъ едино стадо и единъ пастырь!* — грянулъ громъ, земля дрогнула и церковь потряслась.... Государь вышелъ на паперть и страшное дѣйствіе подкопа представилось его взорамъ: густая тьма покрыла Казань; глыбы земли, обломки башенъ, стѣны, домовъ; люди неслись вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Іоаннъ спокойно возвратился въ церковь и дослушалъ прерванную литургію. Когда Діаконъ возгласилъ громогласно: *да утвердитъ Всевышній Державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его*, — раздался громъ новаго подкопа, еще силь-

нѣе перваго, и полки Россійскіе, воскликнувъ: *съ нами Богъ*! бросились на крѣпость. Казанцы возопили: *алла!* дали страшный залпъ и повергли на осаждающихъ камни, бревна и кипящій варъ; но ничто не останавливаетъ Русскихъ; и въ ту минуту, какъ Іоаннъ, причастясь святыхъ таинъ, на бранномъ конѣ своемъ выѣхалъ въ поле, войско запасное громкимъ кликомъ поздравило его съ побѣдою; знамена Русскія развѣвались уже на крѣпости! — Но участь ея не рѣшена еще. Татары, согнанные со стѣнъ и башенъ, бьются въ улицахъ, на заборахъ, на кровляхъ. Русскіе просятъ у Государя помощи и, получивъ ее, тѣснятъ уже Татаръ къ укрѣпленному двору царскому, къ которому самъ Едигеръ медленно отступаетъ отъ проломовъ съ знатнѣйшими вельможами, и, вдругъ за-

мѣтивъ, что толпы Русскихъ, бросившихся за добычею въ домы и лавки, рѣдѣютъ, быстро ударилъ и потѣснилъ ихъ; грабившіе городъ слуги, купцы и кошевары побѣжали съ крикомъ: *спкутъ, спкутъ!*—Государь смутился, думая, что Казанцы выгнали войско его изъ города, взялъ Святую хоругвь и сталъ предъ царскими воротами, на пути бѣгущихъ; половина отборной его дружины въ свѣтлыхъ доспѣхахъ и блестящихъ шлемахъ грянула на Татаръ, которые, не видя возможности противиться, крѣпко сомкнулись и отступили въ порядкѣ къ высокимъ каменнымъ мечетямъ, гдѣ ихъ Абызы, Сенты, Муллы и Кульшерифъ ожидали Россіянъ; но не съ дарами и моленіемъ, а съ оружіемъ; бросились на нашихъ въ остервененіи злобы и всѣ до единаго пали въ битвѣ. Едигеръ еще защищал-

ся въ укрѣпленномъ дворцѣ своемъ, доколѣ Русскіе отбили ворота, тогда Казанцы взяли Царя своего на башню и кричали: »Слу»шайте! доколѣ у насъ было царство, мы »умирали за Царя и отечество. Теперь Казань »ваша; отдаемъ вамъ и Царя, живаго, не ра»неннаго: ведите его къ Іоанну; а мы идемъ »на широкое поле испить съ вами послѣднюю »чашу.« Городъ пылалъ, сѣча престала, но кровь лилась въ мечетяхъ, въ домахъ. Князь Михайло Воротынскій прислалъ сказать Государю: Радуйся, благочестивый Самодер»жецъ! твоимъ мужествомъ и счастіемъ »побѣда совершена: Казань наша, Царь ея »въ твоихъ рукахъ, народъ истребленъ или »въ плѣну: несмѣтныя богатства собраны, »что прикажешь?« *Славить Всевышняго!«* отвѣчалъ Іоаннъ, велѣлъ пѣть молебенъ подъ Святою хоругвію, и собственною рукою

водрузилъ на семъ мѣстѣ Животворящій крестъ, назначивъ тѣмъ первую Христіанскую церковь въ Казани, во имя Спасителя, которая сохранилась и доселѣ.

Такъ пало къ ногамъ Іоанновымъ во дни его величія и добродѣтели одно изъ знаменитыхъ царствъ, основанныхъ Чингисовыми Моголами, въ предѣлахъ нынѣшней Россіи.

LXXXVIII. ПРИБЫТІЕ ПЕРВЫХЪ АНГЛІЙСКИХЪ ПОСЛОВЪ ВЪ РОССІЮ.

Англія, ища проложить путь въ Китай и Индію, весною 1553-го года, въ царствованіе Эдуарда VI-го, послала три корабля въ Сѣверный океанъ. Начальниками ихъ были Гугъ Виллоби и Ченселеръ. Корабли сіи разлучены бурею и не могли соединиться. Два изъ нихъ погибли у береговъ Россійской Лапландіи въ пристани Арцинѣ, гдѣ Гугъ Виллоби замерзъ со всѣмъ своимъ экипажемъ. Въ 1554-мъ году рыбаки Лапландскіе нашли его сидящаго въ шалашѣ, за своимъ журналомъ. Капитанъ Ченселеръ благополучно доплылъ до Бѣлаго моря, во-

шелъ въ Двинскій заливъ и присталъ къ берегу у монастыря Святаго Николая, гдѣ послѣ основанъ Архангельскъ. Англичане увидѣли людей изумленныхъ явленіемъ большаго корабля; узнали отъ нихъ, что сей берегъ Россійскій, объявили, что имѣютъ отъ Короля Англійскаго письмо къ Царю и желаютъ завести съ нами торговлю. Начальники Двинской земли снабдили ихъ съѣстными припасами и отправили гонца къ Царю Іоанну IV, который, оцѣнивъ тотчасъ важность сего случая для нашей торговли, велѣлъ Ченселеру быть въ Москву, и доставилъ ему всѣ удобности сего путешествія. Представленные Государю, Англичане съ удивленіемъ увидѣли, по словамъ ихъ, *безпримѣрное* великолѣпіе его Двора: ряды красивыхъ чиновниковъ, кругъ сановитыхъ бояръ въ золотыхъ одеждахъ, бле-

стящій тронъ и на немъ юнаго Самодержца въ блистательной коронѣ, окруженнаго величіемъ и безмолвіемъ. Ченселеръ подалъ Царю грамоту Эдуарда, писанную на разныхъ языкахъ *ко всѣмъ сѣвернымъ и восточнымъ Государямъ.* Англичане приняты милостиво, обѣдали у Государя въ Золотой палатѣ, и съ новымъ удивленіемъ видѣли пышность Царскую: гости, числомъ болѣе ста, ѣли и пили изъ золотыхъ сосудовъ; одежда стапятидесяти слугъ сіяла золотомъ. Послѣ переговоровъ съ боярами, Ченселеръ отправленъ обратно съ ласковою грамотою къ Эдуарду; но его уже не было и Марія, царствовавшая въ Англіи, ее получила. Вѣсти Ченселера произвели общую радость въ Лондонѣ, гдѣ говорили о Россіи, какъ о землѣ *вновь открытой*, хотѣли знать ее Географію и Исторію, и немедленно составили

общество для торговли съ нею.

Съ того времени пристань Святаго Николая, гдѣ, кромѣ уединеннаго монастыря, было пять или шесть домиковъ, сдѣлалась важнымъ торговымъ мѣстомъ.

LXXXIX. ОТВѢТЪ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО ГУСТАВУ, КОРОЛЮ ШВЕДСКОМУ, ПРОСИВШЕМУ МИРА ПОСЛѢ НЕУДАЧНОЙ ВОЙНЫ.

»Твои люди дѣлали ужасныя неистовства »въ Корельской землѣ нашей; не только »жгли, убивали, поругались надъ церквами, »снимали кресты, колокола, иконы. Жите»ли Новгородскіе требовали отъ меня боль»шихъ полковъ: Московскихъ, Татарскихъ, »Черемискихъ и другихъ; воеводы мои пы»лали нетерпѣніемъ итти къ Абову и »Стокгольму; мы удержали ихъ, ибо не лю»бимъ кровопролитія. Все зло произошло »отъ того, что ты, по своей гордости, не »хотѣлъ сноситься съ Новгородскими Намѣ-

»стниками, знаменитыми боярами *Вели-*
»*каго Царства.* Ежели не знаешь каковъ
»Новгородъ, спроси у купцевъ своихъ: они
»скажутъ тебѣ, что его пригороды болѣе
»твоего Стокгольма. Оставь надменность
»и будемъ друзьями.«—

XC. СТРОГАНОВЫ.

Хотя Татары Сибирскіе и признали Царя Іоанна Васильевича IV-го своимъ верховнымъ властителемъ, но не только худо платили ему дань, да и частыми набѣгами тревожили Великую Пермь, гдѣ былъ предѣлъ Россіи. Озабоченный непрестанными войнами, Царь не могъ утвердить ни власти своей надъ отдаленною Сибирью, ни обезпечить владѣній своихъ между Камою и Двиною, гдѣ уже издавна селились многіе Россіяне, привлекаемые туда обиліемъ сего края и выгодною мѣною съ полудикими сосѣдственными народами. Въ числѣ сихъ Русскихъ поселенцевъ были купцы *Строгановы*, Яковъ и Григорій Іоанникіевы

или Аникины, которыхъ отецъ обогатился заведеніемъ соляныхъ варницъ, и первый открылъ путь торговлѣ нашей за Уралъ. Купцы сіи произошли отъ знатнаго крещеннаго Мурзы Золотой Орды, именемъ Спиридона, научившаго Россіянъ употребленію счетовъ. Татары, имъ озлобленные, плѣнили его въ битвѣ, измучили и *застрогали* до смерти, почему сынъ его и прозванъ *Строгановымъ*; а внукъ способствовалъ искупленію Великаго Князя Василія Темнаго изъ плѣна Казанскихъ Татаръ. Іоаннъ, желая обуздать Сибирь, призвалъ Строгановыхъ къ себѣ, бесѣдовалъ съ ними, одобрилъ ихъ предложенія и далъ имъ жалованныя грамоты на пустыя мѣста внизъ по Камѣ, отъ земли Пермской до рѣки Сылвы, и берега Чусовой до ея вершины; позволилъ имъ строить крѣпости, имѣть

снарядъ огнестрѣльный, пушкарей и воиновъ, на собственномъ иждивеніи, и принимать къ себѣ всякихъ людей вольныхъ, вѣдать и судить ихъ независимо отъ Пермскихъ Намѣстниковъ и Тіуновъ. И сіи *владѣтельные купцы*, распространивъ Государство Московское до Каменнаго Пояса, устремили предпріятія свои далѣе.

XCI. ЕРМАКЪ ТИМОФЕЕВЪ, РОДОМЪ НЕИЗВѢСТНЫЙ, ДУШЕЮ ЗНАМЕНИТЫЙ.

Къ числу буйныхъ атамановъ Волжскихъ Козаковъ принадлежали, при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, Ермакъ Тимофеевъ, Иванъ Кольцо—осужденный Государемъ на смерть,—Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвей Мещерякъ, извѣстные рѣдкимъ удальствомъ. Строгановы, слыша о дерзости сихъ храбрецовъ, послали къ нимъ дары, написали ласковую грамоту, убѣждали ихъ отвергнуть ремесло недостойное Христіанскихъ витязей, быть не разбойниками, а воинами *Царя Бѣлаго*, искать опасностей славныхъ и примириться съ

Богомъ и съ отечествомъ. Ермакъ съ товарищами прослезился. Мысль свергнуть съ себя опалу честными подвигами и промѣнять имя дерзкихъ разбойниковъ на имя славныхъ воиновъ, тронула сердца ихъ. Они подняли знамя на берегу Волги, кликнули дружину, собрали 540 отважныхъ бойцевъ и явились къ Строгановымъ. »Стали грудью за область Христіанскую. Невѣрные трепетали: гдѣ показывались, »тамъ гибли.« Испытавъ удальство Волжскихъ витязей, разумъ и рѣшительность ихъ главнаго вождя, Ермака Тимофеева, Строгановы, подкрѣпивъ ихъ дружину войскомъ изъ Русскихъ, Татаръ, Литвы и Нѣмцевъ, выкупленныхъ изъ неволи у Ногаевъ, добывъ оружіе и изготовя запасы, объявили походъ: Ермака Воеводою, а цѣлію Сибирь. Воевода устроилъ войско, вы-

бралъ атамановъ, есауловъ, сотниковъ, пятидесятниковъ: главнымъ подъ нимъ былъ неустрашимый Иванъ Кольцо. Нагрузивъ лодки военными и съѣстными запасами, легкими пушками, *семипядными* пищалями, взявъ вожатыхъ, толмачей, священниковъ, отслуживъ молебенъ и принявъ послѣдній наказъ Строгановыхъ: »Иди »съ миромъ очистить землю Сибирскую и »выгнать безбожнаго Салтана Кучюма«, Ермакъ, *съ обѣтомъ доблести и цѣломудрія*, при звукѣ трубъ отплылъ рѣкою Чусовою къ горамъ Уральскимъ. Между тѣмъ Князь Пелымскій съ своими дикарями напалъ на берега Камы, выжегъ селенія, перебилъ и плѣнилъ множество жителей; но, свѣдавъ о походѣ Козаковъ въ Сибирь, удалился для защиты собственныхъ владѣній. Сей разбой поставленъ въ вину Стро-

гановымъ. Іоаннъ писалъ къ нимъ, что онъ видитъ изъ донесеній Чердынскаго Намѣстника, что они не умѣютъ, или не хотятъ оберегать границы; *самовольно* призвали опальныхъ Козаковъ, извѣстныхъ злодѣевъ, и послали ихъ воевать Сибирь, раздражая тѣмъ тамошнихъ владѣтелей; *что такое дѣло есть измѣна, достойная казни.* »Приказываю вамъ,« писалъ онъ, »немедленно выслать Ермака съ товарищами въ Пермь и въ Усолье Камское, гдѣ имъ должно *покрыть* вины свои совершеннымъ усмиреніемъ Остяковъ и Вогуличей; а для безопасности вашихъ городковъ, можете оставить Козаковъ сто, не болѣе. Естьли же не исполните нашего Указа; естьли впередъ что нибудь случится надъ Пермскою землею отъ Пелымскаго Князя и Сибирскаго Салтана; то возложимъ на

васъ *большую опалу*, а Козаковъ измѣнниковъ *велилъ перевѣшать*.

Сей гнѣвный Указъ испугалъ Строгановыхъ, но блестящій успѣхъ оправдалъ ихъ поступокъ и перемѣнилъ гнѣвъ Іоанновъ на милость.

Ермакъ, съ малочисленною своею дружиною пройдя сквозь всѣ трудности незнакомаго и дикаго пути, отражая огнестрѣльнымъ оружіемъ безчисленныя толпы, неимѣвшихъ онаго, варваровъ, побѣждая ихъ неустрашимыя полчища отчаянною храбростію, послѣ многихъ побѣдъ, въ коихъ горсть храбрыхъ Россіянъ отражала и даже преслѣдовала десять тысячь или и болѣе всадниковъ, малочисленная дружина Ермакова начала уменьшаться; многіе были ранены, другіе лишились силъ и бодрости отъ трудовъ непрестанныхъ,

коимъ и конца не льзя было предвидѣть. Ночью атаманы совѣщовались, что дѣлать? Голосъ слабыхъ раздался: »Мы отмстили; »время итти назадъ. Всякая новая битва »для насъ смертельна. Скоро и побѣждать »будетъ не кому.« Но атаманы отвѣтствовали: »Нѣтъ, братья, намъ пусть только »впередъ! Сзади насъ рѣки, уже покры»тыя льдомъ, и снѣги непроходимыя; да »ежели бы и могли мы достигнуть Руси, »то не ужели воротимся клятвопреступ»никами предъ Государемъ, которому обѣ»щали смирить Кучюма, или славною смер»тью загладить наши преступленія. Долго »жили мы худою славою; умремъ съ доб»рою! Богъ даетъ побѣду кому хочетъ: не»рѣдко слабымъ надъ сильными, да святится »имя Его!« Дружина вскричала: *аминь!* и съ первыми лучами солнца ударили на за-

сѣку, въ которой укрѣпился непріятель, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* Варвары осыпали ее стрѣлами, вызывали храбрыхъ Козаковъ и сами, разломавъ засѣку, въ трехъ мѣстахъ бросились въ рукопашный бой, опасный для малочисленныхъ Ермаковыхъ витязей. Послѣ кровопролитной сѣчи бѣглый огонь спасъ Козаковъ, обративъ непріятеля въ бѣгство; и знамя Христіанское завѣяло на засѣкѣ Кучюма, который бѣжалъ въ степи Ишимскія. Побѣда одержана, но стоила дорого Ермаку: 107 храбрыхъ Козаковъ пало въ битвѣ. Въ Соборной Тобольской церквѣ поминаютъ доседѣ сихъ героевъ, рѣшившихъ господство Россіи отъ Хребта Каменнаго до Оби и Тобола.

Ермакъ, отпѣвъ благодарственный молебенъ Подателю побѣдъ, вступилъ торжественно въ городъ Искеръ или Сибирь,

стоявшій на крутомъ берегу Иртыша и укрѣпленный съ одной стороны крутизною и глубокимъ оврагомъ; а съ другой тройнымъ валомъ и рвомъ. Тамъ побѣдители нашли великое богатство: множество золота и серебра, Азіятскихъ парчей, драгоцѣнныхъ камней и мѣховъ, и все братски между собою раздѣлили. Здѣсь Ермакъ показалъ, что онъ не только герой неустрашимый и искусный вождь, но и правитель благоразумный въ учрежденіяхъ земскихъ и сохраненіи воинской подчиненности. Въ грубыхъ дикарей вселилъ онъ довѣренность къ новому управленію, а буйныхъ сподвижниковъ своихъ, въ землѣ завоеванной ими *на краю свѣта*, такъ смирилъ справедливою строгостію, что они не смѣли тронуть ни волоса у мирныхъ жителей. Пишутъ, что грозный, неумоли-

мый Ермакъ, такъ бережливый на воиновъ своихъ въ битвѣ, ни мало не жалѣлъ ихъ въ случаѣ преступленія и казнилъ за всякое ослушаніе и *дѣло студное;* ибо требовалъ отъ дружины своей не только порядка, но и чистоты нравственной. Онъ думалъ, что Богъ даетъ побѣду скорѣе съ малымъ числомъ воиновъ добродѣтельныхъ, нежели со множествомъ закоснѣлыхъ грѣшниковъ; и Козаки его, по сказанію Тобольскаго лѣтописца, и въ пути, и въ столицѣ Сибирской, вели жизнь цѣломудренную: сражались и молились! — Какой разительный урокъ многимъ военачальникамъ просвѣщеннѣйшаго вѣка и образованныхъ народовъ отъ атамана разбойниковъ!

Ермакъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ неутомимаго сына Кучюмова, Царевича Маметкула, взялъ многія крѣпости, городокъ

Нарымскій, овладѣлъ древнею землею Югорскою, достигъ славной Оби, взялъ Назымъ и не хотѣлъ итти далѣе; возвратился въ столицу покореннаго имъ царства, и тогда только извѣстилъ Строгановыхъ, что Богъ помогъ ему одолѣть Салтана, взять его столицу, землю и Царевича, а съ народовъ присягу въ вѣрности; написалъ къ Іоанну, что его бѣдные опальные Козаки, терзаемые совѣстію, исполненные раскаянія шли на смерть и присоединили знаменитую державу къ Россіи, во имя Христа и Великаго Государя, *на вѣки вѣковъ, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру;* что они ждутъ указа и воеводъ его; сдадутъ имъ царство Сибирское и безъ, всякихъ условій, готовы умереть на полѣ чести, или на плахѣ, какъ будетъ угодно Богу и ему. Съ сею грамотою поѣхалъ въ Москву

вторый атаманъ, первый сподвижникъ Ермака, первый въ думѣ и въ сѣчѣ, Иванъ Кольцо, не боясь торжественнаго осужденія на лютую казнь преступника.

Восхищенные вѣстью Строгановы спѣшили въ Москву, донесли Государю о всѣхъ подробностяхъ и молили его утвердить Сибирь за Россіею; ибо они, какъ частные люди, не имѣли способовъ сохранить столь обширное завоеваніе. Явились и послы Ермаковы, Атаманъ Кольцо съ товарищами *бить челомъ Іоанну Царствомъ Сибирскимъ*, дорогими соболями, черными лисицами и бобрами.» Давно«, пишутъ лѣтописцы, »не бывало такого веселія въ Москвѣ унылой: Государь и народъ *воспрянули духомъ. Новое царство послалъ Богъ Россіи!* повторяли во Дворцѣ и на Красной площади. Раздавался звонъ; служили благодар-

ственные молебны, какъ во время юности Іоанновой при покореніи царствъ Казанскаго и Астраханскаго. Опала сдѣлалась честью: оглашенный преступникъ, Иванъ Кольцо, преклонивъ предъ Царемъ повинную голову, слышалъ имя добраго витязя и со слезами лобызалъ руку Іоаннову. Государь жаловалъ его и другихъ пословъ Ермаковыхъ деньгами, сукнами, камками; отрядилъ воеводу Князя Болховскаго и 500 стрѣльцовъ къ Ермаку, а Строгановымъ, истиннымъ и знаменитымъ виновникамъ сего важнаго для Россіи приобрѣтенія, за ихъ *службу и радѣніе*, пожаловалъ Іоаннъ слѣдующія награды: Семену Строганову два мѣстечка, Большую и Малую Соль, на Волгѣ, а Максиму и Никитѣ право торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безпошлино.

Иванъ Кольцо прибылъ въ Искеръ съ

Государевымъ жалованьемъ, съ воеводою и людьми воинскими, вручилъ атаманамъ и рядовымъ богатые дары, а Вождю ихъ двѣ брони: серебряный кубокъ и шубу *съ плеча Царскаго.* Іоаннъ въ милостивой грамотѣ объявилъ Козакамъ вѣчное забвеніе ихъ виновности и вѣчную благодарность Россіи за важную услугу; пожаловалъ Ермака *Княземъ Сибирскимъ,* и велѣлъ ему начальствовать въ завоеванномъ краѣ, по прежнему. Козаки чествили воеводу Царскаго и стрѣльцовъ, дарили соболями и угощали со всею возможною роскошью.

Но счастіе опальнаго Козака оставило Князя Сибирскаго. За славою послѣдовали бѣдствія. Въ войскѣ открылась болѣзнь, жестокая цынга; занемогли стрѣльцы, отъ нихъ Козаки и многіе лишились силъ и жизни. Оказался недостатокъ въ съѣстныхъ

припасахъ. Умеръ воевода Іоанновъ. Общее уныніе опечалило и Ермака, не бояснію смерти, давно ему знакомой, но страхомъ потерять завоеванное и обмануть надежду Царя и Россіи. Но бѣдствія сіи миновали съ началомъ весны. Болѣзни прекратились и подвозы припасовъ обезпечили ихъ изобиліе. Тогда Князь Сибирскій отправилъ къ Іоанну Царевича Маметкула, донеся Государю, что опять въ Его Сибири все благополучно; но нужна сильная и немедленная помощь.

Между тѣмъ какъ зараза и голодъ похитили половину воиновъ Русскихъ, лѣковѣріе и неосторожность погубили значительную часть остальныхъ: Мурза Карача, оставивъ Царя своего въ бѣдствіи, имѣлъ на Тарѣ многолюдной Улусъ, лазутчиковъ въ Искерѣ, друзей и единомышленниковъ во

всѣхъ окрестныхъ юртахъ; хотѣлъ быть избавителемъ отечества, выжидалъ случая; а между тѣмъ коварно ласкалъ Россіянъ, присылалъ имъ дары, требовалъ ихъ защиты, будтобы угрожаемый Ногаями, клялся въ вѣрности и такъ обольстилъ Ермака, что онъ послалъ къ нему сорокъ добрыхъ воиновъ съ атаманомъ Иваномъ Кольцомъ. Сія горсть храбрыхъ, разгонявшая тысячи дикарей, шла къ мнимымъ друзьямъ своимъ безъ всякаго опасенія, и беззащитная стала подъ ножъ предателей!—Славный сподвижникъ Ермаковъ и воины его, львы въ битвахъ, пали какъ агнцы въ Тарскомъ Улусѣ!—Всѣ данники Русскіе взбунтовались, соединились съ Карачею, и необозримыми обозами обложили Искеръ, гдѣ Ермакъ увидѣлъ себя въ тѣсной осадѣ. Всѣ завоеванія, подданные и Царство немедленно исчезли;

и владѣнія его ограничились нѣсколькими саженями деревянной стѣны и земляныхъ укрѣпленій, изъ которыхъ не можно было ни дѣлать вылазокъ, по малолюдству гарнизона, ни стрѣлять, по отдаленію непріятеля, который спокойно ожидалъ сдачи города отъ недостатка жизненныхъ припасовъ.

Но не таковъ былъ Герой Сибирскій чтобы отдаться въ руки непріятеля, не испытавъ предпріятій самыхъ отчаянныхъ. 12-гу Іюня, ночью, атаманъ Мещерякъ, съ нѣсколькими Козаками, вышелъ изъ города, прокрался, сквозь обозы непріятельскіе, въ самый станъ Карачи, кинулся на сонныхъ Татаръ, умертвилъ ихъ множество и двухъ сыновей Мурзы, разогналъ дикарей во всѣ стороны и плавалъ въ крови ихъ. Самъ Мурза едва спасся бѣгствомъ.

Свѣтъ утренній, разсѣявъ ужасы ночи, открылъ малочисленность побѣдителей; сосѣдніе станы пришли на помощь къ Мурзѣ, остановили бѣгущихъ, и, соединясь съ ними, пошли на Козаковъ; но они засѣли уже въ обозѣ Княжескомъ, сильною пальбою разогнали нападающихъ, и съ торжествомъ вошли въ освобожденный ими городъ. Карача бѣжалъ за Ишимъ; а селенія и юрты окрестныя снова поддались Россіи.

Ермакъ, слабый уже числомъ людей, еще преслѣдовалъ Карачу, еще побѣдилъ Князя Бегиша, завоевалъ всѣ мѣста до Ишима, достигнулъ до рѣки Шиша и возвратился въ Искеръ съ трофеями новыми, но и послѣдними!

Воинъ безсмертный, столь же славный побѣдами, какъ и добродѣтелію, онъ велѣлъ удалиться прелестной дочери побѣжденнаго

имъ Князя Еличая, невѣстѣ сына Кучюмова, которую отецъ прислалъ къ нему съ данію.

Господствуя около двухъ лѣтъ въ Сибири, онъ завелъ торговлю съ самыми отдаленными странами Азіи. Караваны Бухарскія приходили въ пустынную столицу Ермакову и промѣнивали на богатую рухлядь предметы роскоши Восточной. Ожидая купцовъ Бухарскихъ и свѣдавъ, что изгнанникъ Кучюмъ не даетъ имъ дороги въ степи Вагайской, гдѣ онъ снова осмѣлился явиться, пылкій Ермакъ, съ пятидесятью Козаками, спѣшилъ имъ на встрѣчу; но не найдя ни ихъ, ни непріятеля, на возвратномъ уже пути, расположился онъ ночевать въ шатрахъ, оставивъ лодки у берега Иртыша, близь Вагайскаго устья, и здѣсь должно было Герою погибнуть! —

Беззаботные рыцари, безъ стражи и опасенія, предались крѣпкому сну. Лилъ сильный дождь; рѣка и вѣтеръ шумѣли, какъ бы для лучшаго усыпленія Козаковъ; между тѣмъ какъ на противуположномъ берегу бодрствовалъ непріятель лукавый и кровожадный. Его лазутчики сыскали бродъ, тихо прокрались въ станъ Ермака, осмотрѣли сонныхъ, унесли у нихъ три пищали съ лядунками и представили своему Царю въ удостовѣреніе, что наконецъ можно истребить непобѣдимыхъ. *Заиграло Кучюмово сердце!* говоритъ лѣтописецъ: онъ напалъ на Россіянъ полумертвыхъ и всѣхъ перерѣзалъ, кромѣ двухъ: одинъ бѣжалъ въ Искеръ, другой, *самъ Ермакъ*, пробужденный шумомъ и стонами, воспрянулъ; послѣднимъ махомъ сабли отразилъ убійцъ, бросился въ бурный Иртышъ, и, отягченный же-

лѣзною бронею, данною Іоанномъ, не доплывъ до своихъ лодокъ— утонулъ!— Но волны Иртыша не поглотили славы завоевателя Сибири. Исторія, совокупно съ Церковью, возглашаютъ ему вѣчную память!

Сибирь осталась Россіи. Кучюмъ, перерѣзавъ нѣсколько Козаковъ, не могъ отнять у великой Державы завоеваннаго Царства, которое признала она своимъ достояніемъ.

Имя витязя Сибирскаго живетъ въ преданіяхъ мѣстныхъ. Тамъ самыя бѣдныя жилища доселѣ украшаются изображеніемъ *Атамана-Князя.*

XCII. КОНЧИНА ІОАННА ГРОЗНАГО.

Іоаннъ, не достигшій еще глубокой старости, сохраняя бодрость духа и крѣпость тѣлесную, но внутренно убиваемый гнѣвомъ и боязнію, угрызеніями совѣсти и властолюбіемъ, непримѣтно приближался къ страшному отвѣту въ царствованіи страшномъ!—До зимы 1584 года боролся онъ съ болѣзненнымъ томленіемъ, предтечею смерти. Въ сіе время явилась комета съ крестообразнымъ знаменіемъ, между церковію Іоанна Великаго и Благовѣщенія: любопытный Царь вышелъ на Красное крыльцо, смотрѣлъ на нее долго, измѣнился въ лицѣ и сказалъ окружавшимъ: *Вотъ знаменіе моей смерти!* — Мучимый сею

мыслію, вмѣсто примиренія съ Богомъ, искалъ онъ астрологовъ въ Россіи *и въ Лапландіи.* Собравъ ихъ до шестидесяти, отвелъ имъ въ Москвѣ домъ, ежедневно посылалъ любимца своего Бѣльскаго толковать съ ними о коменѣ, и вскорѣ занемогъ опасно: вся внутренность его стала гнить, а тѣло пухнуть. Увѣряютъ, что астрологи предсказали ему неминуемую смерть чрезъ нѣсколько дней, и именно 18-го Марта; но что Іоаннъ велѣлъ имъ молчать, съ угрозою, въ противномъ случаѣ, сжечь ихъ на кострѣ. Въ теченіи Февраля занимался онъ еще дѣлами; но 10-го Марта велѣно было остановить посла Литовскаго на пути въ Москву, *ради недуга Государева.* Еще самъ Іоаннъ далъ сей приказъ; еще надѣялся онъ на выздоровленіе; однакоже созвалъ Бояръ и велѣлъ писать завѣщаніе. Объявилъ Ца-

ревича Ѳеодора Наслѣдникомъ Престола, избралъ знаменитыхъ мужей въ Совѣтники юному Царю и въ блюстители Державы, и сдѣлалъ многія распоряженія, которыя давали надежду, что благодатное раскаяніе, хотя на краю могилы, тронуло наконецъ мрачное и хладное сердце Іоанново. Дворъ безмолвствовалъ, а народъ лилъ слезы умиленія, и въ храмахъ столицы молился о выздоровленіи Царя. Молились и опальныя семейства: вдовы и сироты людей невинно избіенныхъ; но онъ — стоя уже одною ногой въ гробѣ, наканунѣ смерти, приказалъ отнести себя на креслахъ въ сокровищницу свою и показывалъ Англичанину Горсею *еще свои* драгоцѣнности, изъясняя, какъ знатокъ, достоинства алмазовъ и яхонтовъ! Но онъ — Здѣсь краснѣющая исторія опускаетъ черный завѣсъ на стра-

шную минуту изступленной его нераскаянности!

Между тѣмъ послѣднія усилія физической жизни еще боролись съ закономъ разрушенія и постепенно исчезали. Іоаннъ лежалъ, какъ бы въ безпамятствѣ; громкимъ воплемъ звалъ убитаго сына, видѣлъ его, говорилъ съ нимъ ласково. — 17 Марта стало ему отъ теплой ванны лучше. Онъ велѣлъ послу Литовскому немедленно ѣхать въ столицу и на другой день, 18 Марта, сказалъ Бѣльскому: »Объ»яви казнь лжецамъ астрологамъ; по ихъ »баснямъ сего дня мнѣ бы должно умереть; »а я чувствую себя гораздо бодрѣе.« »*День »еще не миновалъ!*« отвѣчали астрологи. Больной сѣлъ опять въ ванну, пробылъ въ ней около трехъ часовъ, легъ на кровать, всталъ, спросилъ шахматную доску и, сидя на постелѣ въ халатѣ, разставивъ шаш-

ки, хотѣлъ играть съ Бѣльскимъ. . . упалъ и закрылъ глаза навѣки. Іоаннъ лежалъ уже бездыханный; но трепещущіе царедворцы еще не вѣрили и долго не смѣли объявить о семъ. Но вдругъ пронеслось въ Кремлѣ: »Не стало Государя!« и объ Іоаннѣ— раздались вопли, полились слезы! Народъ добрый и благочестивый отдалъ сей долгъ искренняго, христіанскаго примиренія Монарху усопшему. — Историки чужеземные, не находя подобнаго явленія въ представленіяхъ языческой великости народовъ древнихъ, ниже видя подобнаго примѣра въ своихъ лѣтописяхъ, кои изображаютъ, напротивъ, радость народовъ при смерти ихъ тиранновъ, называютъ сію благословенную, непонятную для нихъ черту нашего народа—варварствомъ!

Но чему удивляться, когда нѣкоторые

писатели отечественные сами въ недоумѣніи о ней повѣствуютъ? Между тѣмъ, что можетъ быть простѣе и понятнѣе? Народъ Русскій, свѣже еще помнившій тогда, что одно Единодержавіе спасло его и отъ ига Татарскаго, и отъ порабощенія Поляковъ и Шведовъ, и отъ раззоренія Крымцевъ, видѣлъ въ Самодержцахъ своихъ Помазанниковъ, никому на землѣ, кромѣ Бога, не подсудимыхъ; видѣлъ въ Божественномъ Писаніи, слышалъ отъ Духовныхъ Пастырей своихъ и всенародно и въ тайнѣ, что Цари добрые и злые посылаются отъ Бога, или для благоденствія, или для наказанія народовъ; *мучителя* Іоанна почиталъ онъ страшнымъ, но вмѣстѣ и жалостнымъ орудіемъ гнѣва, исполнителемъ казней Божійхъ; трепеталъ его, не ненавидя, какъ мора и голода! Посему-то во всю крова-

вую эпоху царствованія Іоаннова, въ 24 года, никому не пришла мысль посягнуть на него. Посему-то и въ ту самую минуту, когда вокругъ дворца Кремлевскаго, гдѣ лежалъ уже бездыханный трупъ его, кипѣла толпа народная, толпа вдовъ, сиротъ, матерей и отцовъ, осиротѣвшихъ отъ его кровожадной жестокости, раздался вопль и слезы, когда услышали:» *не стало Государя!* Всѣхъ поразило одно впечатлѣніе; ибо у всѣхъ было одно чувство: мѣра злодѣяній исполнена, орудіе казни Божіей сокрушено, Великій Царственный преступникъ стоитъ на судѣ неумолимомъ. Прости ему Господи! помилуй его!—не накажи его за меня!—не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, съ бѣднымъ, трепещущимъ предъ Тобою грѣшникомъ!—Вотъ голосъ сердецъ истинновѣрующихъ! вотъ источникъ слезъ народа

Московскаго, истолкованіе воплей его при кончинѣ *мучителя.*

Не только подданные и современники, ниже Исторія не осмѣливается судить преступника столь великаго; она съ ужасомъ повѣствуетъ дѣла, и, отвращая взоръ, указываетъ на гробъ его, преданный землѣ въ Архангельскомъ Соборѣ.—

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

I. О Славянахъ вообще. 1

II. О нравахъ и обычаяхъ Славянъ. . . . 12

Вѣкъ IX.

III. Основаніе Монархіи. 21

IV. О первомъ лучѣ Христіанства, на Россію низпосланномъ. 24

Вѣкъ X.

V. Крещеніе Ольги. 27

VI. Крещеніе Россіи. 29

VII. Юный Изяславъ спасаетъ жизнь матери. 41

VIII. Владиміръ. 44

Вѣкъ XI.

IX. Несторъ. 47

X. Присутствіе духа Князя Глѣба. . . . 49

XI. Рыцарская любовь Норвежскаго Принца Гаральда къ дочери Великаго Князя Ярослава. 51

Стран.

Вѣкъ XII.

XII. Владиміръ Мономахъ. 55
XIII. Мятежничество республики Новгородской. 58
XIV. Мужество Андрея, сына Георгія Владиміровича, Князя Суздальскаго. . . . 59
XV. Судъ Божій надъ клятвопреступникомъ. 62
XVI. Русскій воевода XII вѣка. 65
XVII. Ярославъ Владиміровичь, Князь Галицкій. 66
XVIII. Просвѣщеніе знатныхъ Россійскихъ особъ отъ XI до XIII столѣтія. . . 68

Вѣкъ XIII.

XIX. Россійское духовенство вводитъ у насъ искусства и науки. 77
XX. Древнее Цареградское преданіе о взятіи сего города Русскими. 82
XXI. Первое остриженіе волосъ дѣтямъ мужескаго пола. 83
XXII Прозваніе Александра Невскимъ. . . . 85
XXIII. Евангеліе въ столицѣ Ордынцевъ. . 87

Стран.

xxiv. Крымъ. 88

xxv. Исторія Татаръ о нашествіи ихъ въ Россію. 90

xxvi. Воинственный духъ Князей Россійскихъ. 159

xxvii. Удальство Рязанскаго боярина Евпатія Коловрата. 160

xxviii. Герой Василько. 162

xxix. Князья: Михаилъ Черниговскій и Романъ Рязанскій. 164

xxx. Романъ, Князь Галицкій. 165

Вѣкъ XIV.

xxxi. Ханскій ярлыкъ, или льготная грамота Петру Митрополиту. 167

xxxii. Митрополитъ Ѳеогностъ предъ Чаныбекомъ. 170

xxxiii. Выписка изъ древняго завѣщанія. . 172

xxxiv. О происхожденіи слова *Кремль*. . . 175

xxxv. Каменный Кремль. 176

xxxvi. Отвѣтъ Новгородцевъ Шведскому Королю Магнусу. 177

Стран.

XXXVII. Приглашеніе Алексія Митрополита къ Чаныбеку. 179

XXXVIII. Тверскій Князь Александръ Михайловичъ. 180

XXXIX. Стефанъ Пермскій. 182

Вѣкъ XV.

XL. Первые боевые часы въ Россіи. . . . 185

XLI. Супруга Димитрія Донскаго, Евдокія. . 186

XLII. Великій Князь Василій Васильевичъ рѣшительностію своею спасаетъ Церковь отъ Уніи. 188

XLIII. Побѣгъ сына Ногайскаго Хана Мазовши отъ Москвы. 190

XLIV. Паденіе Греческой Имперіи. 191

XLV. Бракъ Іоанна III съ Греческою Царевною Софіею 193

XLVI. Хитрѣйшее покушеніе Папъ на Церковь Греко-Россійскую. 199

XLVII. Паденіе народодержавія Новгородскаго 201

XLVIII. Остатки Сарая, столицы золотой Орды. 232

Стран.

XLIX. Строеніе Московскаго Успенскаго Собора. 234
L. Первое завоеваніе Казани. 235
LI. Начало внѣшнихъ сношеній Россіи. . . 236
LII. Іоаннъ III выписываетъ иностранныхъ художниковъ. 238
LIII. Первый союзный договоръ Россіи съ Австріею. 240
LIV. Открытіе первыхъ серебряныхъ рудниковъ въ Россіи. 243
LV. Первое сношеніе Турецкаго Султана съ Россіею. 245
LVI. Завоеваніе земли Югорской. 246
LVII. Письмо Хана Менгли-Гирея къ Великому Князю Іоанну III. 248
LVIII. Отвѣтъ Іоанна. 249
LIX. Складная грамота. 250
LX. Награда за воинскіе подвиги въ XV столѣтій. 251

Вѣкъ XVI.

LXI. Великій Князь Іоаннъ III Великій. . . 253
LXII. Первое путешествіе въ Индію. . . . 263

Стран.

LXIII. Складная грамота Московскаго Великаго Князя Василія Іоанновича. . . 265
LXIV. Смерть Казанскаго Царя Магметъ-Аминя. 266
LXV. Хабаръ Симскій. 268
LXVI. Начало Макарьевской ярманки. . . . 270
LXVII. Индѣйское посольство къ Великому Князю Василію Іоанновичу. . . . 272
LXVIII. Характеръ и трогательная кончина Великаго Князя Василія Іоанновича. . 274
LXIX. Максимъ Грекъ. 283
LXX. Дворъ Великокняжескій въ царствованіе Великаго Князя Василія Іоанновича. . 288
LXXI. Россія въ шестомъ надесять вѣкѣ. . 292
LXXII. Примѣчательная грамота Ногайскаго Хана Мамая къ Іоанну IV. . . . 315
LXXIII. Представленіе Казанскаго Царя Шигъ-Алея, малолѣтному Іоанну IV. . . 316
LXXIV. Происхожденіе копѣекъ. 319
LXXV. Состояніе Россіи во время владычества и смутъ боярскихъ. 321

Стран.

LXXVI Величіе десятилѣтняго Іоанна IV. . 327
LXXVII. Послѣдняя смута Боярская, въ малолѣтство Царя Іоанна IV и погибель добродѣтельнаго Князя Ивана Бѣльскаго. 339
LXXVIII. Правительство бояръ въ малолѣтство Іоанна IV. 344
LXXIX. Воспитаніе Іоанна IV. 348
LXXX. Ниспроверженіе похищеннаго боярами правительства тринадцатилѣтнимъ Іоанномъ IV. 351
LXXXI. Царь Іоаннъ IV законодатель. : . 354
LXXXII. Начало Донскихъ Козаковъ. . . . 358
LXXXIII. Сильвестръ, или чудное исправленіе Іоанна Грознаго. 361
LXXXIV. Свиданіе Іоанна Грознаго съ Максимомъ Грекомъ. 364
LXXXV. Взятіе Нарвы при Іоаннѣ IV. . . 366
LXXXVI. Бояринъ Шереметевъ. 368
LXXXVII. Окончательное завоеваніе Казани. . 369
LXXXVIII. Прибытіе первыхъ Англійскихъ пословъ въ Россію. 385

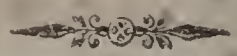
Стран

lxxxix. Отвѣтъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго Густаву, Королю Шведскому, просившему мира послѣ неудачной войны. 389

xc. Строгановы. 391

xci. Ермакъ Тимофеевъ, родомъ неизвѣстный, душею знаменитый. 394

xcii. Кончина Іоанна Грознаго. 414



LE Ap '09

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: JAN 2002
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 182 790 6